Императоръ Константинъ Великій и миланскій эдиктъ 313 года *).

ПРАВО на существованіе въ имперіи, уже безъ опасенія подвергнуться казни за одно имя «христіанъ», дается христіанамъ впервые лишь въ эдиктѣ Галерія. Словами: «ut denuo sint christiani et conventicula sua componant», ясно и опредѣленно, въ законодательномъ порядкѣ, отмѣняется прежнее «non licet esse vos», обращенное къ христіанамъ со стороны язычниковъ [1]).

*) Продолженіе. См. октябрь—ноябрь. На стр. 1188, строка 12 вмѣсто „313 г.“ должно быть „314 г.“.

[1]) Эдиктъ Галерія приводится въ подлинникѣ у Лактанція, De mort. persec. 34, и въ переводѣ на греческій языкъ у Евсевія, h. e. VIII, 17, 10. У Евсевія дается (VIII, 17, 3—4) и отсутствующее у Лактанція inscriptio; въ переводѣ эдикта есть нѣкоторыя, въ общемъ незначительныя, особенности въ сравненіи съ латинскимъ текстомъ. De mort. persec. 34, *Brandt* 212—3: [1] Inter cetera quae pro rei publicae semper commodis atque utilitate disponimus, nos quidem uolueramus antehac iuxta leges ueteres et publicam disciplinam Romanorum cuncta corrigere atque id prouidere, ut etiam Christiani, qui parentum suorum reliquerant sectam, ad bonas mentes redirent, [2] siquidem quadam ratione tanta eosdem Christianos uoluntas inuasisset et tanta stultitia occupasset (у Евсевія, *Schwartz* 794: τοσαύτη αὐτους πλεονεξία [ATER add.: κατεσχήκει και ἀνοια] κατειλήφει), ut non illa ueterum instituta sequerentur, quae forsitan primum parentes eorundem constituerant, sed pro arbitrio suo atque ut isdem erat libitum, ita sibimet leges facerent quas obseruarent, et per diuersa uarios populos congregarent. [3] denique cum eiusmodi nostra iussio extitisset, ut ad ueterum se instituta conferrent, multi periculo subiugati, multi etiam deturbati sunt. [4] atque cum plurimi in proposito perseuerarent ac uideremus nec diis eosdem cultum ac religionem debitam exhibere nec Christianorum deum obseruare, contemplatione mitissimae nostrae clementiae, intuentes et consuetudinem sempiternam, qua solemus cunctis hominibus ueniam indulgere, promptissi-

положеніе христіанъ въ государствѣ. Къ постановленію: «ut denuo sint christiani et conventicula sua componant», присоединяется оговорка: «ita ut ne quid contra disciplinam agant», и обѣщается въ особомъ письмѣ къ президамъ указать, какія правила должны быть при этомъ соблюдаемы. Это дополнительное къ эдикту письмо не дошло до насъ. Но къ нему, съ наибольшею вѣроятностью, нужно относить упоминаніе въ миланскомъ законѣ о документѣ, содержавшемъ тѣ ограниченія, которыя этимъ закономъ отмѣняются. Изданъ онъ былъ, нужно думать, Ликиніемъ, согласіе на него далъ и Константинъ, или по крайней мѣрѣ, это согласіе предполагалось при его изданіи Ликиніемъ. Онъ былъ, вѣроятно, отправленъ, подобно самому эдикту Галерія, и къ Максимину, но Максиминъ и эдиктъ, и это дополненіе къ нему, замѣнилъ для своей области своими распоряженіями [1]).

по существу отъ язычества, такъ какъ языческія veterum instituta будто бы были принимаемы самими родоначальниками христіанъ. Составитель могъ воспользоваться пущеннымъ въ обращеніе именно къ началу IV в. неоплатониками (Порфирій, Іероклъ) утвержденіемъ, будто Самъ Христосъ былъ почитателемъ языческихъ боговъ и ихъ содѣйствіемъ творилъ чудеса, и только Его послѣдователи (уже апостолы) исказили Его подлинное ученіе, стали Его Самого считать Богомъ, а языческихъ боговъ—предполагается—отвергли. Можно замѣтить, что собственно нѣтъ при этомъ даже необходимости настаивать (какъ это дѣлаетъ Бильмейеръ, 556 ff.) на отраженіи неоплатоническаго вліянія въ эдиктѣ Галерія въ какихъ-либо другихъ отношеніяхъ; указанное измышленіе можно было усвоить и не будучи вовсе неоплатоникомъ. Достовѣрность его могла и въ язычникахъ возбуждать сомнѣнія (forsitan); но для правительства, продолжавшаго стоять всецѣло на языческой точкѣ зрѣнія, оно представляло то удобство, что давало возможность съ особой силой поставить на видъ произволъ и неразумѣніе христіанъ, какъ не оказавшихся вѣрными даже своимъ родоначальникамъ, и тѣмъ оправдать прежнія жестокія гоненія на нихъ. Въ концѣ концовъ, очевидно, при такомъ пониманіи эдикта, въ вину христіанамъ ставится всетаки отступленіе отъ язычества, а не раздѣленіе на секты. Фактъ существованія въ язычествѣ въ данное время указаннаго взгляда и двусмысленность языка эдикта, въ частности выраженіе „forsitan“, дѣлаютъ вѣроятною эту гипотезу. Въ переводѣ Евсевія стоитъ: ἅπερ ἴσως πρότερον καὶ οἱ γονεῖς αὐτῶν ἦσαν καταστήσαντες. Но и вставка καὶ не исключаетъ указаннаго пониманія, хотя подлинный латинскій текстъ болѣе рѣшительно говоритъ за него.

[1]) Выше было отмѣчено (Хр. Чт. 1914, 1398—9) разнообразіе высказанныхъ учеными взглядовъ на отмѣняемый миланскимъ узаконеніемъ документъ. Вопросъ о немъ имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ вмѣстѣ съ твердо обоснованнымъ рѣшеніемъ его рѣшался бы въ глав-

Въ чемъ состояли эти ограниченія, прямо не говорится и въ отмѣняющемъ ихъ миланскомъ актѣ. Но если они вообще

номъ и вопросъ о происхожденіи памятника, извѣстнаго съ именемъ миланскаго эдикта. Но на пути къ его рѣшенію стоятъ трудно преодолимыя при имѣющихся данныхъ препятствія. Главное затрудненіе то, что въ приведенномъ у Евсевія введеніи къ миланскому закону говорится лишь объ одномъ документѣ, *рескриптѣ*, въ которомъ давалось и разрѣшеніе христіанамъ содержать свою вѣру, и присоединялись къ этому разныя ограничительныя условія (πολλαὶ καὶ διάφοροι αἱρέσεις ἐν ἐκείνῃ τῇ ἀντιγραφῇ, ἐν ᾗ τοῖς αὐτοῖς συνεχωρήθη ἡ τοιαύτη ἐξουσία, ἐδόκουν προστεθεῖσθαι σαφῶς), между тѣмъ на дѣлѣ должны быть два различные документа: *эдиктъ* Галерія о дозволеніи христіанамъ ихъ вѣры, и затѣмъ особое, объщанное въ немъ, *письмо* объ ограниченіяхъ (per aliam autem epistolam iudicibus significaturi sumus). Бильмейеръ прибѣгаетъ къ предположенію, что или въ греческомъ текстѣ предлогъ ἐν предъ ἐκείνῃ τῇ ἀντιγραφῇ является лишнимъ, и тогда приходится считаться лишь съ неточностью названія здѣсь эдикта Галерія „рескриптомъ“ (ἀντιγραφῇ), или же—чему онъ самъ даетъ предпочтеніе—эдиктъ и инструкція, какъ тѣсно связанные другъ съ другомъ и посланные правителямъ провинцій одновременно, разсматриваются здѣсь, какъ единое изъявленіе законодательной воли (einheitliche Enunciation), и о нихъ—неточно—говорится какъ объ одномъ документѣ (Theol. Quartalschrift, 1914, 220—2, ср. 1912, 579). Но неточность наименованія эдикта „рескриптомъ“ остается и въ послѣднемъ случаѣ. Противъ того, что ограничительныя дополненія къ эдикту разосланы были правителямъ провинцій вмѣстѣ съ эдиктомъ, свидѣтельствуетъ, повидимому, уже то обстоятельство, что Евсевій и Лактанцій ничего не упоминаютъ объ этихъ ограниченіяхъ и говорятъ объ изданіи и распространеніи только самаго эдикта (Eus. h. e. IX, 1, 1; IX, 9ª, 11—12; Lact. De mort. pers. 35, 1, ср. 36, 3, 214: [Максиминъ] inprimis indulgentiam Christianis communi titulo datam tollit).—Можно предположить, что обѣщанное Галеріемъ дополнительное письмо, вслѣдствіе его смерти и послѣдовавшаго затѣмъ столкновенія между Максиминомъ и Ликиніемъ, замедлило выходомъ, и получившіе уже эдиктъ Галерія президы въ области Ликинія стали сами обращаться къ нему съ запросами по этому поводу, что и вызвало рескриптъ съ его стороны, гдѣ подтверждалось сдѣланное при Галеріи узаконеніе и къ нему присоединялись обѣщанныя еще Галеріемъ разъясненія. Этотъ именно изданный Ликиніемъ рескриптъ и отмѣняютъ въ Миланѣ Константинъ и Ликиній въ новомъ законѣ, предназначавшемся прежде всего для области Ликинія. Взглядъ на этотъ документъ, какъ содержавшій инструкцію Ликинія своимъ президамъ, высказываетъ Батиффоль, хотя у него онъ связанъ съ мнѣніемъ объ извѣстномъ обычно съ именемъ миланскаго эдикта памятникѣ, какъ лишь письмѣ Ликинія (см. выше, Хр Чт. 1914, 1406). Въ дѣйствительности, если Галерій не успѣлъ при своей жизни издать обѣщанное „письмо“, то выполнителемъ этого обѣщанія могъ быть тогда не кто другой, какъ только Ликиній, и по своей особой близости къ Галерію, и по своему настроенію въ отношеніи къ хри-

должны были соотвѣтствовать взгляду эдикта Галерія на христіанство, какъ на терпимое лишь зло, то почти съ несомнѣн-

. . . . . .

стіанству. Онъ былъ давнимъ другомъ Галерія (De mort. pers. 20, 3: habebat ipse [Галерій] Licinium ueteris contubernii amicum et a prima militia familiarem, cuius consiliis ad omnia regenda utebatur) и имъ былъ возвышенъ, при Галеріи онъ находился и предъ смертію послѣдняго въ Сердикѣ, гдѣ и былъ составленъ эдиктъ 311 г., и его покровительству Галерій, умирая, поручилъ супругу и сына (35, 3; впослѣдствіи, однако, подозрительный и жестокій тиранъ казнилъ ихъ, 50—51). Къ христіанству Ликиній никогда не имѣлъ особаго сочувствія, всегда въ душѣ оставался язычникомъ, а потомъ выступилъ и открытымъ гонителемъ христіанъ. Составленіе суровыхъ правилъ противъ христіанъ было поэтому, нужно думать, и въ данный моментъ вполнѣ въ духѣ Ликинія. Составленная имъ, въ формѣ рескрипта, инструкція президамъ была, можно полагать, послана и Константину, по крайней мѣрѣ, для свѣдѣнія; во всякомъ случаѣ, въ надписаніи рескрипта, какъ и всякихъ другихъ конституцій, имя Константина, какъ соправителя единой имперіи, должно было находиться. Для области Константина, какъ не имѣлъ въ сущности практическаго значенія самый эдиктъ Галерія,—хотя онъ изданъ былъ отъ имени и Константина и de jure долженъ былъ имѣть силу и для запада,—потому что христіане тамъ уже давно фактически пользовались свободой, такъ, конечно, не сопровождалось какими-либо особыми слѣдствіями и изданіе ограничительныхъ правилъ. Но можно предположить, что дополнительный къ эдикту документъ былъ посланъ Ликиніемъ и Максимину, и что имя послѣдняго также было поставлено въ началѣ его. Максиминъ, не опубликовавшій у себя эдикта, также, конечно, поступилъ и съ этимъ дополненіемъ къ нему. Однако, поскольку содержаніе этого документа было неблагопріятно для христіанъ, онъ не могъ не сочувствовать ему. И можно догадываться, не послужило ли для Максимина именно изданіе этого документа Ликиніемъ и полученіе его поводомъ и предлогомъ снова открыть гоненіе на христіанъ, спустя 6 мѣсяцевъ послѣ того, какъ оно было прекращено и на востокѣ чрезъ письмо Савина. Въ такомъ случаѣ, если инструкція издана была Ликиніемъ не сразу по смерти Галерія, здѣсь мы имѣли бы приблизительное указаніе на время ея изданія. При всей своей враждебности къ христіанамъ, Максиминъ, какъ видно изъ всего поведенія его, всегда въ то же время боялся своихъ западныхъ соправителей, и не слѣдуя вполнѣ ихъ требованіямъ, считался все-таки болѣе или менѣе съ ихъ заявленіями; рескриптъ Ликинія и могъ придать ему нужную смѣлость. Но самъ онъ въ своихъ мѣрахъ противъ христіанъ хотѣлъ идти гораздо далѣе, и ограничительныя правила Ликинія казались для него совершенно недостаточными. Онъ пришелъ съ своей стороны, въ концѣ концовъ, къ мысли—просто изгнать христіанъ изъ городовъ и ихъ окрестностей, выставивъ предлогомъ просьбы о томъ языческихъ жителей разныхъ городовъ и провинцій, внушенныя имъ же самимъ. Возможно, что его рескриптъ объ этомъ, отвѣчавшій на подобныя просьбы, который вырѣзывался на мѣдныхъ доскахъ или на камнѣ и выставлялся

ностью можно утверждать, что между ними было запрещеніе пропаганды христіанства. Уже въ самомъ эдиктѣ слова: «ut

---

въ городахъ, явился какъ бы въ соотвѣтствіе рескрипту Ликинія, отвѣчавшему на запросы президовъ въ своей области. Въ греческомъ переводѣ этотъ новый рескриптъ Максимина приведенъ съ сокращеніями у Евсевія, IX, 7, 3—14, съ мѣдной доски въ Тирѣ. Конецъ его въ латинскомъ подлинникѣ сохранился въ написи на камнѣ, найденной въ 1892 г. въ Аркандѣ въ Ликіи; далѣе въ написи слѣдуетъ греческій текстъ просьбы отъ жителей Ликіи и Памфиліи—устранить безбожіе христіанъ и обратить ихъ къ почитанію боговъ (свѣдѣнія о написи и снимокъ въ статьѣ *H. Leclercq*, „Arikanda", въ Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie publié par F. Cabrol, I, 2, Paris 1907, c. 2835—43; текстъ данъ также, напр., въ *O. von Gebhardt*, Acta martyrum selecta. Berlin 1902, 184—5, *E. Preuschen*, Analecta. I. Tübingen 1909², 100—1). Максиминъ вообще, повидимому, желая дѣйствовать самостоятельно, на разные законодательные акты своихъ западныхъ соправителей отзывался своими соотвѣтствующими выступленіями: эдикту Галерія соотвѣтствуетъ письмо Савина въ силу устнаго распоряженія Максимина, рескрипту Ликинія, согласно съ сказаннымъ, долженъ соотвѣтствовать рескриптъ Максимина городамъ, можетъ быть, также и другія распоряженія, изданію миланскаго закона для запада (Иллирика)—письмо Савину, и наконецъ, опубликованію этого закона Ликиніемъ на востокѣ—изданный Максиминомъ предъ смертью эдиктъ. Дѣйствуя такимъ образомъ до войны съ Ликиніемъ 313 г., онъ, очевидно, не считалъ себя выступающимъ за предѣлы лойяльныхъ отношеній къ соправителямъ и признавалъ допустимымъ изданіе особыхъ законодательныхъ актовъ для востока отъ своего лица, когда для запада уже были изданы соотвѣтственные законы. Имя соправителей, вѣроятно, и онъ ставилъ, по обычаю, въ своихъ конституціяхъ вслѣдъ за своимъ именемъ, хотя у Евсевія, напр., въ посланіи Савину приведено имя лишь его самого и нѣтъ другихъ (такъ и въ inscriptio эдикта Галерія было опущено, нужно думать, самимъ Евсевіемъ имя Максимина, а затѣмъ—въ bDMΣΛ—имя и Ликинія). Характерно во всякомъ случаѣ, что прошеніе отъ жителей Ликіи и Памфиліи, на которое долженъ былъ послѣдовать отвѣтъ объ изгнаніи христіанъ, адресовано было не одному только Максимину, но и Ликинію и, вѣроятно, Константину (тамъ, гдѣ должно быть имя Константина, отчасти пробѣлъ, отчасти недостаетъ края плиты: ΓΑΛΕΡ ΟΥΑΛΕΡ ΜΑΞΙΜΕΙΝΩ ΚΛ′ [= ΚΑΙ?] ——— ———ΚΑΙ ΟΥΑΛΕΡ ΛΙΚΙΝΝΙΑΝΩ ΛΙΚΙΝΝΙΩ; дополняютъ недостающее: ΚΑΙ ΚΩΝΣΤΑΝΤΕΙΝΩ, или ΚΑΙ ΦΑ ΟΥΑΛΕΡ ΚΩΝΣΤΑΝΤΕΙΝΩ); предполагалось, что повелѣніе Максимина будетъ согласно съ волею и другихъ правителей. Имѣлъ или нѣтъ Максиминъ дерзость поставить имя соправителей и въ этомъ рескриптѣ, но вообще онъ, очевидно, долженъ былъ такъ или иначе представлять себя дѣйствующимъ не въ противорѣчіи съ ними (ср. выраженіе о немъ Лактанція De mort. pers. 37, 1: dissimulauit). И если западные правители хотѣли противодѣйствовать такимъ постановленіямъ его, не нарушая добрыхъ съ нимъ отношеній, они могли дѣ-

denuo sint christiani», показываютъ, повидимому, что христіанамъ давалось только право на существованіе, но не на распространеніе своей вѣры, могли существовать (esse) тѣ христіане, которые уже раньше были христіанами, но нельзя было никому вновь дѣлаться (fieri) христіаниномъ [1]). Вѣроятно,

---

лать это путемъ рѣшительныхъ, но высказанныхъ въ мирномъ тонѣ заявленій. Когда въ миланскомъ документѣ изданныя Ликиніемъ правила названы, подъ вліяніемъ, конечно, Константина, „оказавшимися весьма недобрыми и чуждыми кротости", свойственной императорамъ, этимъ давалось понять Максимину, которому миланскій законъ немедленно былъ посланъ, что тѣмъ болѣе являются таковыми и должны быть отмѣнены тѣ мѣры, которыя параллельно съ мѣрами Ликинія приняты имъ противъ христіанъ. Максиминъ, отозвавшись на присылку этого документа письмомъ Савину, и пытается доказать вынужденность именно своего рескрипта городамъ.—Недоумѣніе можетъ вызывать отсутствіе упоминанія о какомъ-либо сопровождавшемъ эдиктъ Галерія ограниченіи правъ христіанъ въ разсказахъ Евсевія и Лактанція. Но если правила Ликинія или его рескриптъ могли имѣть дѣйствительную силу лишь въ его области и изданы были значительно позже самого эдикта Галерія, въ предѣлахъ же Максимина, включая и М. Азію, они совсѣмъ и не были обнародованы (даже въ Никомидіи), какъ изданныя и присланныя Максимину уже по завладѣніи имъ М. Азіей,—Евсевій и Лактанцій могли и не знать объ этомъ рескриптѣ. Во всякомъ случаѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, что предпринималъ и замышлялъ противъ христіанъ Максиминъ, даже и весьма строгія сами по себѣ ограниченія въ рескриптѣ Ликинія могли казаться не имѣющими особаго значенія.—Если прилагаемыя къ инструкціи или рескрипту Ликинія въ миланскомъ узаконеніи названія: „scripta ad officium tuum data" (§ 4), „datae ad officium tuum litterae" (§ 7), сохраняются въ текстѣ этого узаконенія и при обнародованіи его Ликиніемъ въ Никомидіи въ качествѣ „litterae ad praesidem datae", между тѣмъ какъ виѳинскій президъ въ дѣйствительности не получалъ ея, то въ объясненіе этого можно указать, что инструкція, какъ и самый разъясняемый ею эдиктъ Галерія, предназначалась и для президовъ М. Азіи, но только Максиминъ не захотѣлъ объявить ее тамъ. Еще проще дѣло объясняется, если предположить, что и инструкція Ликинія, и затѣмъ отмѣняющая ее миланская конституція, были адресованы въ первой инстанціи собственно префекту преторіи, Лактанцій же указываетъ уже, примѣнительно къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, адресата низшей инстанціи (ср. выше, 1914, 1558). Между прочимъ, префектомъ преторіи у Ликинія могъ быть уже въ 311—313 гг. указываемый для 316 г. Юлій Юліанъ, дѣдъ по матери императора Юліана Отступника. Ср. *O. Seeck*, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. II, Berlin 1901, 499.

[1]) Ср. *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. II. Спб. 1910, 162. Положеніе христіанъ въ данный моментъ въ этомъ отношеніи напоминало положеніе ихъ de facto, или еще ближе—положеніе іудеевъ и de jure и de facto, при Септиміи Северѣ, который, какъ сообщаетъ

по дополнительнымъ правиламъ подвергаемы были болѣе или менѣе суровымъ взысканіямъ и проповѣдники вообще христіанства, и совершавшіе крещеніе новообращенныхъ епископы, и, наконецъ, сами вновь вступавшіе въ церковь, такъ что многіе уже бывшіе по вѣрѣ христіанами, но еще не крестившіеся, удерживались этимъ отъ формальнаго присоединенія къ церкви, и можетъ быть опасались посѣщать богослужебныя собранія и въ качествѣ оглашенныхъ [1]). Но были, кромѣ того, указаны ограниченія правъ и разныя стѣснительныя мѣры (по отношенію, напр., къ богослужебнымъ собраніямъ) и для христіанъ, уже находившихся въ церкви: миланскій документъ говоритъ о «многихъ и различныхъ условіяхъ», стѣснявшихъ ихъ, называя эти условія весьма недобрыми и немилосердными (πάνυ σκαιὰ καὶ τῆς ἡμετέρας πραότητος ἀλλότρια). Христіанамъ дано было, такимъ образомъ, право на существованіе, но оно было обставлено условіями, которыя должны были препятствовать дальнѣйшему распространенію христіанства и содѣйствовать, напротивъ, если возможно, его сокращенію.

Всѣ эти ограниченія устраняются миланскимъ закономъ. Когда онъ предоставляетъ христіанамъ и всѣмъ другимъ полную свободу «слѣдовать той религіи, кто какой хочетъ» (§ 2: liberam potestatem sequendi religionem, quam quisque voluisset), и «какую кто признаетъ для себя наиболѣе пригодною» (§ 3: quam ipse sibi aptissimam sentiret), этимъ разрѣшается уже и свободный переходъ изъ одной религіи въ другую. И по отношенію къ наличнымъ христіанамъ всякія стѣснительныя мѣры отмѣняются. Свобода въ выборѣ и содержаніи религіи предусматривается какъ бы и для самихъ правителей, которые прежде считались охранителями государственной религіи (§ 3: divinitas, cujus religioni liberis mentibus obsequimur). Здѣсь

Spartianus, Vita Seueri, 17: Iudaeos fieri sub graui poena uetuit. idem etiam de Christianis sanxit (но за іудеями право существованія признавалось). При этомъ въ выраженіи эдикта Галерія: ut denuo sint christiani, нѣтъ необходимости видѣть, подобно Батиффолю указаніе на возстановленіе лишь утверждавшейся уже юридически ранѣе свободы. Имѣется въ виду только фактическая терпимость по отношенію къ христіанамъ, дававшая имъ возможность такъ или иначе существовать (esse) въ промежутки между гоненіями правительства, какъ это было и предъ гоненіемъ самого Галерія; теперь она облекается въ юридическую форму.

[1]) На это, вѣроятно, указываютъ слова во введеніи къ миланскому закону: τυχὸν ἴσως τινες αὐτῶν μετ' ὀλίγον ἀπὸ τῆς τοιαύτης παραφυλάξεως ἀπεκρούοντο.

нѣтъ уже упоминанія о «древнихъ законахъ», объ «установленіяхъ, сдѣланныхъ древними», и императоры выступаютъ не какъ почитатели «боговъ», защитники многобожія, а какъ послѣдователи монотеизма, хотя исповѣдуемаго въ самыхъ общихъ выраженіяхъ (summa divinitas) [1]).

Такимъ образомъ, если ни при Александрѣ Северѣ, ни при Галліенѣ не было издано актовъ, измѣнявшихъ по существу юридически безправное положеніе христіанъ, если эдиктомъ Галерія, хотя и дано было имъ право существованія, но съ значительными лишь ограниченіями въ проявленіяхъ религіозной жизни, то миланскимъ закономъ объявлена была для нихъ уже полная свобода.

2) Быть христіаниномъ значило принадлежать къ церкви. Христіане особо опасными въ глазахъ правительства и являлись именно потому, что объединялись въ особое организованное общество, все болѣе и болѣе возраставшее въ количествѣ своихъ членовъ. Такимъ образомъ, уже вопросъ о личной свободѣ христіанъ можетъ быть разсматриваемъ лишь въ связи съ вопросомъ объ отношеніи государства къ церкви. Но фактически, не смотря на общее положеніе: non licet esse vos, не только христіане, какъ отдѣльныя лица, существовали и пользовались имущественными и другими правами, хотя и подъ страхомъ постоянной опасности лишиться не только имущества, но и самой жизни за исповѣданіе христіанства,—но и христіанскія общины, именно какъ общины, обладали принадлежавшими имъ, а не отдѣльнымъ ихъ членамъ, имуществами, прежде всего молитвенными зданіями. Были ли для этого послѣдняго факта юридическія основанія?

Такія основанія Перуджи, вмѣстѣ съ многими другими учеными, хочетъ видѣть въ римскихъ законахъ о неприкосновенности мѣстъ погребенія и о погребальныхъ коллегіяхъ. Батиффоль, напротивъ, не придавая значенія этимъ законамъ, думаетъ находить въ особыхъ императорскихъ постановленіяхъ и юридическое признаніе христіанскихъ общинъ, какъ корпорацій. Сантуччи рѣшаетъ вопросъ о правоспособности христіанскихъ общинъ до Константина отрицательно, въ законахъ о loca religiosa и—частію, болѣе или менѣе—о погребальныхъ коллегіяхъ видитъ лишь полезные для христіанъ институты,

---

[1]) Ср. *Batiffol*, La paix constantinienne, 241—5.

за самими христіанами легальныхъ правъ, однако, не обезпечивавшіе.

Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ въ общемъ и нужно согласиться. Институтъ loca religiosa, вытекавшій изъ особыхъ воззрѣній римлянъ вообще на мѣста погребенія и изъ уваженія къ нимъ, имѣлъ настолько общее и настолько важное значеніе, что для христіанъ было вполнѣ возможно и весьма естественно воспользоваться имъ при ихъ безправномъ положеніи. Катакомбы или кимитиріи христіанъ оставались обычно болѣе или менѣе неприкосновенными и во время гоненій, за исключеніемъ лишь послѣдняго гоненія Діоклетіана и его соправителей, и христіанамъ лишь запрещался доступъ къ нимъ. Но фактическое пользованіе ими во время мира, очевидно, вовсе не указываетъ на признаніе христіанскихъ общинъ корпораціями въ юридическомъ смыслѣ [1]).

---

[1]) О значеніи для христіанъ въ періодъ гоненій института loca religiosa см. *П. Соколовъ*, Церковноимущественное право въ греко-римской имперіи. Новгородъ 1896, 41—48. Ср. также *И. Бердниковъ*, Государственное положеніе религіи въ римско-византійской имперіи. I. Казань 1881, 92—95, 547—552. Вообще о мѣстахъ погребенія христіанъ въ эту эпоху—статьи *N. Müller*, „Koimeterien", въ Hauck's RE³X (1901), 794—877f; *H. Leclercq*, „Area", въ Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, I, 2 (1902), c. 2787—2802, „Catacombes", II, 2 (1910), 2376—2450, „Cella". II, 2, 2881—2905, „Cimetière", III, 2 (fasc. 29, 1913), 1625—1665. Кромѣ подземныхъ катакомбъ, у христіанъ были и надземныя мѣста погребенія. Въ Африкѣ катакомбъ вообще почти не было, и были лишь надземные кимитиріи, называвшіеся тамъ обычно areae (въ этомъ же смыслѣ употребляется и слово hortus). Неприкосновенность построеннаго на предназначенномъ для погребенія участкѣ зданія, monumentum, каковымъ могло быть и весьма обширное сооруженіе (cella memoriae. memoria martyrum у христіанъ), была ограждена закономъ; законъ бралъ подъ свою защиту и разныя другія, назначенныя для поддержанія въ порядкѣ мѣста погребенія, имущества. Правда, какъ сообщаетъ Тертулліанъ, въ Африкѣ бывало, что въ праздникъ вакханалій язычники осмѣливались christianorum cadavera de requie sepulturae et de asylo quodam mortis avellere (Apol. 36), и въ 203 году слышны были въ Карѳагенѣ крики: areae non sint (ad Scap. 3). Но само правительство, если и оставляло подобные безпорядки со стороны толпы безнаказанными, то, съ другой стороны, и не поощряло ихъ. Въ гоненіе Валеріана, повидимому, запрещенъ лишь былъ доступъ христіанамъ въ кимитиріи для богослужебныхъ собраній (Acta Cypr. I, 7: Praeceperunt etiam, ne in aliquibus locis conciliabula fiant, nec coemeteria ingrediantur. · Eus. h. e. VII, 11, 10: οὐδαμῶς δὲ ἔξεσται οὔτε ὑμῖν οὔτε ἄλλοις τισὶν ἢ συνόδους ποιεῖσθαι ἢ εἰς τὰ καλούμενα κοιμητήρια εἰσιέναι). Но въ гоненіе при Діоклетіанѣ, когда изданъ былъ указъ о разрушеніи церквей, несомнѣнно были

Такое признаніе дѣйствительно имѣло бы до извѣстной степени мѣсто въ томъ случаѣ, если бы самыя общины отождествлены были въ глазахъ римскаго правительства съ «дозволенными» погребальными коллегіями. Однако, съ одной стороны, если бы это было вѣрно, всетаки это было бы только фикціею: христіанскія общины были бы признаны въ сущности дозволенными не какъ таковыя, не какъ то, чѣмъ онѣ являются на дѣлѣ, а какъ то, за что онѣ лишь выдаютъ себя. Но съ другой стороны, самый фактъ, что христіане формально когда-либо выдавали себя за такія коллегіи, хотя это и признаютъ вслѣдъ за де-Росси весьма многіе ученые, нужно, повидимому, считать болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Христіанскія общины могли фактически существовать такъ же, какъ существовали на дѣлѣ и многія другія коллегіи, формально не признанныя и въ этомъ смыслѣ «недозволенныя» и какихъ-либо юридическихъ прерогативъ не имѣвшія, однако терпимыя: правительство не признавало ихъ за согрога въ собственномъ смыслѣ, но и не преслѣдовало. Терпимость нѣкоторыхъ императоровъ и по отношенію къ христіанамъ въ этомъ направленіи могла простираться весьма далеко, такъ что могло получаться впечатлѣніе, что своими рѣшеніями въ пользу ихъ они какъ бы усвояютъ имъ даже корпоративныя права [1]).

разрушаемы, или же конфискуемы и молитвенныя зданія при гробахъ мучениковъ. Правительство въ этомъ случаѣ могло сослаться на то, что мученики, съ точки зрѣнія закона, являются уголовными преступниками, казненными за crimen laesae majestatis, а такія лица вообще лишены права на законом'рное погребеніе, что являлось необходимымъ условіемъ для огражденія закономъ мѣста погребенія (ср. Соколовъ, 47—48). У Евсевія (VIII, 6, 7) о гоненіи Діоклетіана сообщается, что въ самомъ началѣ гоненія казненныхъ за христіанство придворныхъ (τοὺς βασιλικοὺς παῖδας), уже послѣ погребенія правители нашли нужнымъ выкопать изъ могилъ и бросить въ море, изъ опасенія, чтобы христіане не стали поклоняться имъ какъ богамъ, если они будутъ находиться въ гробницахъ. Особое упоминаніе о возвращеніи церквамъ мѣстъ погребенія мучениковъ дѣлается въ указѣ Константина послѣ гоненія Ликинія (V. C. II, 40). Нужно однако имѣть въ виду, что вслѣдствіе вообще запрещенія погребать въ городахъ, находившіяся въ самыхъ городахъ молитвенныя зданія, и слѣдовательно, „каѳедральный“ храмъ, не могли пользоваться охраной по законамъ о loca religiosa (Соколовъ, 42, 47).

[1]) По вопросу о томъ, выдавали ли себя христіане во время гоненій за погребальныя коллегіи, см. обстоятельную статью *J.-P. Waltzing*, „Collegia“, въ Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, III, 2 (fasc. 30—31, 1913), с. 2107—2140 (автора обширнаго труда Étude historique sur les corporations professionelles chez les Romains depuis les ori-

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется взглядъ Батиффоля на дѣйствія Александра Севера и Галліена. Что

---

gines jusqu' à la chute de l'Empire d'Occident. I—II. Louvain 1895—1900). Здѣсь (2109—2110), также въ упомянутой выше статьѣ *N. Müller*'а, въ RE³X, 840, можно найти указаніе литературы вопроса. Мнѣніе, что христіанскія общины выступали предъ правительствомъ въ качествѣ погребальныхъ коллегій, высказалъ впервые и попытался обосновать *de Rossi* (1864). Съ нимъ соглашаются, напр., Allard, Boissier, Leclercq, Löning, Kraus, Neumann. Критически отнеслись къ этому мнѣнію *L. Duchesne* (прежде всего въ литографированныхъ лекціяхъ 1878—1881 гг.—Les origines chrétiennes), *V. Schultze* (De Christianorum veterum rebus sepulcralibus. Gotha 1879, и Die Katakomben. Lpz. 1882, ср. RE³ X, 840) и въ русской литературѣ *И. Бердниковъ* (Государственное положеніе религіи въ римско-византійской имперіи I. Казань 1881, 548—551). Такъ же относятся къ нему Kirsch, Sohm, Harnack, Heinze, Batiffol. *Waltzing* сначала держался мнѣнія де-Росси (въ Étude, I, 133 — 134, 139, 150 — 151), но потомъ рѣшительно перешелъ на сторону его противниковъ (уже въ томъ же Étude, I, 316; ср. Dictionn. III, 2, 2109 — 2110). Какъ разъясняется въ названной статьѣ его, можно различать, съ точки зрѣнія положенія въ государствѣ, 4 вида коллегій, существовавшихъ въ первые вѣка христіанства въ римской имперіи. 1) Правами юридической личности пользовались и обозначались названіемъ corpus (въ юридическомъ смыслѣ) собственно тѣ коллегіи, которыя были признаны государствомъ чрезъ особое распоряженіе сената (въ Италіи) или императора (въ провинціяхъ): collegia licita. 2) Помимо этихъ „дозволенныхъ" коллегій, существовало, однако, въ имперіи немало такихъ, которыя не были признаны или „дозволены", были слѣдовательно collegia illicita, но не были и преслѣдуемы. Правъ юридической личности онѣ не имѣли, ихъ имущество считалось, съ точки зрѣнія закона, собственностью отдѣльныхъ лицъ, входившихъ въ ихъ составъ (hominum singulorum), а не самой коллегіи въ цѣломъ; такая коллегія не могла, напр., получать наслѣдство по завѣщанію. 3) „Недозволенныя" въ этомъ смыслѣ коллегіи подвергались преслѣдованію въ томъ случаѣ, если онѣ оказывались почему-либо опасными для государства или общества, превращались въ factiones. Эпитетъ illicita въ отношеніи къ такимъ коллегіямъ имѣлъ уже особый смыслъ. Очевидно, что даже и узаконенная первоначально коллегія, если ея дѣятельность принимала опасный характеръ, могла подвергнуться запрещенію. 4) Особое исключеніе изъ общаго правила римское правительство дѣлало для несостоятельныхъ людей, соединявшихся въ общества, цѣлью которыхъ было устроять приличное погребеніе своимъ членамъ: collegia tenuiorum, или—по придуманному Моммсеномъ названію—collegia funeraticia. Эти коллегіи получали права юридическихъ лицъ, такъ что имѣли особую кассу (arca), мѣсто для собраній (schola, templum), участокъ земли для погребенія, и слѣдовательно, были collegia licita—въ силу простого лишь заявленія въ полиціи (въ Римѣ у praefectus urbis) объ открытіи подобнаго общества.—Нѣтъ никакихъ ясныхъ доказательствъ, чтобы христіане пытались пріобрѣсти

Александръ Северъ призналъ за христіанскимъ обществомъ право имущественнаго владѣнія, какъ за corpus christianorum,

себѣ право на юридическое существованіе въ государствѣ подъ видомъ этихъ именно погребальныхъ коллегій, напротивъ, многое говоритъ противъ этого предположенія. Христіанскія общины въ большихъ городахъ были слишкомъ многолюдны, чтобы ихъ можно было съ удобствомъ выдавать за погребальныя братства, обычно весьма незначительныя по числу членовъ. И самыя задачи и организація тѣхъ и другихъ были совершенно различныя, и это должно было быть хорошо извѣстно языческимъ властямъ. Распространены были погребальныя коллегіи, при томъ, только на западѣ, на востокѣ же ихъ и не было. Кельсъ во второй половинѣ II в. прямо ставилъ христіанамъ въ упрекъ, что они составляютъ общества тайно и противозаконно (κρύβδην—παρὰ τὰ νενομισμένα), и Оригенъ въ 248 г. отвѣтилъ на это только то, что истина должна быть ставима выше государственныхъ узаконеній (c. Cels. I, 1). Если обычно ссылаются въ подтвержденіе указанной гипотезы на Тертулліана, Apolog. 39, то въ дѣйствительности Тертулліанъ хочетъ здѣсь доказать, что христіанскія общины не могутъ быть подведены подъ понятіе „inlicitae factiones“, а не то, что онѣ прямо относятся къ погребальнымъ коллегіямъ, или представляютъ полную аналогію именно съ ними. Въ сущности, нѣтъ и никакой необходимости въ этой гипотезѣ: если вообще существовали въ имперіи „недозволенныя“, въ смыслѣ неразрѣшенныхъ формально, но и не запрещаемыхъ прямо, общества, съ принадлежавшимъ имъ de facto имуществомъ, которое, однако, de jure считалось собственностью лишь отдѣльныхъ членовъ ихъ, этимъ уже объясняется возможность фактическаго существованія и христіанскихъ общинъ въ эпоху гоненій и помимо какой-либо юридической фикціи. Извѣстное сходство (при различіи по существу) христіанскихъ общинъ съ погребальными коллегіями могло въ нѣкоторыхъ случаяхъ содѣйствовать установленію болѣе снисходительнаго взгляда представителей власти и на христіанскія общины, но нельзя видѣть здѣсь основу вообще юридическаго ихъ положенія.—Нужно замѣтить, что *В. Б. Ельяшевичъ*, Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ. Спб. 1910, 348—350, протестуетъ противъ приложенія (у Waltzing'a въ Étude I, 132, также Kornemann'a и Mitteis'a) названія illicita къ несанкціонированнымъ, но и непреслѣдуемымъ коллегіямъ. Но вопросъ въ данномъ случаѣ (независимо отъ вопроса о смыслѣ lex Julia) сводится собственно къ терминологіи. Если коллегія безъ государственной санкціи у самихъ римскихъ юристовъ (у Павла) характеризуется, какъ corpus, cui non licet coire, то къ ней можетъ быть приложено въ извѣстномъ смыслѣ и названіе collegium non licitum = illicitum. Съ другой точки зрѣнія и въ другомъ смыслѣ, поскольку существованію и дѣятельности такихъ коллегій не ставилось препятствій, онѣ, конечно, могли называться и licita, и возможно, что приводимыя авторомъ (349$_{58}$) слова Тертулліана о христіанахъ, Apolog. 38: inter licitas factiones sectam istam deputari oportebat, имѣютъ въ виду не разрѣшенныя особымъ актомъ коллегіи, но и не collegia funeraticia, а именно коллегіи лишь игнорируемыя, но непреслѣдуемыя.

это Батиффоль выводитъ изъ разсказа его біографа о рѣшеніи имъ (rescripsit) въ пользу христіанъ въ Римѣ спора ихъ о занятомъ ими земельномъ участкѣ (locus publicus) съ трактирщиками. Однако, остается неизвѣстнымъ, какъ обставленъ былъ съ формальной стороны этотъ судебный процессъ христіанъ, не выступало ли, напр., въ качествѣ представителя отъ христіанъ одно лицо, которое и могло считаться (а не вся община) предъ закономъ владѣльцемъ или распорядителемъ пріобрѣтенной или занятой земли [1]). Въ рескриптѣ же Галліена египетскимъ епископамъ рѣчь шла именно лишь о допущеніи христіанъ къ «τόποι θρησκεύσιμοι» (= loca religiosa?), или, какъ говорилось въ конституціи къ другимъ епископамъ, къ кимитиріямъ [2]). Возстановлялось прежнее фактическое положеніе дѣла, но для вывода, что разрѣшаемое христіанамъ пользованіе кимитиріями указывало на признаніе христіанскихъ общинъ корпораціями въ собственномъ смыслѣ, здѣсь нѣтъ основаній.

Эдиктъ Галерія 311 г. даетъ христіанамъ право собираться для богослуженія, можетъ быть, также строить молитвенные дома [3]). Но въ какой юридической формѣ осуществлялось вла-

---

[1]) Lampridii Alex. Seuerus, 42, 6 (*Peter* I. 263): cum Christiani quendam locum, qui publicus fuerat, occupassent, contra popinarii dicerent, sibi eum deberi, rescripsit, melius esse, ut quemadmodumcumque illic deus colatur, quam popinariis dedatur. Какъ замѣчаетъ, *Waltzing*, въ Dictionn. d'archéologie, III, 2, 2134₁₀, употребляемыя Лампридіемъ выраженія „christiani“ и „popinarii“ могутъ означать, что христіане и трактирщики дѣйствовали въ этомъ случаѣ какъ singuli, а не какъ corpus, если бы даже и тѣ и другіе составляли на дѣлѣ корпорацію, хотя самъ онъ считаетъ обратное болѣе вѣроятнымъ. Предполагаютъ, что мѣсто, о которомъ шелъ споръ, было въ Trastevere, тамъ гдѣ находится нынѣ церковь св. Дѣвы Маріи (S. Maria), или (по Erbes)—гдѣ церковь св. Кекиліи. Ср. *K. J. Neumann*, Der römische Staat und die allgemeine Kirche bis auf Diocletian. I. Lpz. 1890, 209, 311.

[2]) Ср. выше, 1201.

[3]) У Евсевія слова эдикта: ut — — conuenticula sua componant (§ 4), переводятся: ἵνα — — τοὺς οἴκους ἐν οἷς συνήγοντο, συνθῶσιν. „Conuenticulum“ можетъ означать и собраніе, и мѣсто собранія. Въ De mort. pers. 36, 3. встрѣчается выраженіе „conuenticula extruere“ о христіанскихъ храмахъ. „Componere“ въ комбинаціи съ conuenticula, повидимому, скорѣе могло бы указывать на устройство собраній; но оно можетъ употребляться и какъ синонимъ extruere, когда говорится о построеніи зданій (componere domum, templa, urbem). Мнѣнія относительно даннаго мѣста эдикта поэтому раздѣляются. Одни, согласно съ Евсевіемъ, видятъ здѣсь разрѣшеніе строить храмы (Belser, Hülle), другіе—устроять собранія (Baudri,

дѣніе христіанскихъ общинъ имуществомъ, не приходилось ли и теперь отдѣльнымъ лицамъ выдавать себя предъ зако-

---

E. Schwartz, Bihlmeyer). Ср. *Bihlmeyer*, 571—2 (572: „Wäre Wiederaufbau der Kirchen gemeint, so würde es wohl deutlicher extruant heissen"). Эдиктъ Галерія и здѣсь представляетъ, такимъ образомъ, своеобразную, хотя, можетъ быть, и непреднамѣренную, двусмысленность. Дозволеніе строить зданія для богослужебныхъ собраній, разумѣется, само собой предполагало и разрѣшеніе этихъ собраній. Но обратный выводъ—изъ разрѣшенія собраній о разрѣшеніи устроять и особыя для нихъ зданія—не слѣдовалъ съ необходимостью. Нужна была и относительно этого пункта какая-либо дальнѣйшая „certa forma", чтобы устранить неопредѣленность. Сами христіане, естественно, склонны были истолковывать законъ въ наиболѣе благопріятномъ для себя смыслѣ, и латинскій текстъ самъ по себѣ не представлялъ никакихъ къ тому препятствій. Въ такомъ именно смыслѣ онъ и переданъ у Евсевія. Что вопросъ о постройкѣ храмовъ христіанами привлекалъ тогда особое вниманіе къ себѣ, это видно изъ сообщенія Лактанція, что Максиминъ, завладѣвшій частью области Галерія послѣ его смерти, лишая христіанъ правъ, данныхъ эдиктомъ 311 г., внушалъ посольствамъ отъ городовъ просить именно о недозволеніи христіанамъ строить въ городахъ храмы (36, 3, 215: ne intra ciuitates suas Christianis conuenticula extruere liceret), и онъ поручилъ вновь учрежденной имъ языческой іерархіи наблюдать между прочимъ, и за этимъ (36, 4: <ut *add. Baluze*> Christiani neque <conuenticula *add. Heumann*> fabricarent). Намѣренія Максимина, правда, простирались на дѣлѣ и гораздо далѣе, и весьма трудно объяснить, почему Лактанцій не говоритъ здѣсь и о желаніи его совсѣмъ изгнать христіанъ изъ городовъ (Eus. h. e. IX, 2, 2; 9a, 17; 10, 12). Но возможно, что, напр., въ Никомидіи, гдѣ эдиктъ Галерія былъ уже обнародованъ, можетъ быть, и въ другихъ городахъ, къ вопросу о храмахъ главнымъ образомъ и сводилась петиція гражданъ, Максиминъ же навязывалъ имъ свое собственное желаніе. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о храмахъ имѣлъ тогда, послѣ гоненія, направленнаго именно къ разрушенію или конфискаціи храмовъ, особую важность для христіанъ. Лактанцій и о Ликиніи сообщаетъ, что по обнародованіи въ Никомидіи миланскаго узаконенія, онъ далъ еще и устное распоряженіе о приведеніи храмовъ въ прежнее состояніе (48, 13, 233; etiam uerbo hortatus est, ut conuenticula <in> statum pristinum redderentur). Максиминъ, въ свою очередь, въ своемъ послѣднемъ эдиктѣ, изданномъ уже въ пользу христіанъ, нашелъ нужнымъ особо упомянуть о разрѣшеніи строить церкви (Eus. h. e. IX, 10, 10, 844: καὶ τὰ κυριακὰ δὲ τὰ οἰκεῖα ὅπως κατασκευάζοιεν, συγχεχώρηται. Характерно въ данномъ случаѣ употребленіе языческимъ Максиминомъ чисто христіанскаго названія τὸ κυριακόν; очевидно, оно было общераспространеннымъ на востокѣ въ то время (нѣтъ основаній думать, подобно Батиффолю, La paix Const. 239$_2$, что оно введено лишь греческимъ переводчикомъ документа: и въ латинскомъ текстѣ могло стоять соотвѣтствующее ему dominicum). — Дозволеніе строить храмы, — если оно именно разумѣлось въ эдиктѣ Галерія,—данное въ общей формѣ, не предрѣшало еще само по себѣ вопроса о юридической формѣ, въ какой

номъ обладателями того, что̀ на дѣлѣ принадлежало церкви, въ эдиктѣ не опредѣляется. Между тѣмъ, съ этимъ связанъ вопросъ, признаетъ или нѣтъ правительство за христіанами корпоративныя права въ собственномъ смыслѣ. Христіане могли собираться для богослуженія, но съ этимъ еще не соединялось непремѣнно право общины выступать въ качествѣ юридическаго лица и совершать имѣющіе законную силу юридическіе акты. Съ общей тенденціей эдикта,—разрѣшивъ христіанамъ существованіе въ имперіи, въ то же время не создавать удобныхъ условій для дальнѣйшаго развитія церкви, это было бы вполнѣ согласно. О возвращеніи христіанамъ мѣстъ богослуженія, которыми они пользовались раньше, въ эдиктѣ нѣтъ рѣчи. Въ дополнительной же къ нему инструкціи, можетъ быть, предоставлялось христіанамъ воспользоваться молитвенными зданіями, если они не были разрушены, или, по крайней мѣрѣ, мѣстами, гдѣ они находились, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти зданія и мѣста послѣ конфискаціи оставались за казной и считались собственностью государства; но если казна успѣла уже передать ихъ въ другія руки путемъ продажи или даренія, какія-либо претензіи христіанъ на обратное полученіе ихъ являлись недопустимыми и, можетъ быть, заранѣе прямо отстранялись [1]).

должно было осуществляться владѣніе этими храмами. Тѣмъ болѣе простое дозволеніе собираться для богослуженія не указывало, что за христіанскими общинами утверждаются еще какія-либо права помимо этого права—собираться, не подвергаясь преслѣдованію. Jus coeundi вообще считалось въ римскомъ правѣ характернымъ признакомъ для collegia licita. Но по отношенію къ религіозному обществу на этомъ элементарномъ правѣ—имѣть богослужебныя собранія—дѣло и могло остановиться. Только оно и было дано, можетъ быть—вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ строить необходимыя для этихъ собраній зданія, эдиктомъ 311 г., но и то съ многозначительнымъ замѣчаніемъ о ненарушеніи требованій „дисциплины“ и обѣщаніемъ издать ограничительныя условія.

[1]) На это, можетъ быть, указываетъ упоминаніе въ миланскомъ законѣ о какомъ-то сдѣланномъ ранѣе постановленіи относительно этихъ мѣстъ въ § 7: de quibus etiam datis ad officium tuum litteris certa antehac forma fuerat comprehensa, въ прямой связи съ дѣлаемымъ теперь распоряженіемъ о возвращеніи ихъ христіанамъ. Если инструкція Ликинія представляла собою рескриптъ, данный въ отвѣтъ на запросы о разныхъ сразу же встрѣтившихся недоумѣніяхъ по поводу Галеріева эдикта, который оставался пока безъ обѣщаннаго дополненія, между тѣмъ долженъ былъ вступить въ силу немедленно по своемъ объявленіи, то возможно, что и этотъ пунктъ являлся въ

Совершенно иное видимъ и въ этомъ пунктѣ въ миланскомъ узаконеніи. На ряду съ дарованіемъ христіанамъ полной религіозной свободы, имъ возвращаются всѣ, конфискованныя раньше, мѣста богослужебныхъ собраній, кто бы ни оказывался ихъ владѣльцемъ въ данный моментъ,—равно и все другое недвижимое имущество, бывшее достояніемъ цѣлыхъ общинъ, а не отдѣльныхъ лицъ. Вознагражденіе за убытки языческимъ владѣльцамъ обѣщаетъ давать само правительство. Но что̀ здѣсь является особенно важнымъ, это та юридическая квалификація, съ какой выступаетъ здѣсь фактъ возвращенія христіанскимъ общинамъ ихъ имущества *).

А. Брилліантовъ.

рескриптѣ отвѣтомъ на спеціальный вопросъ. Въ самомъ миланскомъ узаконеніи, во всякомъ случаѣ, говорится о возвращеніи христіанамъ мѣстъ богослуженія и вообще церковнаго имущества не конфисковавшимъ ихъ правительствомъ, а дальнѣйшими уже владѣльцами. Само собою разумѣется, что казна прежде всего должна была отдать христіанамъ то, что̀ было захвачено ею и не перешло отъ нея къ кому-либо другому. Но когда и какъ это было осуществлено, остается не яснымъ, если не предположить, что это было сдѣлано въ инструкціи Ликинія, несмотря на ея неблагопріятное въ цѣломъ отношеніе къ христіанамъ. Въ письмѣ Анулину встрѣчается общее замѣчаніе о рѣшеніи Константина, чтобы церквамъ возвращена была ихъ собственность (X, 5, 16: ἐπειδήπερ προηρήμεθα — — ἀποκατασταθῆναι). *Batiffol*, La paix Constantinienne, 250$_{1}$, хочетъ видѣть здѣсь (προαιρεῖσθαι=constituere) указаніе на особый законодательный актъ (миланскій законъ?). Но возможно, что Константинъ указываетъ здѣсь просто лишь на свою волю въ данномъ случаѣ.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Гавріилъ (Петровъ), епископъ тверскій (1763—1770 г.г.), въ роли исполнителя порученій высшей власти *).

4.

Въ конечномъ результатѣ, такимъ образомъ, и комиссія духовно-гражданская не оправдала, хотя бы и не по своей винѣ, возлагавшихся на нее сначала ожиданій. Преосвящ. Гавріилъ много потрудился по поводу этой комиссіи, несомнѣнно, слѣдилъ съ особымъ вниманіемъ за ея дѣятельностью; но довести дѣло до желательнаго конца не пришлось. На нѣтъ свелись въ концѣ концовъ хлопоты и еще по одному вопросу, переданному на разсмотрѣніе екатерининской комиссіи, въ которомъ была заинтересована церковь.

Мы видѣли выше, что преосв. Гавріилъ вмѣстѣ съ Иннокентіемъ и Платономъ работалъ въ 1766 году надъ планомъ преобразованія духовныхъ училищъ. Гавріилъ былъ ближайшимъ авторомъ составленнаго плана, защищалъ его предъ императрицей и зналъ, разумѣется, о его судьбѣ: т. е., о передачѣ его въ комиссію уложенія. Духовно-школьный вопросъ вошелъ въ общій вопросъ о народномъ образованіи и относился къ вѣдѣнію частной комиссіи объ училищахъ и призрѣнія требующихъ. Комиссія эта учреждена была одновременно съ духовно-гражданской, 27 мая 1768 г. Членами въ

*) Продолженіе. См. октябрь-ноябрь.

нее были выбраны: депутатъ кіевскаго шляхетства Владиміръ Золотницкій, секретарь графа Панина; депутатъ отъ города Переяславля Александръ Угрюмовъ; депутатъ отъ г. Дерпта профессоръ Яковъ Урсинусъ; деп. отъ тульскаго дворянства Алекс. Ивашкинъ и деп. медицинской коллегіи баронъ Георгъ Ашъ [1]). Ивашкинъ и Угрюмовъ скоро выбыли — въ концѣ іюля 68 [2]), и вмѣсто нихъ были назначены: депутатъ юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ Тимофей фонъ-Клинштетъ и деп. государственныхъ крестьянъ уфимской провинціи Арсеній Беклешовъ [3]). Послѣдній то же выбылъ въ декабрѣ 68 г. и замѣненъ деп. отъ курскаго дворянства Петромъ Стромиловымъ [4]); тогда же выбылъ Ашъ и замѣненъ мензелинскимъ депутатомъ отъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и драгунъ Николаемъ Леонтьевымъ [5]). Наконецъ выбылъ Золотницкій и его замѣнилъ деп. гор. Погары Иванъ Хоминскій. Составъ оказался, какъ и въ комиссіи средняго рода людей, дворянскимъ, да еще въ значительной степени нѣмецкимъ. Члены комиссіи были далеки отъ интересовъ духовной школы и, повидимому, большіе теоретики. Спеціально о духовной школѣ они совсѣмъ не разсуждали, а составили проектъ, вѣрнѣе нѣсколько проектовъ, довольно оригинальныхъ, но недостаточно отвѣчавшихъ интересамъ духовнаго образованія и церковной жизни [6]).

Виною тому отчасти послужила сама дирекціонная комиссія своимъ наставленіемъ, даннымъ комиссіи объ училищахъ [7]). Въ наставленіи различались три вида училищъ: низшія, среднія и высшія. Низшія—въ городахъ и селахъ, для обученія дѣтей грамотѣ; среднія—гимназіи и семинаріи; высшія—«университеты, индѣ академіями именуемые». Но о среднихъ и высшихъ училищахъ говорилось неопредѣленно, такъ что трудно уразумѣть, мыслила ли дир. комиссія духовныя училища особными отъ свѣтскихъ, или нѣтъ. Именно, о сред-

---

[1]) Сб. И. Р. И. Общ. т. 32, стр. 98. [2]) Ibid., стр. 231.

[3]) Ibid., стр. 341. [4]) Сб. И. Р. И. Общ. т. 36, стр. 149.

[5]) Ibid., стр. 151—152.

[6]) О работахъ Екатер. комиссіи по народн. образованію у *С. В. Рождественскаго* въ „Очеркахъ по исторіи системъ нар. просв.“, стр. 281—306.

[7]) Наставленіе напечатано *С. В. Рождественскимъ* въ „Матеріалахъ для исторіи учебныхъ реформъ“, стр. 144—146.

нихъ училищахъ говорилось, что въ нихъ поступаютъ ученики изъ нижнихъ училищъ; что тамъ учатся по порядку, по классамъ, латинскому и греческому языкамъ, исторіи, географіи, философіи, математикѣ и богословіи; что имъ надлежитъ быть только въ городахъ и такъ какъ при нѣкоторыхъ архіерейскихъ домахъ семинаріи уже есть, только не вездѣ такія, какимъ имъ быть надобно, то надлежитъ о семъ имѣть сношеніе съ комиссіею о духовныхъ имѣніяхъ. Подобная редакція даннаго пункта скорѣе всего можетъ быть истолкована въ пользу отожествленія среднихъ училищъ вообще съ училищами духовными. Курсъ преподаванія въ среднихъ училищахъ—курсъ духовныхъ семинарій, съ богословіемъ включительно, и не видно, чтобы дирекціонная комиссія различала два вида среднихъ училищъ. Гимназіи, упоминаемыя въ наставленіи, по контексту рѣчи можно принимать также за духовныя школы, аналогичныя тѣмъ малымъ гимназіямъ, какія значились въ проектѣ иннокентьевской комиссіи. Упоминаніе объ архіерейскихъ семинаріяхъ по формѣ своей вело къ тому же заключенію; кромѣ такихъ семинарій комиссія какъ будто и не имѣла въ виду ничего другого. Такое же смѣшеніе свѣтской школы съ духовною наблюдается въ разсужденіи дир. комиссіи о высшихъ училищахъ. Сюда отнесены университеты, называемые иногда академіями, т. е. академіи отожествлены съ университетами. Правда, частнѣйшія указанія относительно университетовъ расходятся съ понятіемъ о тогдашнихъ академіяхъ. Именно, высшія училища, по наставленію, состоятъ изъ четырехъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго, изъ коихъ послѣдній долженъ быть обязателенъ для студентовъ; кромѣ того сказано, что сюда поступаютъ изъ гимназій и семинарій, чѣмъ, повидимому, и послѣднія двѣ школы различаются по типу. Но неопредѣленность редакціи была все-таки настолько значительна и здѣсь, что ее можно было толковать какъ угодно. Такъ какъ перечисленные факультеты указывались, какъ принадлежность всѣхъ высшихъ училищъ, а наличные университеты и академіи равно не подходили подъ это описаніе, то можно было предположить, что намѣчается общая реформа высшей школы по одному образцу, объединяющему духовное и свѣтское образованіе. Что же касается различенія въ этомъ отдѣлѣ гимназій и семинарій, то подъ гимназіями тутъ могли разумѣться

гимназіи стараго образца, упомянутыя нѣсколько ниже въ томъ же наставленіи. Словомъ, дирекціонная комиссія сама наталкивала комиссію объ училищахъ на мысль объ объединеніи духовныхъ и свѣтскихъ училищъ. Конечно, если бы мысль эта была совершенно чужда тогдашнему общественному сознанію, она не была бы воспринята такъ легко. Но она была далеко не чужда XVIII вѣку. Она бродила въ головахъ русскихъ дѣятелей первой половины столѣтія [1]), родившись на глубокой основѣ давней исторической традиціи: до Петра Вел. Русь не знала иной образованности, кромѣ церковной. Въ нѣкоторой долѣ она была присуща и комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, и комиссіи преосв. Иннокентія. «Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества» 12 марта 1764 г., хотя направляло вопросъ о системѣ народнаго образованія въ сторону обособленія свѣтской школы [2]), но не рѣшало его окончательно. Въ эпоху дѣятельности екатерининской комиссіи идеи и взгляды еще не установились, шла борьба и ощупью искали новыхъ путей [3]). Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что частная комиссія объ училищахъ пошла по той дорогѣ, какая многимъ тогда казалась наиболѣе подходящей.

Комиссія объ училищахъ и призрѣнія требующихъ сначала составила два небольшихъ плана, одинъ объ училищахъ, другой о требующихъ призрѣнія (подписанные Ашемъ, Урсинусомъ, Беклешовымъ и Золотницкимъ) [4]). Планы представляли простыя перечисленія главъ будущаго проекта, съ краткимъ обозначеніемъ, о чемъ въ нихъ предполагается говорить. Изъ подобнаго оглавленія вывести заключенія о частнѣйшемъ содержаніи проекта было невозможно, кромѣ того, что комиссія принимаетъ намѣченную дирекціонной комиссіей схему училищъ низшихъ, среднихъ и высшихъ. Въ дальнѣйшемъ же комиссія приняла такую систему работы: отдѣльные члены

---

[1]) Въ такомъ духѣ составлялись планы и проекты: Ѳ. Салтыкова, неизвѣстнаго автора проекта Академіи политики, неизвѣстнаго же автора „доношенія о славяно-латинскихъ школахъ“, Посошкова, Аврамова. См. о нихъ у *С. В. Рождественскаго* въ „Очеркахъ системъ нар. просв.“. стр. 87—96.

[2]) См. ibid., стр. 258—264. [3]) См. ibid., очеркъ второй.

[4]) Эти два плана напечатаны *С. В. Рождественскимъ* въ „Матеріалахъ для ист. уч. реф.“, стр. 146—149.

стали сочинять свои проекты, а комиссія дѣлала изъ нихъ сводку и составляла общій проектъ [1]). Наибольшую энергію на этомъ поприщѣ проявилъ деп. Вл. Золотницкій, составившій обширный планъ объ училищахъ, дошедшій до насъ въ полной и сокращенной редакціяхъ [2]).

Деп. Золотницкій детально заполнилъ схему, начертанную всей комиссіей въ слишкомъ общихъ чертахъ. Нижнія училища онъ представляетъ, какъ училища церковно-приходскія. Содержаться онѣ должны на счетъ прихожанъ [3]), а находиться въ вѣдѣніи приходскихъ священниковъ. Постояннымъ учителемъ въ школѣ долженъ быть дьяконъ или дьячекъ подъ надзоромъ священника. Обязательный курсъ низшихъ училищъ—обученіе грамотѣ и краткому законоученію; если кто захочетъ обучить дѣтей ариѳметикѣ, то за это полагалась особая плата. Обучаться могли мальчики и дѣвочки. Среднія училища, по плану Золотницкаго, должны быть одного типа для всѣхъ, не различая особо свѣтскихъ и духовныхъ, такъ какъ въ такомъ различіи нѣтъ надобности. Золотницкій предлагалъ просто «всѣ находящіяся уже теперь въ епархіяхъ училища поставить и впредь всегда содержать на такомъ основаніи, дабы все вообще россійское юношество какъ свѣтское, такъ и духовное, могло въ оныхъ, какъ въ общихъ государственныхъ училищахъ, достигать настоящаго себѣ по своему состоянію ученія». Помѣщаться такія училища должны въ монастыряхъ, а называться государственными гимназіями. Назначеніе гимназій—подготовлять приходскихъ священниковъ и молодыхъ людей къ разнымъ государственнымъ службамъ и званіямъ. Во главѣ управленія всѣми училищами, въ томъ числѣ и гимназіями, стоитъ «протекторское правленіе», состоящее изъ духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ членовъ. Бли-

---

[1]) См. дневн. зап. ком. объ учил. въ Арх. Гос. Сов., дѣла II отд., св. 121.

[2]) Планъ депутата Золотницкаго напечатанъ у *С. В. Рождественскаго* въ „Матеріалахъ“: полный—на стр. 177—222, сокращенный—стр. 245—257. Между прочимъ С. В. Рождественскій не нашелъ въ Архивѣ Гос. Совѣта полнаго плана Золотницкаго и напечаталъ его съ копіи въ рукоп. сборн. Кіево-Софійской библіотеки № 178. Мы нашли планъ въ указанномъ Архивѣ въ дѣлахъ II отдѣленія: онъ хранится въ связкѣ № 1241, среди другихъ бумагъ комиссіи уложенія.

[3]) Для чего предполагался приходскій сборъ, смотря по состоятельности, но обязательный. Изъ той же суммы Золотницкій предполагалъ содержать и приходскія богадѣльни (глава II полнаго плана, § 13).

жайшій же надзоръ за гимназіями возлагается по преимуществу на епархіальныхъ архіереевъ, а потомъ уже на мѣстныхъ губернаторовъ, при чемъ духовные ученики и богословскіе классы подчинены исключительно архіерею. Непосредственными начальниками въ каждой гимназіи являются два ректора: одинъ свѣтскій, другой духовный, а въ помощь имъ даются два инспектора, также одинъ духовный, другой свѣтскій. Учителями состоятъ духовныя и свѣтскія лица. По учебному курсу гимназіи раздѣляются на большія и малыя. Въ большихъ преподаются, на русскомъ языкѣ, догматическое богословіе, философія, универсальная исторія съ географіей, россійское краснорѣчіе, обученіе христіанскому закону, математика (ариѳметика, алгебра, геометрія, тригонометрія, геодезія, механика, архитектура, фортификація и артиллерія), натуральная исторія и ботаника, языки латинскій, греческій, нѣмецкій, французскій, рисованіе и музыка. Въ меньшихъ гимназіяхъ — тѣ же предметы за исключеніемъ краснорѣчія, высшихъ частей математики (геодезіи, механики, архитектуры, фортификаціи, артиллеріи), греческаго языка; да философія—въ сокращенномъ видѣ. Принимаются въ гимназіи дѣти всякаго рода, кромѣ земледѣльцевъ; поступающіе должны умѣть читать и писать и знать начала ариѳметики. Часть учениковъ гимназій, сиротъ и бѣдныхъ, предполагалось содержать на казенный счетъ; остальныхъ—на свой. Золотницкій проектировалъ и штатъ новыхъ гимназій. На восемь большихъ гимназій на каждую онъ полагалъ: четыремъ по 11.320 рублей и четыремъ—по 13.320 р.; меньшимъ гимназіямъ назначалось: 11-ти по 9.850 р., 7-ми—по 11.850 р. (разница зависѣла отъ дороговизны жизни). Всего на всѣ гимназіи 289.860 р. [1]). Отдѣлъ о высшихъ училищахъ у Золотницкаго совсѣмъ не развитъ: онъ ограничился нѣкоторыми замѣчаніями на сочиненное московскими профессорами мнѣніе объ учрежденіи и содержаніи университета. Повидимому, въ высшей школѣ объединеніе духовнаго и свѣтскаго элемента предполагалось согласно наставленію дирекціонной комиссіи, т. е. въ видѣ факультетовъ разной спеціальности, въ томъ числѣ богословской. Не нужно, впрочемъ, забывать, что высшихъ духовныхъ

---

[1]) Золотницкій имѣлъ въ виду устройство и женскихъ гимназій въ женскихъ монастыряхъ, для дѣтей благороднаго и средняго сословій (§ 8 части 2-й, главы II плана объ учил.).

школъ тогда и не существовало, такъ какъ академіи московская и кіевская были собственно семинаріями высшаго типа. Слѣдовательно, высшее богословское образованіе являлось надстройкой, которую можно было проектировать въ любомъ видѣ, не затрагивая существующей системы.

Деп. Золотницкій въ предисловіи къ своему плану говорилъ, что онъ согласенъ на намѣченную всей комиссіей общую программу и только хочетъ объяснить ее «положительнѣе». Иначе говоря, Золотницкій считалъ свои предположенія не противорѣчащими общему комисскому настроенію, а ему отвѣчающими. Очевидно, при бывшихъ въ комиссіи сужденіяхъ выяснилось, что планъ, въ родѣ составленнаго Золотницкимъ, могъ оказаться подходящимъ для реализаціи общихъ положеній, принятыхъ комиссіей. Другой членъ комиссіи, Клингштетъ, также составилъ особый планъ [1]); и въ немъ мы не видимъ принципіальнаго разногласія съ Золотницкимъ. Наконецъ, на планы Золотницкаго и Клингштета въ особой запискѣ возражали Ашъ и Урсинусъ [2]). Однако, ихъ выраженія не касаются основного положенія Золотницкаго объ объединеніи духовныхъ училищъ съ свѣтсткими. Все это показываетъ, что планъ Золотницкаго въ существѣ былъ выраженіемъ опредѣлившейся въ комиссіи точки зрѣнія, что и обнаружилось въ дальнѣйшихъ комисскихъ работахъ.

Комиссія объ училищахъ, не затрагивая прямо духовно-школьнаго вопроса, такимъ образомъ косвенно на него отвѣчала. Если бы принять взглядъ Золотницкаго, то общая учебная реформа была бы и духовной: проектъ разомъ разрѣшалъ обѣ проблемы. Насколько соотвѣтствовалъ проектъ объ объединеніи духовной и свѣтской школы пожеланіямъ церковной стороны? Считая иннокентьевскую комиссію въ извѣстной степени выразительницей церковнаго мнѣнія, надо согласиться, что у нея было много точекъ совпаденія съ деп. Золотницкимъ. Основной принципъ послѣдняго собственно даже былъ болѣе церковнымъ, чѣмъ свѣтскимъ. Низшая и средняя школа, по его проекту, отдавались подъ доминирующее вліяніе духовенства. Съ одной стороны, духовное образованіе становилось общимъ, но съ другой стороны общее образованіе станови-

---

[1]) Планъ Клингштета напечатанъ въ „Матеріалахъ“ *С. В. Рождественскаго*, стр. 158—169.

[2]) Записка напечатана тамъ же, стр. 169—173.

лось духовнымъ. Низшія училища Золотницкаго—это училища церковныя. Среднія училища—прежнія духовныя семинаріи, со старымъ курсомъ въ основѣ, подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ архіереевъ. Будущее русской образованности передавалось въ руки церкви: т. е. достигался результатъ самый благопріятный для церковнаго воздѣйствія на народныя массы и общество. Русская духовная культура направлялась въ старое, допетровское церковное русло: фактъ огромнаго значенія для философскаго вѣка Екатерины. Въ частности, по своей организаціи проектируемыя училища были весьма сходны съ церковными предположеніями. Низшія приходскія училища аналогичны благочинническимъ школамъ иннокентьевскаго проекта. Дѣленіе средней духовной школы на гимназіи и семинаріи, сдѣланное комиссіей Иннокентія, въ планѣ Золотницкаго отпадало и сохранялся старый типъ школы—семинаріи (переименованной въ гимназію) единой. Но вѣдь и дѣленіе Иннокентьевской комиссіи преслѣдовало исключительно практическія удобства, да и было проведено половинчатымъ образомъ. По курсу ученія гимназіи Золотницкаго почти ничѣмъ не разнятся отъ семинарій проекта 1766 г. Богословскій курсъ въ нихъ такой же (или во всякомъ случаѣ могъ быть сдѣланъ такимъ же, потому что богословская программа ставилась въ исключительную зависимость отъ архіереевъ); курсъ общеобразовательный нѣсколько полнѣе; но такое восполненіе никогда не можетъ быть лишнимъ. Градація предметовъ въ «государственныхъ гимназіяхъ» одинакова съ иннокентьевскими семинаріями и старой духовной школой: богословіе увѣнчиваетъ общеобразовательное зданіе; философія ему предшествуетъ. Безсословный характеръ школы въ принципѣ допускался Иннокентіемъ, Гавріиломъ и Платономъ, такъ что и здѣсь не было противорѣчія.

Однако, въ планѣ Золотницкаго были слабыя стороны столь значительныя, что во всякомъ случаѣ онъ не могъ бы быть принятъ безъ измѣненій церковной властью. Ахиллесова пята его была въ томъ, что онъ не удовлетворялъ вполнѣ потребности государства и угрожалъ опасностью интересамъ церкви въ своемъ практическомъ осуществленіи. Золотницкій предлагалъ устроить одну общую школу, вмѣстѣ государственную и церковную; но фактически онъ собственно предлагалъ примѣнить существующую уже духовную школу къ обслуживанію одновременно и нуждъ общаго народнаго образованія.

Число среднихъ училищъ не возрастало: ихъ проектировалось всего по числу епархій, 26. Между тѣмъ сюда должна была влиться обильная свѣтская струя, доселѣ весьма слабая и дававшая себя чувствовать только въ малороссійскихъ семинаріяхъ. Въ государственную школу, подготовляющую къ разнымъ поприщамъ государственной службы и къ высшему образованію, конечно, пошли бы и дворяне и разночинцы. Въ будущемъ масса послѣднихъ, все увеличиваясь, начала бы вытѣснять дѣтей духовнаго сословія. Емкость гимназій не могла быть безгранична. Уже и семинаріи были переполнены дѣтьми духовенства. Масса свѣтскихъ учениковъ неизбѣжно влилась бы на счетъ соотвѣтствующаго отлива духовно-сословнаго элемента. Сыновья духовенства стали бы оставаться за бортомъ, а это ставило ихъ въ критическое соціальное положеніе, потому что къ наиболѣе подходящему для нихъ роду занятій— духовному служенію дорога открывалась исключительно чрезъ школу. Вмѣстѣ съ духовно-сословными интересами страдали не меньше интересы церковные. Общая государственная школа отнюдь не въ состояніи была выпускать достаточное количество кандидатовъ на церковныя должности. Дворяне и разночинцы учились бы въ ней вовсе не для того, чтобы идти въ духовенство; а дѣтей послѣдняго въ школѣ оказалось бы уже вдвое меньше, да при томъ открывался соблазнъ и имъ уйти отсюда на государственную службу. Нѣтъ сомнѣнія, что, сдѣлавшись государственными гимназіями, духовныя семинаріи не въ состояніи бы были удовлетворять церковнымъ потребностямъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Вслѣдствіе этого, образовательный уровень духовенства пошелъ бы книзу; а задача момента состояла какъ разъ въ томъ, чтобы поднять его кверху. Профессіональная духовная школа, необходимая даже въ XX вѣкѣ, была безусловно необходима въ вѣкѣ XVIII. Такою и мыслили ее церковные реформаторы — Иннокентій, Гавріилъ, Платонъ, въ чемъ заключалось ихъ главное расхожденіе съ свѣтскимъ реформаторомъ—Золотницкимъ. Планъ Золотницкаго по замыслу былъ грандіознѣе, чѣмъ, можетъ быть, думалъ самъ его авторъ. Но построенъ онъ былъ совершенно непрактично.

Непрактичность, однако, не была порокомъ органическимъ. На тѣхъ же самыхъ основахъ можно было бы построить и болѣе практичныя предположенія. Напримѣръ, можно было значительно увеличить число гимназій, расширить классы,

отдать преимущество поступленія духовнымъ ученикамъ. Затѣмъ, самая непрактичность плана, ясная въ исторической перспективѣ, была далеко не столь ясна въ современной тогдашней обстановкѣ. Для 60-хъ годовъ XVIII вѣка будущность общаго образованія была довольно темной. Практика показывала, что желающихъ учиться было не такъ много. Для дворянства существовали и проектировались, помимо гимназіи, и еще нѣкоторыя училища. Разночинцы въ школу не очень стремились. Поэтому для дѣятелей того времени казалось уже и не столь невозможнымъ соединить въ одной школѣ два назначенія: духовное и свѣтское. Что это не казалось невозможнымъ свѣтскимъ людямъ, доказываетъ самый фактъ появленія плана Золотницкаго. Но есть основанія полагать, что и въ духовной средѣ не считали проектъ Золотницкаго неосуществимымъ и нежелательнымъ, и въ томъ числѣ такъ думалъ самъ главный авторъ плана иннокентіевской комиссіи 1766 г.—преосв. Гавріилъ. Въ бумагахъ Гавріила [1]) по дирекціонной комиссіи сохранился въ черновомъ видѣ документъ, очевидно представляющій проектъ заключенія дирекціонной комиссіи по поводу представленныхъ ей плановъ комиссіи объ училищахъ и призрѣнія требующихъ. Напечатанный [2]) экстрактъ изъ протокола дир. комиссіи 29 декабря 1768 г. до такой степени сходенъ съ документомъ изъ бумагъ Гавріила, что въ тожествѣ ихъ нельзя сомнѣваться. Въ то же время названный рукописный документъ есть именно черновикъ, а не копія: онъ во многихъ мѣстахъ перемаранъ и исправленъ, отчасти рукою преосв. Гавріила. Послѣднее даетъ знать, что Гавріилъ принималъ ближайшее участіе въ составленіи опредѣленія дир. комиссіи и возможно, что даже именно ему было поручено редактировать его. Въ опредѣленіи же этомъ проектъ Золотницкаго, повидимому, принимается въ своихъ главныхъ чертахъ. Именно, данный пунктъ редактированъ въ протоколѣ дир. комиссіи такъ: «Господинъ Золотницкій разсуждаетъ соединить свѣтскія училища съ духовными; но есть ли въ свѣтскихъ училищахъ опредѣлится обучать французскому и нѣмецкому языкамъ, катехизису, ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи, географіи, навигаціи, исторіи и штилю, то къ духовнымъ училищамъ прибавить для свѣтскихъ

[1]) Рукоп. петр. дух. акад. № 418, л.л. 162—165.

[2]) Напечатанъ *С. В. Рождественскимъ* въ „Матеріалахъ“, стр. 174—177.

слѣдовать будетъ только геометрію, фортификацію и навигацію, а прочія науки и для духовныхъ училищъ необходимо нужны, почему для свѣтскихъ, прибавя только къ духовнымъ училищамъ учителя геометріи, фортификаціи и навигаціи, дать дозволеніе прочимъ наукамъ обучаться всякому по его желанію въ духовныхъ училищахъ, которыя уже учреждены во всѣхъ епархіяхъ». Такимъ образомъ преосв. Гавріилъ готовъ былъ принять предположеніе Золотницкаго о соединеніи свѣтскихъ училищъ съ духовными. Онъ не видѣлъ, значитъ, здѣсь противорѣчія церковнымъ интересамъ и соглашался такимъ путемъ осуществить предполагаемую реформу духовной школы. Практическія неудобства проекта [1]), какъ выше сказано, для современниковъ комиссіи не были достаточно видимы. А нѣкоторыя соображенія могли располагать и іерарховъ въ пользу мысли Золотницкаго. Дѣло въ томъ, что всѣ сознавали необходимость лучшей постановки духовнаго образованія, для чего требовались значительныя матеріальныя средства. При скупости екатерининскаго правительства, въ церковныхъ сферахъ, кажется, потеряли надежду получить крупныя ассигновки на семинаріи. Преобразованіе семинарій въ государственныя гимназіи упрочивало ихъ положеніе и снабжало необходимыми матеріальными средствами. При реализаціи плана преосв. Гавріилъ и его единомышленники могли надѣяться провести необходимыя для обезпеченія интересовъ церкви частичныя поправки. А потому они и готовы были принять проектъ въ принципѣ.

Дирекціонная комиссія, какъ видно изъ протокола ея 29 октября 68 года, согласилась съ планами комиссіи объ училищахъ и, видимо, ничего не имѣла противъ предположеній Золотницкаго, внеся лишь нѣкоторыя второстепенныя измѣненія. Комиссія объ училищахъ послѣ этого могла приступить и къ составленію коллективнаго комисскаго проекта, что она и сдѣлала. Цѣльный проектъ составить ей не удалось: она не успѣла. Однако составлены были двѣ трети: о нижнихъ училищахъ, и о среднихъ. Составленіе проекта о низшихъ училищахъ закончено было уже при другомъ составѣ комиссіи: проектъ подписанъ Клингштетомъ, Стромиловымъ, Ле-

[1]) Къ числу которыхъ между прочимъ надо отнести и двойственность управленія училищами, дававшую поводъ къ трепіямъ между духовными и свѣтскими властями.

онтьевымъ и Хоминскимъ [1]). Въ качествѣ дополненія къ нему былъ сочиненъ особый проектъ низшихъ училищъ для иновѣрцевъ [2]). Изъ перваго же проекта было видно, что комиссія пошла по пути, намѣченному въ планѣ деп. Золотницкаго. Низшія училища, проектируемыя комиссіей, были именно церковно-приходскія училища, содержимыя на приходскій счетъ, находящіяся въ вѣдѣніи священника, съ діакономъ, или дьячкомъ въ роли учителя. Замѣчательно при этомъ, что комиссія предполагала обученіе обязательнымъ для мальчиковъ отъ 8—12 лѣтъ; обученіе дѣвочекъ предоставлялось желанію родителей. Мальчики и дѣвочки должны были учиться вмѣстѣ. Курсъ ученія указанъ былъ — грамматика и краткій Законъ Божій (молитвы и катихизисъ и наставленіе въ христіанскихъ добродѣтеляхъ). Впрочемъ, обязательнымъ изъ грамоты было лишь обученіе чтенію; обученіе же письму полагалось за особую плату. Въ городахъ обязательнымъ было и обученіе письму для мальчиковъ, а для дѣвочекъ—по желанію родителей. Въ дополненіе къ низшимъ училищамъ комиссія полагала въ городахъ, гдѣ нѣтъ училищъ среднихъ и высшихъ, учредить по одной школѣ ариѳметической. Содержаніе таковыхъ школъ относилось уже на счетъ городской, а надзоръ за ними поручался архіереямъ вмѣстѣ съ губернаторами; учителя предполагались здѣсь свѣтскіе. Отдѣлъ о школахъ ариѳметическихъ былъ новымъ по сравненію съ планомъ Золотницкаго и явился по иниціативѣ другихъ депутатовъ. Но общій, церковный характеръ низшаго образованія этимъ добавленіемъ не нарушался. Закончивъ отдѣлъ о низшихъ училищахъ, комиссія поспѣшила сдать его въ дирекц. комиссію, не дожидаясь сочиненія остальныхъ частей. Представляя проектъ, 15 іюля 1770 г. [3]), комиссія оправдывала свою поспѣшность особыми соображеніями. По ея мнѣнію, учрежденіе низшихъ училищъ настоятельно необходимо въ первую очередь. Неоконченность проекта о дальнѣйшихъ степеняхъ училищъ не препятствуетъ учрежденію низшихъ школъ. Со

---

[1]) Напечат. въ „Матеріалахъ“ *С. В. Рождественскимъ*, стр. 222—240. Подробно изложенъ былъ, по копіи въ бумагахъ Гавріила (рукоп. петрогр. дух. ак. № 418, л.л. 173 — 192), *Е. М. Прилежаевымъ* въ ст. „Проекты церковно-приходскихъ школъ въ цар. Екатерины II“, въ „Странникѣ“ за 1882 г., т. Ш, стр. 580—597.

[2]) Напеч. въ „Матеріалахъ“, стр. 240—241.

[3]) Дневн. зап. ком. объ учил. 15 іюл. 1770 г.

средними школами можно и подождать, потому что дворянство, купечество и прочіе средняго рода люди имѣютъ способы къ просвѣщенію, а нижній родъ людей находится въ такомъ невѣжествѣ, что о просвѣщеніи ихъ нужно подумать немедленно. Учрежденіе низшихъ училищъ прежде другихъ комиссія находила полезнымъ и потому, что онѣ будутъ подготовлять къ высшимъ училищамъ [1]). Затѣмъ, съ 27 іюля 70 г. [2]), комиссія приступила къ сочиненію и проекта о среднихъ училищахъ. Въ основу опять положенъ былъ планъ Золотницкаго. Правда, комиссія дѣлала въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Напримѣръ, она (3 авг. 70 г.) постановила не учреждать особаго главнаго правленія училищъ, а подчинить ихъ Сенату, чѣмъ какъ будто бы удалялась отъ мысли соединенія духовныхъ школъ съ свѣтскими. Но на самомъ дѣлѣ послѣдняя мысль принята была въ полномъ своемъ объемѣ. Государственныя гимназіи, проектированныя комиссіей,—это государственныя гимназіи Золотницкаго, уставъ котораго и списанъ былъ почти цѣликомъ въ комисскомъ проектѣ [3]). Положеніе о единствѣ средней школы, духовной и свѣтской, было поставлено даже въ самомъ началѣ комисскаго проекта. Слѣдовательно, вопросъ о реформѣ духовной школы готовъ былъ разрѣшиться рѣшеніемъ общаго вопроса о системѣ народнаго образованія. Согласна ли была бы церковная сторона на такое рѣшеніе послѣ сдѣланныхъ комиссіей измѣненій, въ родѣ подчиненія всѣхъ училищъ Сенату, конечно, сомнительно. Но дѣло не дошло здѣсь до столкновенія интересовъ церковныхъ съ проектами государственнаго законодательства, потому что самый планъ комиссіи не получилъ движенія. Проектъ о среднихъ училищалъ былъ законченъ комиссіей къ самому концу занятій комиссіи, въ октябрѣ 71 г.; комиссія уже рѣшила нести его въ дир. комиссію, но не успѣла вслѣдствіе своего закрытія [4]). Тѣмъ дѣло и кончилось. До высшихъ училищъ комиссія совсѣмъ не дошла [5]).

---

[1]) Представленіе ком. объ учил. въ дир. ком.—въ св. 1241 дѣлъ II отд. въ Арх. Гос. Сов.

[2]) Дневн. зап. 27 іюля.

[3]) Проектъ комиссіи о среднихъ училищахъ напечатанъ *С. В. Рождественскимъ* въ „Матеріалахъ“ стр. 245—257. Онъ имѣется среди дѣлъ II отд. въ Арх. Гос. Сов. въ двухъ экз.: въ св. 222 и въ связкѣ 1241. Проектъ не подписанъ.

[4]) Дневн. зап. ком. объ учил.

[5]) О проектахъ комиссіи объ училищахъ у *гр. Д. А. Толстого*, „Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII в. до 1782 г.“, Спб. 1883 г., стр. 63—76.

Комиссія объ училищахъ торопилась, какъ мы видѣли, съ проектомъ низшихъ училищъ, считая ихъ учрежденіе особенно необходимымъ. Дирекціонная комиссія и правительство, повидимому, раздѣляли этотъ взглядъ по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что нужно учредить поскорѣе хотя бы школы по городамъ. Поэтому дѣлу о народныхъ училищахъ было, дѣйствительно, дано движеніе независимо отъ остальныхъ частей проекта, при чемъ, ближайшее участіе въ немъ принялъ синодальный депутатъ, преосв. Гавріилъ. Неизвѣстно, сдѣлалъ ли это Гавріилъ по своей собственной иниціативѣ, или же по слѣдняя исходила отъ императрицы; только ему поручено было вмѣстѣ съ тайнымъ совѣтникомъ Тепловымъ, извѣстнымъ дѣятелемъ въ церковно-государственной сферѣ, бывшимъ душею комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ въ первое время ея существованія, составить на основаніи комисскаго проекта проектъ объ учрежденіи нижнихъ школъ по городамъ и мѣстечкамъ. Гавріилъ и Тепловъ исполнили порученіе, взявъ въ основаніе предположенія частной комиссіи объ училищахъ и лишь нѣсколько видоизмѣнивъ ихъ сообразно требованію имѣть въ виду однѣ училища городскія. Они приняли положеніе, что низшія городскія школы должны быть церковно-приходскія, подъ наблюденіемъ священника и высшимъ надзоромъ архіерея, съ учителями изъ священно и церковно-служителей. Школы предполагалось устраивать при каждомъ большомъ приходѣ, а въ малыхъ приходахъ на два-три одну; обучать въ нихъ—читать, писать, ариѳметикѣ и краткому катихизису. Синоду поручалось озаботиться сочиненіемъ необходимыхъ для ученія книжицъ — азбуки и катихизиса, съ краткимъ нравоученіемъ; а академіи наукъ — сочинить элементарную ариѳметику и элементарную географію. Такимъ образомъ учебный курсъ въ планѣ Гавріила и Теплова нѣсколько повышался по сравненію съ проектомъ частной комиссіи. Затѣмъ различіе двухъ проектовъ было въ способѣ содержанія приходскихъ училищъ. Частная комиссія предполагала обязательную раскладку на прихожанъ; а Гавріилъ съ Тепловымъ—только добровольные сборы въ кружку и по подпискѣ. Вопросъ объ учебномъ управленіи въ новомъ проектѣ также рѣшался съ нѣкоторымъ отличіемъ отъ комисскаго. Гавріилъ и Тепловъ признавали, что хотя низшія училища будутъ приходскими, но учиться въ нихъ будутъ всѣ граждане и не для церковныхъ цѣлей, а потому и государство имѣетъ право на

контроль надъ ними. Поэтому въ епархіяхъ, послѣ архіерея, наблюденіе надъ училищами ввѣрялось и губернаторамъ, а въ высшей инстанціи предполагалось учредить должность свѣтскаго главнаго опекуна градскихъ школъ, который бы по сему дѣлу былъ всегда въ совѣтѣ съ синодальными членами и о томъ, что происходитъ, доносилъ бы государынѣ [1]). Составители представили свой планъ императрицѣ, а послѣдняя 25 окт. 1771 года передала его въ комиссію о церковныхъ имѣніяхъ для разсмотрѣнія. Въ комиссіи тогда засѣдали тѣ же Гавріилъ и Тепловъ, да Иннокентій псковскій и оберъ-прокуроръ Чебышевъ. Когда комиссія заслушала императорскую резолюцію, то Гавріилъ и Тепловъ заявили, что проектъ сочиняли они. Прочимъ членамъ были даны копіи для ознакомленія [2]). Затѣмъ проектъ разсматривался въ комиссіи 12 ноября 1771 г. и 18 октября 1772 г., и члены сдѣлали нѣкоторыя замѣчанія, но не существеннаго характера [3]). Разсмотрѣвъ проектъ, комиссія церковныхъ имѣній 1 ноября 1772 г. подписала докладъ государынѣ, гдѣ высказывалась, что учрежденіе низшихъ городскихъ училищъ будетъ весьма полезно, и излагала самый планъ мѣропріятій для приведенія въ дѣйствіе новаго положенія, первыми изъ которыхъ были назначеніе главнаго опекуна и сочиненіе учебныхъ книжицъ [4]). Комиссія заготовила даже проекты манифеста и указа Сенату по случаю изданія закона о градскихъ школахъ [5]). Но тѣмъ не менѣе проектъ вдругъ остановился и, будучи представленъ Екатеринѣ, движенія не получилъ. До 1784 года комиссія считала дѣло нерѣшеннымъ, а въ этомъ году, наконецъ, рѣшила считать его прекратившимся. 28 окт. 84 г. въ комиссіи разсуждено выключить дѣло о градскихъ училищахъ изъ числа неконченныхъ, такъ какъ 7 сент. 1782 г. данъ уже именной указъ на имя графа Завадовскаго о порученіи ст. сов. Эпинусу и

---

[1]) Проектъ Гавріила и Теплова—въ Арх. Св. Син. въ дѣлахъ Ком. о церк. имѣн., № 154. Онъ напечатанъ *С. В. Рождественскимъ* въ „Матеріалахъ“, стр. 326—339.

[2]) Книга журналовъ и протоколовъ ком. о церк. им. 1767—1789 гг. въ Архивѣ Синода. Журн. 29 окт. 71 г.

[3]) Ibid., журн. 12 н. 71 г. и 18 окт. 72 г. Проектъ съ примѣчаніями въ вышеозначенномъ дѣлѣ Ком. церк. им. № 154. Примѣчанія напечатаны подъ строкою въ „Матеріалахъ“ С. В. Рождественскаго.

[4]) Докладъ ком. напечатанъ ibid., стр. 323—326.

[5]) Напечатаны ibid., стр. 339—343.

Пастухову составить новое положеніе объ учрежденіи народныхъ школъ [1]).

Почему не осуществился даже такой скромный замыселъ, какъ устройство церковно-приходскихъ школъ по городамъ, не требовавшее изъ казны ни копѣйки денегъ и технически вполнѣ осуществимое, такъ какъ духовные учители были въ изобиліи? Фатальная неудача всѣхъ реформаторскихъ попытокъ въ области образованія, связанныхъ съ екатерининской комиссіей, зависѣла, кажется, отъ того, что онѣ не отвѣчали духу того времени и настроенію правительственной власти. Реформы сочинялись въ направленіи, которое для Екатерины и ея соратниковъ, а особенно друзей, не могло не казаться консервативнымъ, если не больше. Народное образованіе ставилось на освященную традиціей церковную почву; душа народная ввѣрялась пастырямъ духовнымъ. Съ низа до верха школа отдавалась въ преимущественное руководительство духовенства. Даже въ университетахъ основнымъ факультетомъ полагался философскій, родственный богословскому и практически, навѣрно, отъ послѣдняго бы зависимый. Для церкви подобныя предположенія могли быть только пріятны: вотъ почему духовные дѣятели, представителемъ которыхъ являлся Гавріилъ, находили вполнѣ пріемлемыми принятыя частной комиссіей объ училищахъ основанія. Но что сказали бы философствующіе друзья сѣверной Семирамиды, императрицы-философа,—Вольтеръ, Дидро и проч. и проч., если бы узнали, что великая монархиня отдаетъ просвѣщеніе своей страны въ руки священниковъ? Что сказали бы и доморощенные государственные мужи и дворяне новой формаціи, въ родѣ кн. Щербатова, еслибъ школа была поручена руководительству духовныхъ? Императрица знала, что *для нея* невозможно провести реформу такого стиля, и остановилась. Не желая себѣ противорѣчить, да навѣрно и лично не сочувствуя тому направленію, какое получило дѣло, Екатерина предпочла спрятать его на время подъ сукно. Образовательные проекты конца 60-хъ—начала 70-хъ г.г. были замолчаны; а когда ихъ забыли, то черезъ десять лѣтъ вопросъ былъ возбужденъ вновь, но совсѣмъ въ другой постановкѣ. Русскіе реформаторы екатерининской комиссіи или комиссіи духовной искали опоры

---

[1]) Книга журн. и проток. ком. о церк. имѣн. 67—89 г. г.; 28 окт. 84 года.

въ историческомъ прошломъ своей родины, неразрывно связанномъ съ церковью. Новые реформаторы пошли учиться у иностранцевъ, какъ то и гармонировало съ «вѣкомъ просвѣщенія». За образецъ для русской народной школы была взята... австрійская система образованія; а примѣнять ее къ Россіи взялись нѣмцы. Роль русскаго іерарха Гавріила занялъ академикъ Эпинусъ [1]).

Подводя итоги дѣятельности преосв. Гавріила въ качествѣ синодальнаго депутата въ комиссіи о сочиненіи новаго уложенія, приходится признать, что результаты далеко не соотвѣтствовали затраченной энергіи. Гавріилъ съ честью выполнилъ отвѣтственную задачу, на него возложенную. Но не отъ него зависѣло дать дальнѣйшее движеніе плодамъ комисскаго творчества. За то лично для преосвященнаго Гавріила работа въ комиссіи, конечно, не прошла безслѣдно. Проведя болѣе трехъ лѣтъ въ законодательныхъ работахъ, побывавъ въ горнилѣ законодательства, талантливый іерархъ пріобрѣлъ незамѣнимый государственный и церковно-правительственный опытъ. Какъ члену дирекціонной комиссіи ему пришлось познакомиться со всѣми отраслями государственной жизни; какъ синодскому представителю ему пришлось изучить тщательно многообразный кругъ церковныхъ вопросовъ. Комиссія уложенія безъ сомнѣнія, была лучшей школой для будущаго руководителя церковнаго управленія. Ни одинъ іерархъ, можно сказать, не выступалъ на широкое церковно-правительственное поприще съ такой прекрасной подготовкой.

IV.

Одновременно съ комисскими занятіями преосвященному тверскому приходилось выполнять и другія мелкія порученія Св. Синода. Гавріилъ, видимо, былъ извѣстенъ въ синодскихъ кругахъ, какъ отличный работникъ, образованный, ученый и исполнительный человѣкъ; а прежняя его служба въ московской типографіи естественно указывала на него особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ исправленіи разныхъ цер-

---

[1]) См. о комиссіи о учрежденіи народныхъ училищъ и уставѣ 1786 г. у *С. В. Рождественскаго*, Очерки по исторіи системъ нар. обр., очеркъ третій.

ковныхъ книгъ. По свидѣтельству историка моск. академіи, еще ректоромъ Гавріилъ Петровъ исправлялъ послѣдованіе въ недѣлю православія, напечатанное въ 1761 году въ Москвѣ [1]). Въ 1766 г. Синодъ нашелъ нужнымъ вновь исправить названное чинопослѣдованіе и 23 марта затребовалъ списки послѣдняго изъ епархій. По полученіи таковыхъ, 13 сент. 66 года Синодъ поручилъ еп. тверскому Гавріилу произвести исправленіе, давъ ему соотвѣтствующія указанія, для выслушанія которыхъ Гавріилъ вызывался въ собраніе Синода 2 октября. 27 октября тверской владыка уже представилъ исправленный чинъ. Прежняя редакція была Гавріиломъ значительно сокращена, имена еретиковъ были всѣ исключены, а изъ государственныхъ преступниковъ остались лишь Отрепьевъ и Мазепа. 15 дек. 66 г. Синодъ опредѣлилъ поднести новый чинъ императрицѣ, а послѣдняя возвратила его съ объявленіемъ, что во всемъ полагается на мнѣніе Синода. Послѣ этого 27 марта 1767 г. Синодъ опредѣлилъ чинъ напечатать и разослать по епархіямъ [2]).

Въ 1767 году Гавріилъ былъ привлеченъ къ исправленію прологовъ [3]). Изъ синодальнаго постановленія 16 сент. 1765 года видно, что Синодъ усмотрѣлъ въ печатаемыхъ въ московской типографіи прологахъ, съ прежнихъ экземпляровъ, многія старинныя нарѣчія, простому народу, совсѣмъ непонятныя. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ Синода, въ той же типографіи были прологи исправленные. Синодъ распорядился прислать послѣдніе для разсмотрѣнія и впредь до такового печатаніе прологовъ остановить. Въ типографской библіотекѣ, дѣйствительно, отыскали экземпляръ прологовъ, исправленныхъ по греческимъ оригиналамъ въ 1759 году монахомъ Евфиміемъ, и прислали въ Синодъ. Получивъ его, Синодъ 19 ноября 1767 г. постановилъ отослать Евфиміевъ экземпляръ вмѣстѣ

---

[1]) Исторія м. ак., М. 1885 г., стр. 175. То же въ Словарѣ *м. Евгенія*. Однако, въ Синод. Архивѣ слѣдовъ этого исправленія мы не нашли. Какъ видно изъ дѣла 1749 г. № 206/20 (см. Опис. д. и док. Арх. Син. 1749 г.), исправленіе чинопослѣдованія предпринималось въ 1749—1752 г.г., а не около 61 г.

[2]) Журналы Синода 13 сент., 2 и 27 окт., 15 и 19 дек. 1766 г. Книг. именн. ук. въ Син. Арх., 1767 г. № 7. П. С. П. и Р., Цар. Ек., т. I, № 333. Исторія исправленія чинопослѣдованія подробно изложена въ „Рус. Арх." 1870 г., к. 4—5, стр. 752—756.

[3]) Объ этомъ дѣло Арх. Син. 1765 г. № 18; 16 сент.

съ печатаемымъ къ преосв. тверскому Гавріилу, «чтобъ его преосвященство для пользы святыя церкви, разсмотря оныя книги прилежно, какъ написанныя въ нихъ реченія, такъ и другія, ежели найдутся, неисправности, по надлежащему исправилъ; а есть ли какія явятся сумнительства, оныя исключилъ», и представилъ бы исправленныя книги и списокъ сомнительныхъ мѣстъ Синоду. Въ іюнѣ 1768 г. Гавріилъ донесъ, что онъ прологи разсмотрѣлъ, «въ которыхъ поправки, учиненныя монахомъ Евфиміемъ, больше грамматическія, при томъ есть малыя нѣкоторыя прибавленія. Но какъ въ описаніи житій святыхъ дѣла оныхъ, служащія наиболѣе къ исправленію народа, опущены; житія мучениковъ писаны болѣе единообразно, при томъ многія слова неизвѣстныхъ внесены, а особливо находится повѣствованій не мало, которыя слѣдуетъ совсѣмъ исключить, да и поученій, которыя бы оставить можно, весьма малое число, а польза церкви наиболѣе оныхъ требуетъ»: того ради, — замѣчалъ Гавріилъ, — «Св. Пр. Синоду мое мнѣніе предлагаю таковое, не соблаговолитъ ли приказать, оставя прологи, житія святыхъ сократить изъ четьи-миней, написавъ ихъ дѣла, служащія наипаче къ наставленію народа, и выбравъ изъ св. отецъ лучшія нравоученія и расположа ихъ порядкомъ, какимъ пишутся богословіи, положить подъ всякимъ числомъ, начиная съ 1 сентября». На это доношеніе 25 іюля Синодъ разсудилъ: «его преосвященству, написавъ таковыя сочиненія, какъ во мнѣніе его преосвященства объявлено, на три дня, представить для усмотрѣнія Св. Синоду». Гавріилъ исполнилъ и это порученіе и въ мартѣ 69 г. представилъ требуемые образцы, на первые три дня марта [1]). При этомъ преосвященный замѣчалъ, что при подобной работѣ необходимо нужно во многихъ повѣствованіяхъ, особенно сомнительныхъ, справляться съ авторами, откуда онѣ взяты, поученія же святыхъ отцовъ переводить и сличать съ оригиналами. Гавріилъ спрашивалъ, если Синодъ поручитъ ему продолжать дѣло, откуда ему взять нужныя книги; для работы ему нужны переводчикъ и копіистъ. Синодъ, кажется, смутила сложность предпріятія и онъ сначала нѣсколько разъ дѣло откладывалъ [2]), а потомъ, въ 1775 году рѣшено было исправленіе прологовъ совсѣмъ оставить, такъ какъ уже сочинены и изданы

[1]) Образцы въ архивномъ дѣлѣ, л.л. 24—33.
[2]) 5 іюня 69 г., 16 марта 70 г., 22 марта 70 г.

для чтенія по церквамъ поученія на всѣ воскресные и праздничные дни [1]). Составленіе поученій происходило при ближайшемъ участіи того же Гавріила, такъ что дѣло проходило черезъ его руки и въ новой фазѣ. Какъ синодальный членъ, Гавріилъ, можетъ быть, самъ и нашелъ болѣе полезнымъ дать такой оборотъ дѣлу.

Въ декабрѣ 1766 г., по именному указу, Синоду было указано разсмотрѣть переведенныя съ греческаго ст. сов. Писаревымъ [2]) книги «Камень соблазна» Иліи Минятія [3]) и проповѣди Хрисанѳа, патр. іерусалимскаго, для освидѣтельствованія, можно ли ихъ напечатать. Синодъ поручилъ разсмотрѣніе проповѣдей Хрисанѳа тому же преосв. Гавріилу [4]). Въ 1770 году Гавріилъ получилъ новое порученіе.

---

[1]) Журналъ 23 іюня 75 г.

[2]) Степанъ Ивановичъ Писаревъ (1706—1773 г.), служившій сначала въ коллегіи иностр. дѣлъ, а потомъ оберъ-секретаремъ Синода. См. о немъ словари *м. Евгенія* и *преосв. Филарета*; у *Смирнова*, Ист. м. ак. 252—253.

[3]) Нѣкоторыя проповѣди Минятія въ переводѣ Писарева была уже напечатаны, въ двухъ томахъ, въ 1759 и 1760 г.г. подъ заглавіемъ „Поученія во святую и великую четыредесятницу, сочиненныя и проповѣданныя епископомъ Иліею Минятіемъ кефалонитяниномъ, съ греческаго на россійскій языкъ Стефаномъ Писаревымъ переведенныя".

[4]) Дѣло о книгахъ Писарева интересно по своему теченію въ Синодѣ. Книги были переданы черезъ секретаря императрицы Козмина Мелиссино, съ императорскимъ повелѣніемъ, такъ что у Писарева, видимо, было высокое покровительство. Ходатайствуя о разрѣшеніи напечатать ихъ, Писаревъ книгу проповѣдей Хрисанѳа частнымъ образомъ заранѣе передалъ на просмотръ Гавріилу, съ которымъ былъ знакомъ. Гавріилъ просмотрѣлъ книгу и нашелъ ее полезной, указавъ лишь автору сдѣлать небольшія измѣненія, о чемъ и написалъ Писареву. (Въ письмѣ между прочимъ Гавріилъ называетъ Писарева: „дознанный мой благодѣтель"). Писаревъ въ іюлѣ 67 г. представилъ письмо Гавріила Синоду, заявляя, что книга уже освидѣтельствована. Синодъ, однако, почему то отнесся къ этому дѣлу подозрительно. Разсмотрѣвъ представленіе Писарева, онъ нашелъ, что хотя Гавріилъ книгу и читалъ, но самъ исправленій не сдѣлалъ, а Писаревъ доставилъ ее съ поправками и вычерками, безъ переписки на бѣло въ исправленномъ видѣ. На этомъ основаніи Синодъ книгу къ печатанію не разрѣшилъ, а поручилъ Гавріилу вновь просмотрѣть ее и, если никакихъ противностей церкви въ ней не окажется, окончательно исправить имѣющіяся неисправности и отдать Писареву для переписки на бѣло (постан. 10 окт. 1767 г.). Въ іюнѣ 68 г. Гавріилъ представилъ книгу исправленной и переписанной. Но Синодъ опять не разрѣшилъ ее къ печати, сославшись на то, что въ представленіи Гавріила ничего не было сказано о томъ, не содержитъ ли книга

Ему было поручено провѣрить и исправить переводъ съ греческаго постной Тріоди, сдѣланный, вмѣстѣ съ другими переводами, архимандритомъ Іосифова Волоколамскаго мон. Варлаамомъ и іеромонахомъ Софроніемъ Младеновичемъ [1]). Эта работа была окончена Гавріиломъ уже въ 1774 году. 20 іюня 74 г. Гавріилъ словесно предлагалъ Синоду, что онъ постную Тріодь разсмотрѣлъ и нашелъ въ ней много погрѣшностей. По предложенію Гавріила, исправленную Тріодь рѣшено было хранить въ архивѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ печататься тріоди вновь [2]). Затѣмъ, повидимому, въ періодъ тверскаго святительства преосв. Гавріилъ занимался сочиненіемъ книжицы для увѣщателей преступниковъ. 29 ноября 1762 г. м. Димитрій словесно объявилъ въ Синодѣ именной указъ, чтобы «всѣхъ тѣхъ, которые по дѣламъ дойдутъ до пытокъ, не чиня имъ оныхъ, прежде о показаніи истины увѣщевать ученымъ священникамъ. А какъ Е. И. В-у не безъизвѣстно, что по инымъ городамъ таковыхъ ученыхъ священниковъ и не имѣется, то для онаго увѣщанія сочинить особливую книжицу съ довольными доводами отъ священнаго писанія». При слушаніи этого указа синодальный членъ преосв. тверскій Аѳанасій (Вольховскій) вызвался сочинить такую книжицу [3]). Что сдѣлалъ въ данномъ направленіи Аѳанасій, неизвѣстно. Но среди бумагъ Гавріила есть черновые наброски подробнаго наставленія увѣщателямъ, во многихъ мѣстахъ исправленныя рукою Гавріила, въ концѣ многочисленные выписки

противностей церкви и сходна ли исправленная редакція съ оригиналомъ. Книгу вернули Гавріилу для дополнительныхъ заключеній. Она такъ и не была напечатана. Дѣло пока затормозили, а впослѣдствіи (15 іюня 1775 г.) Синодъ прямо рѣшилъ печатаніе проповѣдей Хрисанѳа отмѣнить, по оказавшимся въ книгѣ сумнительствамъ. Изданіе проповѣдей Хрисанѳа состоялось уже позже, въ 1784 г. (Москва, въ двухъ частяхъ). „Камень соблазна“ (переводъ съ греческаго) въ іюлѣ 1769 г. былъ переданъ на просмотръ Платону, который отозвался, что если первую часть съ исправленіями можно напечатать, то вторую печатать сомнительно. Книгу вернули Писареву безъ разрѣшенія. (Дѣло Арх. Син. 1766 г. № 18; 13 дек.). Но въ 1783 году „Камень соблазна“ все таки былъ изданъ.

[1]) О переводческой дѣятельности названныхъ лицъ см. въ дѣлѣ Арх. Син. 1766 г., 27 марта, № 16; П. С. П. и Р. цар. Ек., т. I, №№ 300, 531. Порученіе Гавріилу—П. С. П. и Р., цар. Ек., т. I, № 547, 1-го марта.

[2]) Означенное дѣло 1766 г. № 16, л. 201.

[3]) П. С. П. и Р., Цар. Ек., т. I, № 80.

текстовъ св. Писанія [1]). Можно думать, что взятое на себя порученіе Аѳанасій почему-то до конца не довелъ и оно перешло къ преемнику его на тверской каѳедрѣ.

Изъ разсматриваемаго періода жизни преосв. Гавріила мы знаемъ еще о его участіи въ комиссіи по вопросу объ обращеніи въ христіанство инородцевъ. Вслѣдствіе дошедшихъ до правительства жалобъ на злоупотребленія миссіонеровъ въ Сибири, по высочайшему повелѣнію была еще при м. Димитріи, подъ его предсѣдательствомъ, учреждена комиссія для изысканія мѣръ къ прекращенію злоупотребленій и учрежденію такого порядка, «который бы впредь согласовалъ во всемъ проповѣди евангельской». Комиссія сочинила двѣ инструкціи для сибирскаго архіерея и для проповѣдниковъ, а также особую присягу для проповѣдниковъ и особенный молебенъ, который должно пѣть при отправленіи ихъ на проповѣдь. Но послѣ смерти м. Димитрія труды комиссіи были, по повелѣнію Екатерины, отданы вновь для пересмотра новой комиссіи изъ Иннокентія псковскаго, Варлаама (брата Гавріила), еп. тобольскаго и Гавріила, еп. тверскаго. 26 ноября 1768 г. новая комиссія представила государынѣ докладъ съ исправленными ею инструкціями и проч., предлагая напечатать все отдѣльною книгою и разослать по всѣмъ епархіямъ, гдѣ есть иновѣрцы. Исправленія, впрочемъ, были сдѣланы очень незначительныя. По высочайшему распоряженію новое положеніе было приведено въ дѣйствіе пока, въ видѣ опыта, въ одной сибирской епархіи [2]).

Со времени назначенія въ комиссію уложенія еп. тверскій Гавріилъ сдѣлался скорѣе дѣятелемъ высшаго церковнаго управленія, чѣмъ епархіальнымъ администраторомъ. Большую часть времени и силъ онъ долженъ былъ посвящать своимъ новымъ обязанностямъ, можетъ быть только на праздники Рождества и Пасхи, да и то не всегда, уѣзжая въ Тверь изъ столицы. Въ глазахъ монархини тверскій преосвященный былъ,

---

[1]) Рукоп. петроград. дух. ак. № 422, л.л. 172—205.

[2]) Дѣло Арх. Св. Син. 1769 г. № 305. Кн. имен. ук. въ Арх. Син. 1769 г. № 1. П. С. П. и Р. Цар. Ек., т. I, № 467. Содержаніе инструкцій подробно изложено *мною* въ моей статьѣ въ „Хр. Чт.“: „Павелъ Конюшкевичъ, м. тобольскій“, въ сентябр. кн. 1914 г., стр. 1113—1115. См. также ниже, въ главѣ о миссіи.

видимо, на самомъ лучшемъ счету и благоволѣніе Екатерины къ Гавріилу все болѣе и болѣе укрѣплялось. Знакомъ этого благоволенія слѣдуетъ считать между прочимъ назначеніе брата Гавріилова Варлаама на тобольскую каѳедру. Тобольская епархія была праздной послѣ удаленія изъ нея митр. Павла Конюшкевича. 4 іюля 1768 г. Синодъ подалъ государынѣ докладъ съ представленіемъ кандидатовъ въ Тобольскъ. Кандидатами намѣчались изъ архимандритовъ — настоятель Троицкаго Данилова мон. переяслав. еп. и ректоръ переясл. семинаріи Іоанникій и архим. новгор. Вяжицкаго мон. Викторъ; или же Синодъ предлагалъ перевести въ Тобольскъ, какъ на архіепископію, вологодскаго еп. Іосифа, или олонецкаго Антонія. Государыня однако не утвердила ни одного изъ этихъ кандидатовъ, а назначила (4 сентября) совсѣмъ новаго: архимандрита новоторжскаго мон. твер. еп. Варлаама (Петрова). Нѣтъ сомнѣнія, что такой неожиданный выборъ состоялся единственно потому, что Варлаамъ былъ братомъ русскаго Велисарія, столь хорошо извѣстнаго Екатеринѣ. По особому распоряженію Екатерины Гавріилъ былъ приглашенъ и на церемонію нареченія Варлаама во епископы; а посвященіе совершалось въ придворной церкви [1]). При такихъ условіяхъ то обстоятельство, что Гавріилъ долго не назначался членомъ Синода, хотя жилъ въ Петербургѣ, слѣдуетъ приписать исключительно его обремененности дѣлами по комиссіи. Екатерина не хотѣла отвлекать Гавріила отъ комисскихъ дѣлъ, находя необходимымъ дѣятельное участіе его здѣсь. Но когда теченіе дѣлъ въ комиссіи урегулировалось, напряженность работы нѣсколько ослабѣла и Гавріилъ могъ чувствовать себя свободнѣе, послѣдовало и его назначеніе въ Синодъ. 23 сентября 1769 г. состоялось высочайшее повелѣніе о бытіи синодальнымъ членомъ тверскому епископу Гавріилу [2]). Въ Синодѣ тогда засѣдали: Гавріилъ Кременецкій, архіеп. спб., Инно-

---

[1]) О назнач. Варлаама—дѣло А. С. 1768 г. № 93, 4 іюля. Посвященъ Варлаамъ 5 октября въ придворн. церкви. Варлаамъ былъ назначенъ простымъ епископомъ въ Тобольскъ и только впослѣдствіи получилъ званіе архіепископа. То былъ, кажется, косвенный отзвукъ дѣла Павла Конюшкевича.

[2]) Дѣло А. С. 1769 г. № 101. 23 сент. Кн. высоч. ук. въ Арх. Син. 1769 г. № 18. Біографъ Гавріила *Макарій* („Сказаніе“, стр. 32) полемизируетъ съ біографомъ „Сына Отечества“, будто Гавріилъ назначенъ 27 сент. Но синодальное дѣло устанавливаетъ дату именно 23 сент.

кентій, еп. псковскій, троицкій архим. Платонъ (Левшинъ) и протопопъ Андрей. По штату 1763 г. въ Синодѣ полагалось три архіерея, 2 архим. и 1 протопопъ; такъ что одна архіерейская вакансія была свободна. Члены Синода, по штату, различались на перемѣнныхъ и безперемѣнныхъ. Правда, такое различіе было проведено не въ самомъ штатѣ [1]), а въ высочайшемъ указѣ о распредѣленіи членовъ по сему штату [2]). Но изъ одного документа Госуд. Архива [3]) видно, что различіе это считалось общей нормой и съ нимъ, по крайней мѣрѣ первое время, считались. По смыслу упомянутаго документа можно заключить, что безперемѣнными членами по званію считались архіереи новгородскій и с.-п.-бургскій,—а Гавріилъ былъ назначенъ членомъ безперемѣннымъ, хотя онъ занималъ каѳедру тверскую и его другъ Иннокентій псковскій такого званія «безперемѣннаго» не имѣлъ [4]). Гавріилу, такимъ образомъ, предназначалось надолго сдѣлаться участникомъ высшаго церковнаго управленія, что и было на самомъ дѣлѣ. Первый разъ Гавріилъ присутствовалъ на засѣданіи Синода 28 сентября [5]).

Но планы Екатерины не ограничивались простымъ назначеніемъ тверскаго владыки въ Синодъ. Императрица, очевидно, желала видѣть своего Велисарія и руководителемъ церковныхъ дѣлъ, хотѣла имѣть постоянно около себя столь мудраго и просвѣщеннаго іерарха, снискавшаго ея полное уваженіе и довѣріе. Послѣ смерти преосв. Димитрія, такого лица не было у Екатерины. Гавріилъ Кременецкій былъ не близокъ къ государынѣ и легко было замѣтить, что къ нему императрица особаго довѣрія не питаетъ. Не даромъ, помимо его, выдвигался всюду его соименникъ тверскій владыка. Иннокентій псковскій пользовался большимъ вниманіемъ Екатерины; онъ всегда рука объ руку съ Гавріиломъ Петровымъ исполнялъ довѣренныя порученія государыни. Но по своимъ индивидуальнымъ качествамъ Иннокентій, видимо, не подхо-

[1]) П. С. П. и Р. Цар. Ек., т. I, № 141.

[2]) П. С. П. и Р. Цар. Ек., т. I, № 142.

[3]) Гос. Арх., р. XVIII, № 47, т. VII.

[4]) Ibid. есть записка Теплова генералъ-прокурору, что въ указѣ о назначеніи Гавріила надо въ концѣ прибавить „безперемѣнно“. При этомъ Тепловъ добавлялъ, что въ указѣ о псковскомъ этого не сказано, а потому, если въ будущемъ будетъ сдѣланъ новгородскій, то псковскій какъ сверхштатный, сойдетъ въ разрядъ перемѣняющихся.

[5]) Журналы Синода 28 сент. 1769 г.

дилъ для роли руководителя церковной политики, да и не претендовалъ на таковую. Потому то онъ, хотя старшій Гавріила, какъ то стушевывался при послѣднемъ. Между тѣмъ Екатерина должна была понимать, что безъ соотвѣтствующаго іерархическаго положенія наиболѣе довѣренный ея іерархъ тверскій не получитъ въ Синодѣ надлежащаго значенія. Необходимо было дать ему высокій постъ, чтобы онъ могъ развернуть свою дѣятельность. Вопросъ этотъ, должно быть, занималъ Екатерину; но она не находила ему удобнаго разрѣшенія. Случай помогъ ей въ данномъ направленіи. Въ 1770 г. 8 іюня скончался кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій. 23 августа Синодъ постановилъ представить кандидатовъ на кіевскую каѳедру: Георгія (Конисскаго), еп. бѣлорусскаго, и Аѳанасія (Вольховскаго), еп. ростовскаго, рекомедовавъ ихъ какъ довольно ученыхъ и малороссіянъ [1]). Однако, отвѣта на свой докладъ Синодъ не получилъ никакого. Вмѣсто того 22 сентября полученъ былъ неожиданный высочайшій указъ о переводѣ въ Кіевъ митрополитомъ архіеп. спб. Гавріила Кременецкаго и назначеніи въ С.-Петербургъ на его мѣсто архіепископомъ тверскаго преосвященнаго Гавріила [2]). Очевидно, Екатерина рѣшила воспользоваться удобнымъ случаемъ безъ обиды удалить Гавріила Кременецкаго и предоставить его высокій постъ тому іерарху, котораго она желала видѣть во главѣ церковнаго управленія. Вопросъ разрѣшился скорѣе, чѣмъ можно было бы ожидать. Въ 40 лѣтъ Гавріилъ восходилъ на первое мѣсто въ іерархическомъ сонмѣ; но восходилъ не по волѣ случая или фавора, а какъ человѣкъ, дѣйствительно успѣвшій заявить себя выдающимися талантами и способностями. Его достоинства и труды получали достойную награду, и едва ли много было современниковъ, считавшихъ жребій Гавріила жребіемъ счастья, а не справедливости.

Б. Титлиновъ.

---

[1]) Дѣло А. С. 1770 г. № 336. См. Опис. д. и док. 1770 г.

[2]) Кн. именн. указ. въ Арх. Син., 1770 г. № 10. Также въ дѣлѣ А. С. 1769 г. № 385. Одновременно тѣмъ же указомъ въ Тверь назначался архіепископомъ Платонъ (Левшинъ), а Иннокентій получилъ званіе архіепископа. Членами въ Синодѣ повелѣвалось быть новому архіеп. спб. Гавріилу, Иннокентію и Платону; а Гавріилу Кременецкому предоставлялось лишь именоваться синодальн. членомъ.

— Между прочимъ императрица перетасовала тогда и другихъ кандидатовъ, представленныхъ Синодомъ на каѳедры архангельскую, черниговскую, переяславскую.

Къ вопросу о соединеніи Церквей.

(Отвѣтъ Mons. Niccolò Marini).

Въ послѣднемъ выпускѣ итальянскаго журнала Bessarione (январь—іюнь 1915 г.) помѣщена статья, посвященная вопросу о соединеніи церквей, подъ заглавіемъ: L'unione delle chiese e la stampa russa [1]). Статья эта, принадлежащая перу самого редактора-издателя журнала Mons. Marini, представляетъ собою не что иное, какъ весьма пространное возраженіе на одну изъ передовыхъ статей Академическаго еженедѣльника „Церковный Вѣстникъ“ за прошлый годъ, озаглавленную: „Великія перспективы русско-польскаго примиренія“ (№ 36 1914 года). Такъ какъ большая часть возраженій почтеннаго представителя католической церкви основывается на вольныхъ или невольныхъ недоразумѣніяхъ относительно смысла названной статьи, то авторъ ея считаетъ долгомъ эти недоразумѣнія выяснить и показать неосновательность сужденій своего критика.

Статья „Церк. Вѣстн.“, о которой идетъ рѣчь, была написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстнаго воззванія Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ и имѣла въ виду отмѣтить возможныя религіозныя послѣдствія ликвидаціи застарѣлой русско-польской вражды. Русско-польское примиреніе оцѣнивалось въ этой статьѣ какъ конкретный историческій путь, какимъ можетъ начаться и осуществиться великое дѣло соединенія церквей. „Мы привыкли относиться, писалось въ статьѣ „Церк. Вѣстн.“; къ этимъ упованіямъ, какъ къ неосуществимымъ утопіямъ, но вѣдь такое настро-

[1]) „Соединеніе церквей и русская печать“.

еніе питается скептицизмомъ, который не умѣстенъ въ настоящее героическое время. Такой скептицизмъ, прежде всего, не благочестивъ, ибо, если Церковь молится о церковномъ единеніи, то мы должны этого единенія не только серьезно желать, но и всѣми силами ему содѣйствовать. Но этотъ скептицизмъ и не мудръ, ибо основывается на историческомъ опытѣ, на случайностяхъ исторіи, а не на существѣ дѣла. Христосъ основалъ единую Церковь; Его Церковь въ идеѣ едина, и эта идея когда-нибудь должна восторжествовать надъ эмпирическимъ разъединеніемъ. Примиреніе русскаго и польскаго народовъ важно тѣмъ, что оно намѣчаетъ конкретный историческій путь, какимъ можетъ осуществиться это идеально необходимое объединеніе".

„Что нужно для соединенія Церквей, о которомъ ежедневно молятся въ нашихъ храмахъ? Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что для этого, прежде всего, необходимо перерожденіе Римской церкви. Римская церковь это— стройный организмъ, которому, однако, недостаетъ духа подлинной и глубокой религіозной жизни, недостаетъ духа *святости*. Древній державный Римъ далъ ей свою организацію, свою желѣзную дисциплину, но онъ же сообщилъ ей и свой языческій духъ, выражающійся въ юридизмѣ, схематизмѣ и вообще въ подавленіи внутренняго внѣшнимъ. Безъ устраненія этого основного изъяна, въ которомъ, кажется, корень всего, что въ католичествѣ для православія непріемлемо, конечно, ни о какомъ церковномъ единеніи не можетъ быть и рѣчи".

Мы привели эту довольно длинную цитату не только потому, что въ ней выражается главная мысль статьи „Церк. Вѣстн.", но и потому, что на ней преимущественно сосредоточивается вниманіе Mons. Marini. Подвергая ее обстоятельному разбору, почтенный прелатъ слѣдуетъ при этомъ плану, который можно назвать классическимъ для всякой критики: сначала онъ одобряетъ и благожелательно комментируетъ, а затѣмъ порицаетъ и злостно нападаетъ. Само собою понятно, что порицательная часть статьи Mons. Marini гораздо обширнѣе благожелательной. Само собою также понятно, что сочувствіе прелата относится къ тому мѣсту статьи „Церк. Вѣстн.", гдѣ говорится о возможности и осуществимости соединенія Церквей, а порицанія и полемическіе громы къ тому, гдѣ говорится объ условіяхъ этого соедине-

нія. Но обѣ части статьи Mons. Marini—какъ благожелательная, такъ и порицательная—страдаютъ однимъ и тѣмъ же недостаткомъ—преувеличеніемъ: почтенный прелатъ одинаково преувеличиваетъ какъ тѣ мысли статьи „Церк. Вѣстн.“, которыя онъ сочувственно комментируетъ, какъ благопріятныя для его воззрѣній католика-ультрамонтана, такъ и тѣ, на которыя онъ горячо нападаетъ, какъ съ этими воззрѣніями не согласныя.

Благожелательную часть своей критики Mons. Marini начинаетъ довольно лестнымъ отзывомъ о статьѣ „Церк. Вѣстн.“. Почтенный прелатъ называетъ ее „весьма важной статьей относительно соединенія Церквей“ (стр. 1). Онъ признаетъ, что „статья содержитъ не мало справедливыхъ и здравыхъ взглядовъ“ и что „она не можетъ не возбудить вниманія тѣхъ, кто работаетъ для достиженія вожделѣннѣйшей цѣли согласія и мира всѣхъ христіанскихъ церквей“ (тамъ же). „Мы считаемъ стоющимъ труда“, продолжаетъ Mons. Marini, „воспроизвести буквально, въ переводѣ съ русскаго оригинала, названныя размышленія относительно пользы, даже необходимости осуществленія соединенія“ (тамъ же). И далѣе дѣйствительно приводитъ въ итальянскомъ переводѣ почти всю статью „Церк. Вѣстн.“ (стр. 1—3). Почтенный критикъ простираетъ свою благосклонность къ автору статьи „Церк. Вѣстн.“ даже до того, что удостоиваетъ признать его своимъ единомышленникомъ, утверждая, что въ статьѣ „Церк. Вѣстн.“ разъясняется одна изъ идей редактируемаго имъ журнала. „Эта статья „Церк. Вѣстн.“, пишетъ Mons. Marini, разъясняетъ (chiarische)—здѣсь это можно сказать безъ всякой претензіи—нашу идею, которую мы не разъ высказывали въ Bessarione, а именно, что послѣ потрясенія (sconvolgimento), испытаннаго балканскими государствами и еще болѣе послѣ колоссальной борьбы, которая оросила братской кровью чадъ столькихъ христіанскихъ исповѣданій, наступитъ время осуществить соединеніе Церквей“ (стр. 4). Лестно отзываясь о статьѣ „Церк. Вѣстн.“, почтенный представитель Римской церкви, въ частности, весьма доброжелательно отзывается объ аргументаціи этой статьи въ пользу единства Церкви. „Весьма справедлива та мысль, пишетъ Mons. Marini, что раздробленіе христіанскихъ церквей не только не согласуется съ понятіемъ Церкви, основанной Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, но и безусловно ему противорѣчитъ, не соотвѣт-

ствуя тому милосердному плану, какой Онъ имѣлъ, устроя Свою Церковь" (тамъ же). Одобрительно отзывается почтенный критикъ и относительно осужденія, высказаннаго въ статьѣ „Церк. Вѣстн." по адресу скептическаго отношенія къ возможности соединенія Церквей. „Авторъ статьи „Церк. Вѣстн.", читаемъ у Mons. Marini, затѣмъ благоразумно (assennatamente) прибавляетъ, что не должно быть противниковъ соединенія между православными, разъ ихъ церковь ежедневно молится объ этомъ соединеніи Церквей; и посему скептицизмъ относительно возможности этого соединенія не благочестивъ и не мудръ на томъ основаніи, что онъ опирается на историческій опытъ, на случайные историческіе факты, а не на существо дѣла" (тамъ же). Впрочемъ, высказанное въ статьѣ „Церк. Вѣстн." осужденіе скептическаго отношенія къ возможности церковнаго объединенія осторожный критикъ одобряетъ не безусловно, а лишь подъ условіемъ опредѣленнаго толкованія словъ автора. И вотъ здѣсь-то почтенный прелатъ впервые допускаетъ преувеличеніе въ благопріятную для себя сторону, о которомъ мы говорили выше. „Если онъ (т. е. авторъ статьи „Церк. Вѣстн."), читаемъ у Mons. Marini, имѣетъ въ виду намекнуть на самое начало раздѣленія, вызваннаго поведеніемъ Фотія и завершеннаго дѣломъ Михаила Керулларія, и при этомъ полагаетъ, что эти факты не составляютъ достаточнаго основанія, почему не могло бы возстановиться единство, нарушенное такимъ образомъ между двумя Церквами, мы соглашаемся, что порицаемый скептицизмъ не долженъ имѣть мѣста, за отсутствіемъ солиднаго основанія" (стр. 5). Какъ видно изъ этой цитаты, представитель Римской церкви хочетъ навязать автору статьи „Церк. Вѣстн." католическую оцѣнку историческихъ фактовъ, вызвавшихъ раздѣленіе между церквами. Православный авторъ, конечно, съ этой оцѣнкой не согласенъ, но въ своей статьѣ онъ не хотѣлъ входить въ разсмотрѣніе историческихъ фактовъ, а предпочиталъ держаться принципіальной точки зрѣнія. Мысль автора статьи „Церк. Вѣстн." была та, что, кто бы ни былъ виновенъ въ происшедшемъ раздѣленіи, оно, какъ историческій фактъ, не можетъ обезцѣнить и поколебать идеи единства Церкви Христовой. Но почтенному критику, очевидно, не хочется оставаться на принципіальной высотѣ; чистый воздухъ принципіальнаго обсужденія ему претитъ, и его тянетъ въ туманныя низины

историческихъ счетовъ, при чемъ онъ торопится заявить свою безусловную привязанность къ партійной точкѣ зрѣнія. При такомъ отношеніи къ дѣлу скептицизмъ относительно возможности соединенія, разумѣется, получаетъ новую силу.

Другое преувеличеніе въ благопріятную для себя сторону почтенный прелатъ допускаетъ, когда говоритъ о значеніи статьи „Церков. Вѣстн.“ для соединенія церквей въ желательной для римскихъ католиковъ формѣ. По нему выходитъ, что статья „Церк. Вѣстн.“ представляетъ собою нѣкоторый поворотный пунктъ въ отношеніи православныхъ къ Римско-католической Церкви и соединенію съ ней. „Размышленія Петроградскаго „Церк. Вѣстн.“, пишетъ нашъ критикъ, суть многозначительное указаніе на то, что даже православные, доселѣ упорно отвергавшіе соединеніе, начинаютъ убѣждаться, что оно не только полезно, но кромѣ того и необходимо“ (стр. 4). И далѣе: „Пріятно слышать заявленіе, которое затѣмъ дѣлаетъ авторъ „Церк. Вѣстн.“, говоря, что соединеніе Церкви православной съ Римской есть дѣло благовременное и даже необходимое, такъ какъ это доказываетъ, что, несмотря на тяжкіе предразсудки и силу привычекъ и, скажемъ, наконецъ, несмотря на вѣковую ненависть, какую питали въ отношеніи Римской Церкви православные, они *сдѣлали крупный шагъ* [1]), допустивши возможность и благовременность соединенія съ нею. Въ началѣ, когда безсмертной памяти Левъ XIII издалъ энциклику о соединеніи, православные греки подняли крики ужаса и проклятія. Никогда, повторяли они, никогда не быть единенію съ Римомъ. Съ англиканствомъ да, съ лютеранами да, съ другими христіанскими и еретическими исповѣданіями да, но никогда съ Римомъ [2]). И *вотъ не прошло еще двадцати лѣтъ отъ изданія этого папскаго* (pontificale) *документа, какъ говорится серьезно о допущеніи соединенія также и съ Римомъ* [1]). Для насъ, католиковъ, которые не

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Mons. Marini здѣсь безусловно неправильно изображаетъ отношеніе грековъ къ соединенію съ Римскою Церковію въ эпоху изданія энциклики. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ „Окружномъ патріаршемъ и синодальномъ посланіи Константинопольской Церкви по поводу энциклики Льва XIII“: „И подлинно, всякое христіанское сердце должно быть преисполнено желанія единенія церквей, особенно же вся въ совокупности православная вселенная, одушевляемая истиннымъ духомъ

имѣемъ въ виду ничего другого, кромѣ славы Божественнаго Основателя Церкви и блага вѣрующихъ, это есть утѣшительнѣйшій симптомъ, а можетъ быть, по милости Божіей, также и вѣрный и искренній предвѣстникъ примиренія заблудшихъ и отторгшихся (dissidenti) чадъ Церкви Восточной съ общею матерью—Римской" (стр. 6—7). Авторъ статьи „Церк. Вѣстн." долженъ здѣсь обратить вниманіе почтеннѣйшаго Mons. Marini, что мысль о соединеніи Церквей имъ поддерживалась въ ея принципіальной чистотѣ, а не въ той формѣ, какъ это соединеніе рисуется его воображенію ревностнаго католика. Въ виду этого статья „Церк. Вѣстн." вовсе не знаменуетъ собой со стороны православныхъ какого-либо новаго шага, ни большого, ни малаго, въ вопросѣ о соединеніи съ Римскою церковію. Соединеніе церквей, въ удовлетворяющей православное сознаніе формѣ, было всегда въ нашей Церкви безспорной мыслію, о чемъ свидѣтельствуютъ хотя-бы непрестанно возносимыя въ православныхъ храмахъ молитвы объ этомъ соединеніи. Впрочемъ, думается, и самъ Mons. Marini превосходно видѣлъ, что авторъ статьи „Церк. Вѣстн." не склоненъ представлять церковное объединеніе въ видѣ возвращенія „заблудшихъ и отторгшихся чадъ Церкви Восточной съ общею матерью—Римской", и если допускаетъ здѣсь недоразумѣніе, то это недоразумѣніе, очевидно, съ его стороны намѣренное и вольное. Въ самомъ дѣлѣ, позиція автора статьи „Церк. Вѣстн." не давала мѣста никакимъ иллюзіямъ, ибо основнымъ условіемъ соединенія въ этой статьѣ ставилось „перерожденіе Римской Церкви". Это мѣсто не только не осталось незамѣченнымъ почтеннымъ прелатомъ, но и привлекло его исключительное вниманіе: вся бо́льшая, вторая, часть его статьи почти цѣликомъ посвящена разбору этого мѣста. Къ разсмотрѣнію этой второй части статьи Mons. Marini мы теперь и обращаемся.

благочестія, согласно съ божественною цѣлію устроенія Церкви Богочеловѣкомъ, Спасителемъ нашимъ Христомъ, горячо желаетъ единенія Церквей въ одномъ и томъ же правилѣ вѣры и на основаніи апостольскаго и преданнаго отъ отцевъ ученія, имѣя самого Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ (Ефес. II, 20)... Согласно съ этимъ священнымъ желаніемъ наша православная Христова Церковь всегда готова принять всякое предложеніе о соединеніи" и т. д. (русск. перев., Петроградъ, 1896, стр. 4—5).

Эту часть мы выше назвали „порицательной“. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь тонъ статьи нашего критика рѣзко мѣняется и характеризуется даже многочисленными полемическими рѣзкостями, переносящими насъ въ эпоху полемическихъ пріемовъ добраго стараго времени. Разсужденія почтеннаго прелата изобилуютъ такими полемическими перлами: „какая глупость, чтобы не назвать это нечестіемъ“... (стр. 11); „это нелѣпая и въ то же время смѣшная инсинуація“... (стр. 13); „это тоже нелѣпая и смѣшная клевета“... (тамъ же); „это глупая и клеветническая гипотеза“... (стр. 15); „глупое возраженіе говорить“... (стр. 20); „это было бы безумнымъ и смѣшнымъ обвиненіемъ“ (22). Кромѣ того, итальянскій критикъ находитъ возможнымъ предъявить автору статьи „Церк. Вѣстн.“ прямое обвиненіе въ недобросовѣстности (стр. 25 и 26). Какъ читатели далѣе воочію убѣдятся, у насъ имѣются достаточныя основанія съ лихвою возвратить почтенному прелату всѣ эти характеристики, но, изъ уваженія къ его сану и добрымъ литературнымъ нравамъ, мы этого не сдѣлаемъ и будемъ продолжать нашъ отвѣтъ въ прежнемъ спокойномъ и корректномъ тонѣ.

Въ интересахъ ясности дѣла мы снова приведемъ здѣсь то мѣсто статьи „Церк. Вѣстн.“, противъ котораго направляетъ свои полемическіе удары Mons. Marini: „Что нужно для соединенія Церквей, о которомъ ежедневно молятся въ нашихъ храмахъ? Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что для этого, прежде всего, необходимо перерожденіе Римской Церкви. Римская Церковь—это стройный организмъ, которому, однако, недостаетъ духа подлинной и глубокой религіозной жизни, недостаетъ духа святости. Древній державный Римъ далъ ей свою организацію, свою желѣзную дисциплину, но онъ же сообщилъ ей и свой языческій духъ, выражающійся въ юридизмѣ, схематизмѣ и вообще въ подавленіи внутренняго внѣшнимъ“. Данная въ этихъ строкахъ характеристика Римской Церкви очень сжата, но въ то же время достаточно опредѣленна. Правда, ея положенія не аргументированы, но авторъ и не могъ къ этому стремиться въ очень краткой публицистической статьѣ. Для его задачи было достаточно лишь сжато формулировать то, что противъ Римской Церкви было выставлено наиболѣе авторитетными православными богословами. Именно, въ статьѣ подчеркивал ся мірской, свѣтскій характеръ Римской Церкви—

что является основнымъ мотивомъ въ православной противокатолической полемикѣ [1]). Болѣе опредѣленно авторъ статьи намекалъ на ту теорію, по которой, если не всѣ, то большинство особенностей католической Церкви объясняются изъ юридическаго способа мышленія, юридическаго духа, свойственнаго римскому народу и унаслѣдованнаго отъ него католическимъ западомъ [2]). Мы, конечно, не отрицаемъ того, что противъ этой точки зрѣнія можно спорить. Но почтенный критикъ этого какъ разъ не дѣлаетъ. Онъ споритъ противъ чего угодно, только не противъ этой теоріи. Между тѣмъ, казалось бы, она не могла ему быть неизвѣстной. Mons. Marini, повидимому, читаетъ по-русски, и въ силу своего положенія, какъ редакторъ журнала, удѣляющаго особенное вниманіе православному Востоку, долженъ бы быть въ курсѣ современной православной полемики противъ католичества [3]). Поэтому невольно является подозрѣніе, что его непониманіе и недоразумѣніе относительно смысла статьи „Церк.

---

[1]) Впрочемъ, не одни православные полемисты подчеркиваютъ эту сторону въ современномъ состояніи Римской Церкви. На эту сторону указываютъ и нѣкоторые правовѣрные католики,—конечно не изъ ультрамонтанскаго лагеря. Mons. Marini, вѣроятно, извѣстно посмертное сочиненіе кардинала Маннинга, архіепископа Вестминстерскаго: Hindrances to the spread of the Catholic Church in England (Препятствія къ распространенію Католической Церкви въ Англіи), изданное E. Sh. Purcell въ Life of Cardinal Manning. Разбирая указанныя покойнымъ кардиналомъ „препятствія“ и стараясь опредѣлить ихъ главную основу, другой, тоже католическій, авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Spectator, находитъ эту основу ни въ чемъ другомъ, какъ въ „преобладаніи политически-земного элемента въ Римской Церкви, начинал съ 13 столѣтія, и соотвѣтственно этому въ подавленіи религіознаго духа земными политическими стремленіями“ (цитовано по предисловію къ нѣмецкому переводу упомянутаго сочиненія кардинала Manning'a Gerhadt Wahrmut'a, Würzburg, 1898, стр. XIV).

[2]) См. напр., *еп. Сергій* (теперь архіеп. Финляндскій), „Православное ученіе о спасеніи“, изд. 3, 1903 г. Введеніе, особенно стр. 13 слл.; *еп. Антоній* (теперь архіеп. Харьковскій), Полное собр. соч. Ш, 1900, „Превосходство православія надъ ученіемъ папизма въ его изложеніи Вл. Соловьевымъ“, стр. 5 слл.

[3]) Если Mons. Marini православная богословская литература почему-либо осталась неизвѣстной, то онъ могъ бы съ этой точкой зрѣнія на римскую церковь познакомиться по многимъ сочиненіямъ западныхъ писателей, напримѣръ, по пользующейся широкимъ распространеніемъ на Западѣ „Сущности Христіанства“ *Ад. Гарнака* (см. 2-е нѣмецкое изданіе, стр. 155—6; срвн. *его-же* Dogmengeschichte III, 1 u. 2 Aufl., стр. 307 слл.).

Вѣстн.“ дипломатическаго свойства и является ни болѣе ни менѣе, какъ полемическою хитростію. Пользуясь отвлеченностію и сжатостію разсматриваемой тирады изъ статьи „Церк. Вѣстн.“, нашъ католическій противникъ подставляетъ такія конкретныя понятія, которыя наиболѣе облегчаютъ его полемическую задачу, т. е. при которыхъ ему всего легче торжествовать побѣду надъ своимъ православнымъ противникомъ. Что дѣло обстоитъ именно такъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ намѣреннымъ непониманіемъ, объ этомъ, кажется, весьма убѣдительно говоритъ слѣдующее обстоятельство: слово „юридизмъ“, находящееся въ приведенной выше тирадѣ изъ статьи „Церк. Вѣстн.“, католическимъ критикомъ совершенно игнорируется. Ни въ полномъ переводѣ статьи на стр. 1—3, ни въ другихъ мѣстахъ, гдѣ тирада „Церк. Вѣстн.“ много разъ приводится, слова „юридизмъ“ нѣтъ, и въ своемъ обстоятельномъ разборѣ этой тирады, останавливающемся буквально на каждомъ словѣ, о юридизмѣ нашъ критикъ ни разу и не заикнулся. И такой пріемъ вполнѣ понятенъ. Слово „юридизмъ“ такъ опредѣленно намекаетъ на сущность возраженій православныхъ полемистовъ противъ католиковъ, что та игра въ прятки, на которой почтенный прелатъ основалъ всю свою полемику противъ „Церк. Вѣстн.“, становится невозможной. А такъ какъ отказаться отъ этой игры для него представлялось невыгоднымъ, то ему ничего не оставалось, какъ вычеркнуть неудобное слово, и разсуждать такъ, какъ будто его вовсе нѣтъ.

Свой разборъ сужденій„ Церк. Вѣстн.“ о Римской Церкви Mons. Marini начинаетъ разсмотрѣніемъ слѣдующей фразы: „Римская Церковь—это стройный организмъ, которому однако недостаетъ духа подлинной и глубокой религіозной жизни, недостаетъ духа святости“. Для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ православной противокатолической полемикой, совершенно ясно, что этими словами имѣется въ виду отмѣтить свѣтскій, мірской характеръ Римской церковной организаціи и римскаго воспріятія и истолкованія христіанства. А смотрите, какъ нашъ критикъ опровергаетъ приведенныя слова статьи „Церк. Вѣстн.“! „Всѣ обычаи (pratiche) духовной жизни, всѣ средства освященія, всѣ благочестивыя учрежденія, направленныя на питаніе и поддержаніе жизни христіанской души.., напримѣръ, принятіе таинствъ, особенно прича-

щенія, духовныя упражненія, миссіи, распространеніе аскетическихъ книгъ, усердное почитаніе Пресвятой Маріи, глубокое (tenera) благоговѣніе, все болѣе и болѣе возрастающее, предъ священнѣйшимъ сердцемъ Іисуса Христа. чрезъ которое вѣрующіе получаютъ помощь, чтобы все глубже и глубже размышлять о Виновникѣ и Совершителѣ вѣры—Іисусѣ Христѣ, благоговѣть предъ Нимъ и любить Его всѣми силами своей души: не есть ли все это доказательство истиннаго и крѣпкаго благочестія Римской Церкви?“ (стр. 7). Автору статьи „Церк. Вѣстн.“, какъ про то, конечно, знаетъ и нашъ почтенный критикъ, разумѣется, не безъизвѣстно, что въ Римской Церкви есть таинства, культъ, благочестивые обычаи и учрежденія. Но авторъ статьи „Церк. Вѣстн.“ въ то же время убѣжденъ, что всего этого мало для опроверженія его мысли объ отсутствіи духа святости въ Римской церкви. Все это доказываетъ наличность *благочестія* въ Римской Церкви, благочестіе же, какъ извѣстно, бываетъ всякое — какъ истинное и глубокое, такъ и лицемѣрное и поверхностное. Для святости важно не только имѣть таинства, культъ и проч., но соотвѣтствующимъ образомъ ихъ понимать и практиковать. А въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія православныхъ полемистовъ, въ Римской Церкви не все обстоитъ благополучно. Поэтому, если нашъ почтенный критикъ хотѣлъ дѣйствительно опровергнуть положеніе статьи „Церк. Вѣстн.“ о недостаткѣ духа святости въ Римской Церкви, ему необходимо было противъ православныхъ полемистовъ доказать, что этому духу не противорѣчитъ ученіе о главенствѣ папы, какъ намѣстника Христа, ученіе о дѣйственности таинствъ ex opere operato, о сверхдолжныхъ заслугахъ и другія особенности Римской Церкви, свидѣтельствующія о господствѣ въ ней внѣшняго юридическаго духа, имѣющаго мало общаго съ духомъ подлинной святости.

Не менѣе неудаченъ и второй аргументъ, какимъ Mons. Marini хочетъ опровергнуть положеніе статьи „Церк. Вѣстн.“ объ отсутствіи въ Римской Церкви духа святости. Именно, почтенный прелатъ въ этихъ цѣляхъ ссылается на святыхъ католической Церкви, при чемъ онъ даже бросаетъ не вполнѣ пристойный вызовъ православной церкви, какъ бы приглашая ее на состязаніе подвижниками благочестія. „Пусть, говоритъ онъ, православная Церковь представитъ намъ святыхъ, подобныхъ святымъ Церкви Римской. Пусть православная

Церковь укажетъ намъ св. Ѳому Аквинскаго" и т. д. (стр 8), перечисляя въ хронологическомъ порядкѣ наиболѣе выдающихся католическихъ святыхъ, не забывъ при этомъ внести въ свой списокъ и Игнатія Лойолу, и папу Пія V, и Іосафата Кунцевича (стр. 8—10). Мы не станемъ оспаривать славу святыхъ католической Церкви, а повторимъ только то, на что указывали уже ранѣе: именно, говоря о недостаткѣ святости въ Римской Церкви, мы имѣли въ виду ея систему, ея организацію, а не христіанскую жизнь въ ея нѣдрахъ. Вѣдь совершенно ясно, что отдѣльнымъ членамъ религіознаго общества святость можетъ принадлежать, но отсюда еще нельзя дѣлать заключенія о святости порядковъ этого общества, его организаціи, направленія, духа. Дѣло въ томъ, что отдѣльные члены могутъ достигать святости, несмотря на общее направленіе церковной жизни и даже вопреки ему. Такъ дѣйствительно и обстоитъ дѣло въ Римской Церкви. Святая христіанская жизнь въ ней пока сохраняется, но сохраняется, какъ наслѣдіе того счастливаго времени въ ея исторіи, когда въ ней еще не успѣла воцариться теперешняя гибельная система, внесшая въ нее мірской, свѣтскій духъ.

Какъ видятъ читатели, аргументація святости у почтеннаго прелата не изъ удачныхъ, однако онъ этою аргументаціей очень доволенъ и заканчиваетъ ее слѣдующими словами: „Но мы, кажется, очень распространились, доказывая, что не имѣетъ нужды въ доказательствѣ. Тому, кто сталъ бы отрицать свѣтъ солнца, было бы смѣшнымъ и праднымъ дѣломъ пытаться доказывать, что солнце блистаетъ. Лучше скажемъ нѣсколько словъ о другомъ положеніи упомянутой статьи, а именно: „Древній державный Римъ далъ Римской Церкви свою организацію, свою желѣзную дисциплину" и т. д. (стр. 10—11).

Въ этихъ словахъ, собственно, разъясняется предшествующая мысль объ отсутствіи въ Римской Церкви духа святости. Это отсутствіе объясняется именно вліяніемъ римскихъ языческихъ или, иначе говоря, государственныхъ традицій. Римскій епископъ сдѣлался въ народномъ сознаніи наслѣдникомъ древне-римскихъ цезарей. Это положеніе имѣетъ значеніе весьма твердо установленнаго историческаго взгляда. Его держатся не одни православные противокатолическіе полемисты, но въ немъ сходится очень много серьезныхъ историковъ, принадлежащихъ къ различнымъ направленіямъ, шко-

ламъ и исповѣданіямъ [1]). Взглядъ этотъ извѣстенъ каждому образованному человѣку, и потому трудно допустить, чтобы Mons. Marini ничего не зналъ о немъ. Между тѣмъ, разбирая приведенное положеніе „Церк. Вѣстника", онъ ведетъ себя такъ, какъ будто встрѣчается съ этимъ воззрѣніемъ въ первый разъ и начинаетъ гадать, что хочетъ сказать этими словами авторъ „Церк. Вѣстн.". Мы не станемъ приводить тѣхъ толкованій, при помощи которыхъ почтенный критикъ старается разъяснить якобы загадочный смыслъ словъ „Церк. Вѣстн.", ибо эти толкованія не особенно вразумительны; мы прямо обратимся къ разсмотрѣнію его доказательства, что никакого вліянія древняго Рима на католическую церковь никогда не было. Доказательства эти очень просты, но зато столь же неубѣдительны. Отрицая вліянія древняго Рима на римско-католическую церковь, Mons. Marini въ подтвержденіе этого говоритъ лишь то, что такого вліянія не было во времена апостоловъ (ибо ап. Павелъ одобрительно отзывается о вѣрѣ Римлянъ, Рим. 1, 8) и въ эпоху гоненій (стр. 12—13). Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что православные чтутъ древне-римскую Церковь и подчиненіе ея духу древне-римскихъ традицій относятъ къ позднѣйшему времени. И совершенно непонятно, зачѣмъ Mons. Marini ломится въ открытую дверь, доказывая то, чего никто и не думалъ отрицать, но зато оставляя безъ отвѣта дѣйствительное возраженіе. Можно подумать, что это онъ дѣлаетъ, разсуждая въ томъ смыслѣ, что разъ рѣчь идетъ о вліяніи со стороны Римскаго государства, то нужно брать такой періодъ, когда римское государство еще существовало, такъ какъ вліяніе-де возможно со стороны того, что существуетъ, а не того, что перестало существовать. Но развѣ Mons. Marini неизвѣстно, что традиціи переживаютъ учрежденія, вѣрнѣе, прекратившія существованіе учрежденія продолжаютъ жить въ сознаніи, привычкахъ и образѣ мыслей людей и снова воскресаютъ въ новомъ видѣ, воплощаясь въ новыя формы? Такъ было и здѣсь. Павшее подъ ударами варваровъ римское государство воскресло въ Римской Церкви.

Отрицая, что идея папскаго главенства возникла подъ вліяніемъ традицій императорскаго Рима, Mons. Marini пытается положительно доказать, что высшій авторитетъ въ христіан-

[1]) См. напр. *Onken*, Allgem. Geschichte, II-te Hauptabth. VI Theil, Bd. 1, стр. 93—95; *Ad. Harnack*, Das Wesen des Christenthums, 2 Aufl. стр. 157.

скомъ мірѣ, на который претендуетъ теперь Римскій епископъ, ему съ самаго начала принадлежалъ и за нимъ признавался. Но на чемъ же основывается почтенный прелатъ въ этомъ доказательствѣ? Основанія эти такъ же стары, какъ и папскія притязанія. Именно устами извѣстнаго Möhler'a онъ приводитъ мѣста изъ св. Иринея Ліотскаго и св. Кипріана карѳагенскаго. Вотъ эти мѣста. Св. Ириней: ad hanc enim ecclesiam propter potentiorem principalitatem necesse est omnem convenire ecclesiam, hoc est eos, qui sunt undique fideles, in qua semper ab his qui sunt undique conservata est ea quae ab apostolis traditio (Lib. III. Contra haeres., cap. III, n. 2). Св. Кипріанъ: navigare audent ad Petri cathedram atque ad ecclesiam principalem, unde unitas sacerdotalis exorta est (ep. 55 ad Cornelium). Эти мѣста прекрасно извѣстны православнымъ противокатолическимъ полемистамъ, подробно у нихъ разобраны, при чемъ ими съ полною убѣдительностію выяснена невозможность основывать на этихъ мѣстахъ папскія притязанія. Намъ нѣтъ нужды воспроизводить соображенія православныхъ полемистовъ; интересующихся мы отсылаемъ непосредственно къ ихъ сочиненіямъ [1]). Мы замѣтимъ только, что и безъ подробнаго анализа данныхъ мѣстъ и выясненія ихъ контекста совершенно очевидно, что они не могутъ служить *достаточнымъ* основаніемъ для того положенія, которое они должны доказать; ибо какъ то, такъ и другое свидѣтельство можно толковать—и при томъ съ соблюденіемъ большей естественности—въ иномъ смыслѣ, нежели это угодно защитникамъ папскаго главенства. Въ самомъ дѣлѣ, свидѣтельство св. Иринея Ліонскаго ничто не мѣшаетъ понимать въ томъ смыслѣ, что св. отецъ говоритъ о преимуществѣ Римской Церкви, обусловленномъ *политическимъ значеніемъ* города Рима, какъ всемірнаго центра, гдѣ встрѣчались представители всѣхъ христіанскихъ Церквей и гдѣ потому особенно надежно и полно хранилось апостольское преданіе. Что касается свидѣтельство Кипріана, то его можно толковать въ

---

[1]) Проф. *Ѳ. Курганов*ъ, „Свидѣтельствовалъ ли св. Ириней, еп. Ліонскій, о примативѣ и непогрѣшимомъ учительствѣ Римской Церкви, въ частности ея первосвященника?“, Казань 1898; *Сушков*ъ, Серг., „Противъ лжеученія о вселенскомъ главенствѣ Римской Церкви“, Петрогр. 1891, стр. 209 слл.; сравн. также *Puller* F. W., The primitive saints and the see of Rome, ed. 3—d, New-York and Bombay, 1900, стр. 19 слл. и 49 слл.

смыслѣ указанія на преимущественное положеніе *Римской Церкви въ ряду другихъ западныхъ Церквей*, какъ „церкви-матери“ и sedis apostolicae. Такимъ же положеніемъ пользовались Церкви Іерусалимская, Александрійская, Смирнская и др. въ отношеніи получившихъ отъ нихъ начало церквей. Для всѣхъ такихъ младшихъ церквей „церковь-мать“ была естественнымъ центромъ, около котораго онѣ объединялись. Всякій безпристрастный человѣкъ признаетъ, что эти толкованія гораздо болѣе естественны, чѣмъ толкованіе католическое. Если же въ Римской Церкви впослѣдствіи явились претензіи на болѣе широкое главенство и, что всего важнѣе, если эти претензіи находили себѣ признаніе, то основанія для этого были не церковныя и не религіозныя, а исключительно политическія. Какъ это ни непріятно признать римскимъ католикамъ, а идея римскаго главенства есть древне-римская идея, облеченная въ христіанскую форму. Своимъ значеніемъ римскіе епископы много обязаны древнему державному Риму. На нихъ палъ отблескъ его языческой славы и они пожали плоды побѣдъ его легіоновъ. Это—осязательный историческій фактъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ эти искусственныя толкованія свидѣтельствъ Свящ. Писанія и св. отцевъ, которымъ занимаются римско-католическіе богословы въ цѣляхъ доказать христіанское происхожденіе римскаго главенства, не что иное, какъ дѣтскій лепетъ, который долженъ немедленно умолкнуть предъ голосомъ серьезной исторической критики.

Старалсь отвести отъ себя упрекъ въ подчиненіи вліянію римскаго языческаго государства, нашъ критикъ предъявляетъ аналогичное обвиненіе православной Церкви, особенно Церкви Русской, говоря о ея зависимости отъ государственной власти и бросая ей излюбленный католиками упрекъ въ „цезаро-папизмѣ“ (стр. 16—17). На это мы отвѣтимъ, что то вліяніе свѣтской власти, какое имѣетъ мѣсто у насъ, не страшно для Церкви, не опасно для ея святой сущности. Во-первыхъ, государство, отъ котораго зависитъ наша Церковь, есть государство христіанское и христіанизированное, а во-вторыхъ, вліяніе этого государства остается чисто внѣшнимъ по отношенію къ Церкви: это есть внѣшнее давленіе, а не внутреннее проникновеніе. Напротивъ, у католиковъ государственный Левіаѳанъ вошелъ внутрь ихъ Церкви, совершивъ съ нею самою чудовищное превращеніе. Государ-

ственный свѣтскій духъ у католиковъ повредилъ самую внутренность ихъ Церкви, самую ея сущность.

Покончивъ съ вопросомъ о вліяніи древняго Рима, Mons. Marini обращается ко второй половинѣ разсматриваемой имъ фразы „Церк. Вѣстн.“: „...языческій духъ, выражающійся въ юридизмѣ, схематизмѣ и вообще подавленіи внутренняго внѣшнимъ“. Въ словахъ этихъ дается дальнѣйшее развитіе намѣченнаго выше взгляда. Раньше было сказано, что отсутствіе духа святости въ Римской Церкви объясняется вліяніемъ древне-римскихъ государственныхъ традицій. Теперь же опредѣленно указывается, въ чемъ это вліяніе проявилось: оно проявилось въ свойственныхъ Римской Церкви „юридизмѣ, схематизмѣ и подавленіи внутренняго внѣшнимъ“. Критикъ и здѣсь обнаруживаетъ свое обычное непониманіе словъ разсматриваемой имъ статьи. Такъ какъ слова „юридизмъ“ нашъ критикъ не признаетъ, то онъ прямо сосредоточиваетъ свое вниманіе на словѣ „схематизмъ“ и начинаетъ гадать, что оно означаетъ. Схематизмъ, иначе формализмъ, понятіе однородное съ понятіемъ юридизма, оставленнымъ критикомъ безъ разсмотрѣнія. Словомъ „схематизмъ“ имѣлось въ виду подчеркнуть свойственный римско-католической религіозной мысли формальный духъ, проявившійся во многихъ пунктахъ католической догматики. Но этомъ смыслъ, представляющій собою принципіальную критику римской религіозной системы, нашимъ критикомъ игнорируется и на этотъ разъ какъ будто bona fide. Иначе онъ едва ли написалъ бы такую неосторожную фразу: „Пусть авторъ укажетъ хоть одинъ законъ, хоть одно правило, одинъ членъ, вообще что-нибудь, даже самое незначительное, въ чемъ бы можно было видѣть этотъ языческій духъ“ (стр. 18). Почтенный критикъ какъ-будто и не подозрѣваетъ, что для его православнаго противника нѣтъ ничего легче, какъ принять этотъ вызовъ. А главенство папы, а юридическая теорія спасенія, а теорія сверхдолжныхъ дѣлъ—развѣ отъ всего этого не вѣетъ духомъ мертвящаго схематизма и формализма? Не подозрѣвая, что въ словѣ „схематизмъ“ заключается принципіальное обвиненіе по адресу Римской Церкви, нашъ критикъ толкуетъ его самымъ безобиднымъ образомъ, то какъ намекъ на какое-нибудь языческое празднество, преобразованное Римскою Церковію въ христіанскую церемонію (стр. 18), то какъ указаніе на помпу и пышность

папскаго богослуженія (тамъ же), то, наконецъ, какъ указаніе на народные религіозные обычаи (18—19). Толкуя подобнымъ образомъ указанное выраженіе, почтенный прелатъ, разумѣется, торжествуетъ легкую побѣду надъ своимъ противникомъ.

Наконецъ, Mons. Marini обращается къ разбору послѣднихъ словъ фразы статьи „Церк. Вѣстн.“: „...подавленіи внутренняго внѣшнимъ“. Нужно отдать справедливость нашему критику,—здѣсь онъ оказывается болѣе догадливымъ и, толкуя эти слова, ближе подходитъ къ тому, что именно хотѣлъ сказать авторъ статьи „Церк. Вѣстн.“, хотя всеже не можетъ схватить его мысль во всей ея принципіальной чистотѣ. Стараясь угадать, что именно разумѣлъ авторъ статьи „Церк. Вѣстн.“, говоря, въ примѣненіи къ Римской Церкви, о подавленіи внутренняго внѣшнимъ, почтенный критикъ предполагаетъ, что это—„святая инквизиція“, „отлученія“ и наконецъ, догматъ „папской непогрѣшимости“ (стр. 20). Да, конечно: и инквизиція и отлученія, въ ихъ римскомъ пониманіи и примѣненіи, и папская непогрѣшимость—все это сюда подходитъ, но не это только. Словами „подавленіе внутренняго внѣшнимъ“ авторъ статьи „Церк. Вѣстн.“ не даетъ какой-либо новой мысли, а только конкретнѣе опредѣляетъ ранѣе сдѣланную характеристику Римской Церкви. Подъ этими словами разумѣется тоже, что и подъ словами: „юридизмъ“, „схематизмъ“. Все это однородныя и тожественныя по содержанію понятія, отмѣчающія πρῶτον ψεῦδος католицизма, источникъ всѣхъ его недостатковъ.

Въ этой части статьи Mons. Marini заслуживаетъ вниманія то, какъ имъ защищается догматъ папской непогрѣшимости. Эта защита вмѣсто того, чтобы опровергнуть основную мысль „Церк. Вѣстн.“, напротивъ, представляетъ къ ней наилучшую иллюстрацію. Поэтому мы цѣликомъ выписываемъ это мѣсто изъ статьи нашего уважаемаго критика:

„Утверждать, что высшая власть можетъ быть критикуема подданными, допускаться или отрицаться, признаваться или не признаваться по произволу ими...—составляетъ, разсуждая философски, противорѣчіе, извращающее самое понятіе общества, которое для своей жизни и сохраненія требуетъ, чтобы его правительству принадлежала высшая власть, коей всѣ члены этого общества должны и обязаны подчиняться и повиноваться въ интересахъ общаго блага (il bene pubblico). За

этой высшей властью должна быть признана нѣкоторая непогрѣшимость, ибо внутренняя природа всякой власти, которая устанавливается среди людей, въ качествѣ *высшей* [1]), т. е., какъ говорятъ юристы, *послѣдней инстанціи* [2]), въ отношеніи примѣненія закона необходимо требуетъ, чтобы она была *непогрѣшима* [3]). И въ самомъ дѣлѣ, если бы этого не было въ гражданскомъ порядкѣ, т. е. если бы *послѣднее* [4]) рѣшеніе власти *высшей* [5]), кому бы она ни принадлежала, могло или должно было подлежать исправленію, а не считалось бы непогрѣшимымъ, общество распалось бы. Какъ всякій видитъ, авторъ не можетъ обратиться къ высшей власти въ гражданскомъ обществѣ съ суровымъ упрекомъ, съ которымъ онъ обращается къ Римской Церкви,—упрекомъ въ „подавленіи внутренняго внѣшнимъ“. Если бы онъ это сдѣлалъ, его можно бы было съ достаточнымъ основаніемъ признать неспособнымъ трактовать юридическіе предметы“ (стр. 23). Въ этой цитатѣ все великолѣпно: и открытое, сознательное перенесеніе на Церковь юридическихъ понятій, и упрекъ въ неспособности разсуждать объ юридическихъ предметахъ. Mons. Marini какъ бы признаетъ, что для того, чтобы вѣрно судить о религіи и Церкви, нужно непремѣнно быть юристомъ! Не есть ли это новое подтвержденіе мысли православныхъ богослововъ объ юридизмѣ, какъ основной чертѣ римско-католическаго исповѣданія?

Впрочемъ, какъ ни пропитанъ умъ нашего критика свойственнымъ его исповѣданію юридизмомъ, однако мысль о незаконности и неестественности перенесенія юридическихъ понятій въ религіозную область и ему приходитъ въ голову. „Но авторъ, можетъ быть, возразитъ, пишетъ онъ,—что приведенный аргументъ, употребленный для доказательства непогрѣшимаго (т. е. безаппелляціоннаго) послѣдняго рѣшенія всякой высшей гражданской власти, не имѣетъ одинаковаго значенія для рѣшеній Римской Церкви по предметамъ религіознымъ“ (стр. 23). Однако, эту мысль нашъ критикъ считаетъ за несостоятельное возраженіе, хотя то, что онъ приводитъ въ доказательство этого, производитъ странное впечатлѣніе и показываетъ, что противъ приведеннаго имъ самимъ возраженія ему, собственно, нечего сказать. „Разъ

---

[1]) Курсивъ Mons. Marini. [2]) Тоже. [3]) Тоже.
[4]) Тоже. [5]) Тоже.

авторъ, пишетъ нашъ критикъ, примѣняетъ къ Римской Церкви мѣрку человѣческаго учрежденія, утверждая, что она восприняла или скопировала свое управленіе съ управленія языческаго Рима, то онъ не имѣетъ права упрекать ее еще въ томъ, что она въ своей формѣ управленія подавляетъ внутреннее внѣшнимъ" (стр. 23). Это соображеніе по истинѣ удивительно. Впрочемъ, и самъ Mons. Marini сознаетъ его слабость и называетъ его argumentum ad hominem (стр. 24). Но мы ему должны замѣтить, что и въ качествѣ argumentum ad hominem это соображеніе никуда не годится. Конечно, авторъ статьи „Церк. Вѣстн." выставилъ въ качествѣ главнаго обвиненія противъ Римской Церкви, что она въ своей организаціи подчинилась вліянію древне-римскихъ государственныхъ традицій. Но почему же авторъ не могъ подробно отмѣтить и тѣхъ послѣдствій, которыя изъ этого основного обвиненія вытекаютъ, а слѣдовательно, и догмата папской непогрѣшимости и вообще „подавленія внутренняго внѣшнимъ"?

Въ концѣ статьи „Церк. Вѣстн." высказывалось предположеніе, что то перерожденіе Римской Церкви, которое необходимо для возстановленія утраченнаго церковнаго единства, совершится чрезъ посредство русско-польскаго примиренія и на его основѣ. Въ качествѣ основанія для такой вѣры въ статьѣ была сдѣлана ссылка на маріавитское движеніе, близость котораго къ православію извѣстна. Почтеннаго критика эта ссылка страшно раздражила, раздражила, кажется, даже болѣе, чѣмъ указаніе на языческій духъ въ Римской Церкви. Очевидно, своимъ упоминаніемъ о маріавитахъ авторъ статьи „Церк. Вѣстн." коснулся свѣжей раны въ сердцѣ правовѣрнаго католика. „Маріавитство.., восклицаетъ онъ въ негодованіи, распространившись въ католической Польшѣ, послужитъ къ возрожденію и очищенію Римской Церкви, лишенной духа благочестія, и такимъ образомъ сдѣлаетъ ее достойной вступить въ единеніе съ другими Церквами!. Возможно ли, спросимъ мы, чтобы авторъ написалъ это съ подлиннымъ убѣжденіемъ"? (стр. 25). А почему же нѣтъ? отвѣтимъ мы. Если критикъ имѣетъ свою точку зрѣнія—католическую, то почему же автору „Церк. Вѣстн." не имѣть свою—православную и держаться ея съ полною искренностью? Для Mons. Marini маріавитство ненавистная секта, а для автора „Церк. Вѣстн." отрадное явле-

ніе въ нѣдрахъ католицизма, явленіе, съ которымъ позволительно связывать нѣкоторыя благопріятныя для православныхъ идеаловъ надежды. Что маріавитство близко къ православію, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ самъ Mons. Marini. Обращаясь уже не къ автору „Церк. Вѣстн.“, „просвѣщать“ котораго онъ считаетъ безполезнымъ, а къ своимъ католическимъ читателямъ, онъ старается убѣдить ихъ, что маріавитство зловреднѣйшая секта. Но въ дѣйствительности доказываетъ то, что это—реформаторское движеніе въ римско-католической Церкви, сдѣлавшее смѣлую попытку освободить ее отъ ея вѣковыхъ заблужденій. Что это такъ, въ томъ насъ достаточно убѣждаютъ слѣдующія свѣдѣнія о маріавитахъ, приводимыя почтеннымъ прелатомъ изъ Civiltà Cattolica: „Что касается вѣрованій, то маріавитство говоритъ уже языкомъ наиболѣе фанатичныхъ приверженцевъ схизмы и рабски пользуется ихъ выраженіями. Въ вышеупомянутомъ календарѣ Церковь Іисуса Христа опредѣляется, какъ общество вѣрныхъ, вѣрующихъ во Христа и признающихъ Христа своимъ высшимъ Пастыремъ. Замѣчанія, поясняющія это опредѣленіе, заслуживаютъ быть приведены буквально: „Римская Церковь извратила и затемнила истину. Римскіе папы присвоили себѣ престолъ Іисуса Христа и провозгласили себя главами Церкви. Подъ ихъ вліяніемъ выработалась совокупность ученій, по смыслу которыхъ папѣ, а не Христу принадлежитъ дѣло управленія Церковію. Римская іерархія сдѣлалась такимъ образомъ соблазномъ для міра. Іисусъ Христосъ былъ изгнанъ изъ жизни человѣчества; и это Его удаленіе весьма сильно содѣйствовало развращенію народовъ. Религія превратилась въ политическую систему; нравственность—во внѣшнюю формулу; Церковь—въ мірское царство“. Эти нападки даютъ основаніе предвидѣть, что въ отношеніи ученія маріавитство будетъ поглощено православіемъ“ (стр. 27). Такимъ образомъ, по приводимому самимъ Mons. Marini отзыву, маріавиты осуждаютъ въ Римской Церкви то же, что и православные. Какъ же, послѣ того, православнымъ не симпатизировать маріавитамъ, какъ имъ не привѣтствовать маріавитство, какъ отрадное явленіе въ нѣдрахъ Римско-католической Церкви? Пусть маріавитству не суждено развиться и окрѣпнуть, пусть оно даже совсѣмъ угаснетъ,—все равно: въ немъ мы имѣемъ показатель, что религіозное сознаніе въ Римской Церкви пробуждается и начинаетъ критически

относиться къ сложившимся въ ней порядкамъ. Это пробужденіе находится въ связи съ настоящимъ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ человѣчества, при которомъ оно не можетъ мириться съ проникнутымъ средневѣковою грубостію міровоззрѣніемъ Римской Церкви. Послѣднее медленно, но вѣрно разрушается, и полная его ликвидація составляетъ только вопросъ времени [1]).

В. Бѣляевъ.

---

[1]) Срвн. *George Tyrrel*, Medievalisme, 3—d impr. 1909, стр. 171.

Миссіонерская дѣятельность С.-Петербургскаго митрополита Григорія (Постникова) *).

Миссіонерскій принципъ. Дѣятельность въ Калугѣ, въ Рязани: обличеніе раскольниковъ; въ Твери: собесѣдованія съ раскольниками и наставленія духовенству; въ Казани: противотатарская миссія, инородцы, расколъ, бесѣды съ духовенствомъ. Миссіонерскія отдѣленія въ высшихъ и среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Противораскольническіе курсы для священниковъ. Дѣятельность въ С.-Петербургѣ: инструкція священно-церковно-служителямъ, новая форма отчетной вѣдомости о раскольникахъ. курсы изъ четырехъ, миссіонерскій институтъ. Переводъ церковно-богослужебныхъ книгъ на финскій языкъ.

Если митрополитъ Григорій не былъ мастеромъ слова, то это еще нисколько не характеризуетъ его дѣла. Въ отношеніи дѣла преосвященнаго Григорія нельзя упрекнуть не только въ отсутствіи энергіи, но и въ отсутствіи таланта управлять, наставлять, просвѣщать и т. д. Примѣрное состояніе епархій, имъ управляемыхъ, наилучшимъ образомъ иллюстрируетъ его архипастырскую дѣятельность [1]). Если митрополитъ Григорій совсѣмъ неизвѣстенъ теперь, какъ проповѣдникъ, то его миссіонерская дѣятельность, на которой онъ спеціализировался чуть ли не съ 1826 г. и которая достигла своего апогея въ первой половинѣ 50-хъ годовъ XIX столѣтія, покрыла имя Григорія неувядаемой славой неутомимаго миссіонера и ученѣйшаго расколовѣда. Его „Истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь“ въ свое время была энциклопедіей раскольническихъ вопросовъ, всѣмъ необходимою и вездѣ

*) Окончаніе. См. сентябрь.

[1]) См. А. С. С. 1839 г. № 267; 1849 г. № 503; 1852 г. № 802; 1856 г. № 1648; 1859 г. № 29.

извѣстною. Архипастырь-миссіонеръ никогда не разставался съ высокою мечтою объ универсальномъ христіанствѣ, въ которомъ бы объединились всѣ люди. „Ахъ, если бы всѣ люди узнали, какъ благъ Ты, Господи!“—восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій митрополитъ-идеалистъ [1]). Митрополитъ Григорій миссіонерствовалъ самъ и побуждалъ къ дѣлу миссіонерства другихъ, обезпечивая дѣла миссіи денежными вкладами и рекомендуя наилучшія средства къ успѣшному веденію этого апостольскаго дѣла.

Миссіонерскимъ принципомъ преосвященнаго Григорія былъ самый гуманнный—просвѣщеніе раскольниковъ въ духѣ мира и любви на основаніи ихъ собственной и ими уважаемой старой русской письменности. Этотъ принципъ преосвященный Григорій проводилъ въ своихъ административныхъ распоряженіяхъ по епархіи, высказывалъ его въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ. Еще въ Калугѣ, по поводу совращенія православныхъ дѣтей въ расколъ черезъ перекрещиваніе, Григорій предписалъ духовенству (9 ноября 1827 г.), „дабы оно, пользуясь словомъ Божіимъ, правилами св. отецъ и написаннымъ противъ перекрещенцевъ въ книгѣ—Способъ состязаться съ раскольниками—равно и совѣтами сосѣдственныхъ опытнѣйшихъ священниковъ, старались вразумить и расположить родителей означенныхъ дѣтей, дабы они привели ихъ въ православную церковь“ [2]). Въ бесѣдахъ съ духовенствомъ Казанской епархіи онъ рекомендуетъ дѣйствовать миролюбиво [3]), бесѣдовать добродушно [4]) и употреблять доказательства изъ уважаемыхъ раскольниками книгъ, какія у нихъ есть въ собственности и къ какимъ они наиболѣе привыкли [5]). „Берегитесь сказать одно слово, могущее огорчить вразумляемыхъ вами; иначе вы будете дѣйствовать противъ своей цѣли, потому что огорченный не способенъ къ вразумленію и наученію“ [6]). То же самое онъ рекомендуетъ въ „Истинно-древней и истинно-православной Христовой Церкви“, когда, между прочимъ, говоритъ о томъ, что миръ полезнѣе всего, а разногласіе вреднѣе всего [7]), и когда отсылаетъ миссіонеровъ къ „сочиненіямъ, составленнымъ цер-

---

[1]) „День святой жизни», стр. 144.
[2]) А. С. С. 1828 г. № 209, л. 3.
[3]) «Бесѣды съ духовенствомъ Казанской епархіи», стр. 29, 38 и др.
[4]) Ibid. стр. 35. [5]) Ibid., стр. 31, 32. 33, 39 и др.
[6]) Ibid. стр. 34. [7]) „Истинно-древняя Церковь», стр. 1.

ковными учителями, жившими въ русской церкви со времени всероссійскаго митрополита Макарія до времени святѣйшаго патріарха Никона, и всѣми отступниками отъ вѣры преимущественно уважаемыхъ",—и къ „сочиненіямъ, писаннымъ такъ называемыми старообрядческими учителями и защитниками старообрядчества по низложеніи патріарха Никона" [1]). Наконецъ, въ письмѣ къ священнику Виноградову Н. С. (Тверской епархіи), онъ пишетъ: „дѣлайте ваше дѣло спокойно. Ежели раскольники хотятъ провѣрять васъ по книгамъ, это для васъ очень хорошо и хорошо для нихъ... Посылаю къ вамъ новое изданіе старой моей книги. Въ ней не мало сказано вновь, и многое сказано опредѣленнѣе. Руководствуетесь наипаче ею" [2]).

Мы уже говорили, что Калужская епархія представляла вполнѣ благопріятныя условія для того, чтобы расколъ въ ней укрѣплялся, а число раскольниковъ увеличивалось. Мы уже отмѣтили, что недостатокъ въ средѣ духовенства просвѣщенныхъ людей открывалъ полный просторъ для широкихъ операцій раскольническихъ вождей. Если къ этому прибавить еще ту энергію и безцеремонность, съ какою дѣйствовали эти вожди, пользуясь явнымъ покровительствомъ расколу правительства императора Александра I-го [3]), то станетъ вполнѣ понятнымъ и фактически содержательнымъ наименованіе преосвященнымъ Григоріемъ Калужской епархіи „раскольническою" [4]). Такое состояніе Калужской епархіи побуждало молодого епископа Григорія, горѣвшаго ревностью о чистотѣ и цѣлости православной церкви, приняться прямо за дѣло. 21 февраля 1826 г. преосвященный Григорій прибылъ въ Калугу [5]), и уже 7-го марта въ проповѣди на недѣлю православія онъ намѣтилъ программу своей противораскольнической дѣятельности. Сущность этой программы сводится къ тому, чтобы просвѣтить всѣхъ свѣтомъ евангельской истины, чтобы открыть глаза на заблужденія рас-

---

[1]) Ibid. стр. 10—11.

[2]) Архивъ Спб. Духовной Академіи. Матеріалы Виноградова, ч. 1-я 9 апрѣля 1856 г.

[3]) Проф. П. С. Смирновъ «Исторія русскаго раскола старообрядчества». Спб. 1895 г., стр. 197, 217—224.

[4]) И. Тихомировъ. „Расколъ въ предѣлахъ Калужской епархіи". Калуга. 1900 г., стр. 85.

[5]) А. С. С. 1825 г. № 83, л. 21.

кола и на правоту православія и всѣхъ, такимъ образомъ, соединить въ святой, единой, возлюбленной Богомъ, православной церкви [1]). Въ частности, Григорій намѣтилъ два пункта для достиженія цѣлей своей программы: укрѣпленіе въ вѣрѣ православныхъ и обращеніе раскольниковъ въ православіе [2]). По тону этой проповѣди Григорій является рѣзкимъ обличителемъ раскола, каковымъ онъ изрѣдка обнаруживалъ себя и послѣ, напр. въ Рязани [3]). Между прочимъ, эта програмная проповѣдь преосвященнаго Григорія замѣчательна тѣмъ, что въ ней нельзя не усмотрѣть впервые намѣченной основной мысли важнѣйшаго сочиненія Григорія „Истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь“ [4]).

Намѣтивъ, такимъ образомъ, программу, Григорій самъ прежде другихъ приступилъ къ ея осуществленію, первымъ факторомъ котораго была проповѣдь. Григорій никогда не опускалъ удобнаго случая, чтобы не сказать паствѣ нужнаго назиданія или не обличить жизнь старообрядцевъ, несоотвѣтствующую ихъ фарисейской похвальбѣ старою вѣрою. Неизвѣстно, почему эти проповѣди не вошли въ сборники его проповѣдей и не сохранились до нашего времени хотя бы въ рукописяхъ. Проповѣдуя непрестанно, Григорій понималъ, что одному ему не справиться съ сильнымъ и давнишнимъ недугомъ епархіи—расколомъ, что здѣсь требуется нѣчто большее, чѣмъ дѣятельность одного лица; онъ хотѣлъ, чтобы православные, особенно духовенство, не только словомъ, но и своею жизнью доказывали то, что православіе—единая истинная церковь. Поэтому отъ духовенства онъ не только требовалъ постоянной проповѣди [5]), организовавъ ее самымъ строгимъ образомъ, но и заботился о поднятіи образа жизни духовенства. „И слово Божіе, писалъ Григорій: и св. церковь... отъ всякаго священника требуютъ..., чтобы онъ былъ не только не пороченъ въ своемъ поведеніи и ничѣмъ не

---

[1]) Іером. Леонидъ. „Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней Калужской епархіи“. Калуга. 1876 г., стр. 300.

[2]) Ibid. стр. 296—300.

[3]) М. Шавровъ „Преосвящ. Григорій, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій“. Церк. Лѣтоп. 1860 г. Іюль, стр. 360.

[4]) „Истино-древняя церковь“, стр. 294—295.

[5]) И. Тихомировъ. „Расколъ въ предѣлахъ Калужской епархіи“, Калуга. 1900 г. стр. 96: Указъ Калужской Духовной Консисторіи въ Боровское Духовное Правленіе“. 13 дек. 1826 г.

подавалъ соблазна, но и былъ примѣромъ для другихъ въ жизни истинно-христіанской, святой, небесной, достойной служителя Господа Бога, примѣромъ такой жизни, потому что къ препровожденію святой жизни обязаны и всѣ христіане безъ исключенія" [1]). Образованіе Григорій считалъ необходимымъ для духовенства, оставляя безъ вниманія просьбы тѣхъ, кои истины, нужныя для священства, знали плохо и къ чтенію поученій способны были весьма мало [2]). Онъ установилъ строгій надзоръ за неисправными священниками, поручивъ благочиннымъ побуждать ихъ къ изученію всего необходимаго по должности и званію. Наиболѣе невѣжественныхъ онъ лишалъ мѣста [3]).

Такимъ образомъ, первою заботою Григорія было укрѣпленіе православныхъ въ вѣрѣ христіанской и доброй жизни. Но это была незначительная часть дѣла; это было пассивное миссіонерство, которое разсчитывало на то, что примѣры доброй жизни поучительны сами по себѣ. Сепаратизмъ, къ которому такъ склонны раскольники, de facto сводилъ это миссіонерство къ нулю; получалась единственная и очень проблемматичная выгода избѣжать упрековъ отъ раскольниковъ. Поэтому преосвященный Григорій наряду съ примѣрною жизнью поставилъ священникамъ въ обязанность самое обращеніе раскольниковъ. Для этого ревностный архипастырь распорядился выписать въ приходы, наиболѣе зараженные расколомъ, „Наставленія правильно состязаться съ раскольниками" [4]). Григорій совѣтывалъ вести дѣло въ миролюбивомъ духѣ этой книги, а въ нужныхъ случаяхъ давалъ собственныя указанія. Обычно онъ рекомендовалъ: сначала на мѣстѣ хорошо узнать сущность раскольническаго толка, а потомъ уже открывать самыя дѣйствія противъ него [5]). Для лучшей организаціи противораскольнической миссіи преосвященный Григорій назначилъ благочиннымъ единовѣрческихъ церквей и увѣщателемъ раскольниковъ

---

[1]) „Бесѣды съ духов. Казанской епархіи". стр. 64—65.

[2]) Миссіонерское Обозрѣніе. 1910 г. № 7—8, стр. 1250.

[3]) Ibid. стр. 1250.

[4]) См. у Тихомірова. „Расколъ въ предѣлахъ Калужск. епарх." стр. 90: Арх. Кал. Дух. Конс. Докл. реестръ 1827 г. Проф. П. С. Смирновъ. „Исторія русск. раскола" стр. 202.

[5]) А. С. С. 1828 г. № 209.

опытнаго о. протоіерея, профессора духовной семинаріи П. С. Алексинскаго [1]).

Распоряженія и дѣйствія преосвященнаго Григорія не замедлили принести благіе плоды. Григорій пресѣкъ своевольство раскольниковъ [2]), утвердилъ единовѣріе [3]) и значительно сократилъ самое число раскольниковъ. За послѣднее краснорѣчиво говорятъ статистическія данныя, приведенныя г. Тихомировыхъ, по которымъ въ 1826 г. всѣхъ раскольниковъ въ Калужской епархіи было 23,665 душъ обоего пола, а уже въ 1827 г.—21,815 душъ [4]). Конечно, въ одинъ годъ не могло обратиться въ православіе до двухъ тысячъ раскольниковъ, да и документовъ на это никакихъ не имѣется, но хорошо уже и то, что раскольники стали осторожнѣе, что они не только не дѣйствовали теперь открыто, но сами скрывались или выѣзжали изъ предѣловъ Калужской епархіи.

Однако, скоро и самъ Григорій долженъ былъ оставить Калугу за переводомъ архіепископомъ въ Рязань (1828 г.). Рязанская епархія, много меньше зараженная расколомъ, не побуждала Григорія на новыя мѣры противъ него. Извѣстно лишь то, что въ Рязани преосвященный Григорій еще строже сталъ относиться къ проступкамъ духовенства, очевидно, желая выставить его какъ силу, сдерживающую расколъ и укрѣпляющую православныхъ [5]).

Малодѣятельная жизнь въ Рязани была не въ духѣ Григорія. Это скоро было замѣчено высшею властью, и въ 1831 г. Григорій былъ переведенъ въ Тверь. Мѣсто новаго и продолжительнаго служенія преосвященнаго Григорія было сильно заражено расколомъ. Тверскіе раскольники произносили дерзкія хулы на православную церковь [6]), называли ее разными непотребными словами [7]), клеветали на ея служителей [8]), явно отправляли богослуженія и требы [9]), распускали ложные слухи въ пользу раскола [10]), устраивали моленныя и ча-

---

[1]) Іером. Леонидъ „Исторія церкви въ пред. нын. Кал. епарх.“, стр. 204; Мис. Обозр. 1910 г. № 7—8; стр. 1250.

[2]) Іером. Леонидъ „Исторія церкви въ пред. нын. Кал. еп.“, стр. 204.

[3]) Ibid., стр. 204; проф. П. С. Смирновъ „Исторія русск. раск.“ стр. 207, 215; „Мисс. Обозр.“ 1910 г. № 7—8; стр. 1251.

[4]) Тихомировъ. „Расколъ въ пред. Кал. епарх.“, стр. 50—51.

[5]) „Мисс. Обозр.“ 1910 г. № 7—8, стр. 1251.

[6]) А. С. С. 1836 г. № 832. [7]) А. С. С. 1836 г. №№ 305, 306.

[8]) А. С. С. 1834 г. № 661. [9]) А. С. С. 1836 г. №№ 125, 306.

[10]) А, С. С. 1836 г. №№ 305, 306; 1844 г. № 1756.

совни [1]), обольщали православныхъ разными обѣщаніями, зазывали ихъ въ свои моленныя и проповѣдывали свое лжеученіе въ православныхъ домахъ [2]). Особенно много вредили православнымъ раскольническіе наставники и лжеиноки, соблазняя ихъ своимъ открытымъ вызывающимъ образомъ жизни и дѣятельности [3]). Столкнувшись съ такими явленіями въ новой епархіи, уже испытанный миссіонеръ, преосвященный Григорій повелъ энергичную борьбу съ расколомъ, въ крайнихъ случаяхъ обращаясь за содѣйствіемъ къ гражданской власти. Руководствуясь указаніями Григорія, эта послѣдняя закрывала часовни и моленныя [4]), иногда разрушала ихъ до основанія [5]) и налагала судебную кару на раскольниковъ [6]). Но скоро Григорій понялъ, что гражданская власть не оказываетъ ему никакой помощи, такъ какъ раскольники обманами и подкупами почти всегда избѣгали должнаго наказанія. Поэтому онъ рѣшилъ дѣйствовать исключительно мѣрами духовнаго убѣжденія, добраго христіанскаго примѣра и пастырскаго наставленія [7]). Для этого Григорію необходимо было войти въ ближайшее общеніе съ раскольниками. Посѣщая свою епархію изъ С.-Петербурга, Григорій объѣзжалъ всѣ уѣзды ея. Особенное вниманіе онъ удѣлялъ раскольническимъ центрамъ и духовенству, бесѣдуя съ послѣднимъ о нуждахъ пастыря [8]). Нерѣдко онъ самъ заходилъ въ раскольническіе скиты и часовни и продолжительно бесѣдовалъ съ „начетчиками книжными“ [9]). Эти бесѣды сдѣлали преосвященнаго Григорія сильнымъ въ состязаніи съ раскольниками и пріучили къ простому способу выраженія мыслей [10]). Раскольники даже полюбили этого „большого попа“ и съ

---

[1]) А. С. С. 1835 г. № 793; 1836 г. №№ 125, 306.

[2]) А. С. С. 1836 г. №№ 305, 306, 125.

[3]) А. С. С. 1836 г. № 125, 306.

[4]) А. С. С. 1835 г. №№ 810, 984; 1836 г. № 125; 1838 г. №№ 705, 1501.

[5]) А. С. С. 1835 г. № 793.

[6]) А. С. С. 1836 г. №№ 125, 305, 366; 1838 г. №№ 192, 705; 1839 г. №№ 27, 474.

[7]) „Мисс. Обозр.“ 1910 г. № 7—8; стр. 1271.

[8]) Чередѣевъ, прот. „Біографіи Тверскихъ іерарховъ“... Тверь, 1859 г. стр. 176.

[9]) Шавровъ, „Преосв. Григорій. митр. Новгор. и Спб.“ „Церк. Лѣтоп.“ 1860 г. Іюль, стр. 362.

[10]) „Историко-стат. свѣдѣнія о Спб. епархіи“, стр. 65; „Мисс. Обозр.“ 1910 г. №№ 7—8, стр. 1252.

сожалѣніемъ разставались съ нимъ, когда Григорій былъ переведенъ въ Казань [1]). Въ этой симпатіи раскольниковъ къ Григорію, а равно и въ самомъ миссіонерскомъ успѣхѣ его въ Твери важную роль сыграла личность преосвященнаго миссіонера. „Его строгость къ себѣ, простирающаяся до аскетизма; всегда спокойно-величавый видъ, его уваженіе къ обряду и церковности,—все это возбуждало къ нему невольное уваженіе раскольниковъ“ [2]). Въ свою очередь, Григорій платилъ имъ взаимностью. Въ проповѣди, сказанной при открытіи мощей свят. Митрофана, епископа Воронежскаго, Григорій назвалъ раскольниковъ „бѣдными братьями“ [3]). Къ просвѣщенію этихъ „бѣдныхъ братьевъ“ преосвященный Григорій привлекалъ все свое духовенство. Онъ обратилъ вниманіе на то, чтобы въ раскольническихъ приходахъ были опытные пастыри [4]) и чтобы между приходомъ и священникомъ была тѣсная и живая связь [5]). Священникамъ онъ дѣлалъ частыя наставленія [6]), а для объединенія ихъ съ прихожанами практиковалъ „заручное одобреніе“ [7]) и заботился объ улучшеніи церковно-школьнаго дѣла [8]). „Заручнымъ одобреніемъ“ преосвященный Григорій какъ бы хотѣлъ возстановить старое „выборное начало“, а улучшеніемъ школьнаго дѣла—съ дѣтства утвердить будущихъ прихожанъ въ истинахъ православной церкви и пріучить къ доброй христіанской жизни. Для этой послѣдней цѣли Григорій издалъ и циркулярно объявилъ духовенству Тверской епархіи „Наставленіе Законоучителю“ [9]).

Изъ своей миссіонерской практики преосвященный Григорій убѣдился, что противораскольническая миссія только тогда приноситъ пользу, когда миссіонеръ вооруженъ уважаемыми раскольниками книгами [10]). Это зародило у Григо-

---

[1]) Шавровъ. „Преосвящ. Григорій, м. Новгор. и Спб.“ „Церк. Лѣтоп.“ 1860 г. Іюль, стр. 363.

[2]) Ibid. стр. 363; „Мис. Обозр.“ 1910 г. №№ 7—8, стр. 1251.

[3]) „Слова и бесѣды“ Спб. 1850 г. 1-й годъ, т. Щ, стр. 362.

[4]) Шавровъ. „Церк. Лѣтоп.“ 1860 г. Іюль, стр. 363.

[5]) „Мисс. Обозр.“ 1910 г. №№ 7—8, стр. 1252.

[6]) А. С. С. 1844 г. № 1756; Шавровъ. „Церк. Лѣтоп.“ 1860 г. Іюль, стр. 363.

[7]) „Историко-стат. свѣд. о Спб. епарх.“, стр. 65; „Мисс. Обозр.“ 1910 г. №№ 7—8, стр. 1252.

[8]) Ibid. стр. 1252.

[9]) „Тверскія Епарх. Вѣдомости“. 1847 г. стр. 363.

[10]) А. С. С. 1844 г. № 801.

рія мысль завести въ Твери епархіальную противо-раскольническую библіотеку. Сначала Григорій самъ различными способами пріобрѣталъ нужныя книги [1]), а потомъ предложилъ Синоду (18 мая 1844 г.) вмѣсто того, чтобы отсылать отбираемыя у раскольниковъ книги въ Синодъ или въ Московскую синодальную контору,—оставлять ихъ при епископскихъ каѳедрахъ, чтобы книги были въ раскольническихъ мѣстахъ и были всегда доступны мѣстному духовенству. Синодъ одобрилъ (28 іюня т. г.) этотъ проэктъ, и, такимъ образомъ, въ Твери скоро образовалась приличная противораскольническая библіотека [2]). И послѣ этого Григорій не переставалъ въ нужныхъ случаяхъ дѣлиться съ духовенствомъ своей епархіи книгами изъ собственной библіотеки.

Единовѣріе также было одною изъ миссіонерскихъ заботъ преосвященнаго Григорія въ Твери. При помощи единовѣрія Григорію удалось значительно уменьшить силу раскола въ такомъ важномъ его центрѣ, какъ г. Ржевъ. Введеніе здѣсь единовѣрія и устройство единовѣрческой церкви (на Князь-Ѳедоровской сторонѣ, въ 1843 г.) было однимъ изъ труднѣйшихъ дѣлъ преосвященнаго Григорія; оно доставило ему не одинъ годъ (дѣло было начато въ 1840 г.) мучительныхъ тревогъ, безпокойствъ и огорченій, хотя подъ конецъ подарило его нѣсколькими минутами самой святой, самой тихой пастырской радости. За различными проволочками дѣло тянулось болѣе трехъ лѣтъ (2 дек. 1840 г.—11 дек. 1843 г.). Преосвященный Григорій самъ совершилъ освященіе новой единовѣрческой церкви въ сослуженіи четырехъ единовѣрческихъ священниковъ по чину, напечатанному при патріархѣ Филаретѣ (1625 г.). Сейчасъ же по открытіи новой церкви въ составѣ ея прихода насчитывалось 139 душъ мужескаго пола и 129—женскаго [3]).

Такимъ образомъ, вполнѣ справедливо говоритъ первый біографъ преосвященнаго Григорія, что въ бытность его въ Твери „многіе скиты и часовни сами собою падали и уничтожались, раскольники переходили или въ единовѣріе или въ православіе, а у тѣхъ, которые оставались въ расколѣ, ослабѣла вражда къ православной церкви“ [4]).

---

[1]) А. С. С. 1844 г. № 1756; „Мисс. Обозр. 1910 г. № 7—8; стр. 1253.

[2]) А. С. С. 1844 г. № 801. [3]) А. С. С. 1840 г. № 1712.

[4]) Шавровъ. „Церк. Лѣтоп.“ 1860 г. Іюль, стр. 362—363; „Историко-стат. свѣд. о Спб. епархіи“, стр. 65.

Борьбою съ расколомъ не исчерпывается миссіонерская дѣятельность преосвященнаго Григорія въ Твери. Здѣсь ему пришлось имѣть дѣло еще съ изувѣрскою сектою скопцовъ. 23-го февраля 1838 г. Григорій рапортовалъ Синоду, что „въ его епархіи лѣтъ 10—15 назадъ завелась секта скопцовъ, которые ведутъ постную жизнь, удаляются хмѣльнаго, гнушаются правовѣрными, какъ нечистыми, лицемъ блѣдны, глазами мутны, удаляются отъ цѣлованія съ людьми, не имѣютъ законнаго совокупленія и считаютъ его смертнымъ грѣхомъ; иные примѣтно уже скопились, а иные еще такъ участвуютъ въ ночныхъ собраніяхъ и кружатся до безпамятства съ пѣніемъ; особенный кто-то пророкъ, который возбуждаетъ ихъ къ круженію, призываетъ своего какого то живого Бога, выдавая себя слышащимъ его голосъ и предсказываетъ нѣкоторыя вещи, которыя изъ нихъ никто объявить не можетъ, даетъ имъ къ чему-то особенному, держа у себя на груди, прикладываться и заставляетъ по временамъ топать ногами“ [1]). Въ этомъ рапортѣ преосвященный Григорій зарегистровалъ 114 душъ скопцовъ обоего пола, и 13 душъ обоего пола объявлено въ подозрѣніи [2]). Противъ скопцовъ Григорій употреблялъ двоякое средство. Во 1-хъ, онъ предписывалъ священникамъ, чтобы „они неопустительно увѣщали совратившихся, дабы они раскаялись въ своемъ заблужденіи и обратились всѣмъ сердцемъ къ правиламъ и средствамъ, предполагаемымъ ко спасенію въ православной церкви“ [3]), во 2-хъ, онъ обращался къ содѣйствію гражданской власти и просилъ ее „учинить законное изслѣдованіе.., и съ виновными, ежели окажутся и тутъ же не обратятся, поступаютъ по законамъ“ [4]). Результаты борьбы Григорія со скопчествомъ приведены въ рапортѣ его Синоду отъ 8 іюля 1839 г. 8 человѣкъ мужчинъ были приговорены къ отдачѣ въ солдаты въ Кавказскій корпусъ съ замѣною, въ случаѣ непригодности ихъ къ военной службѣ, выселеніемъ въ Кавказскія провинціи; двое мальчиковъ предназначались въ тотъ же Кавказскій корпусъ въ барабанщики или флейтщики, и, наконецъ одна женщина (Марія Андреева), какъ не сознавшаяся, выселялась также въ Кавказскія провинціи. Всѣ остальные скопцы, очевидно, раскаявшіеся въ своей ереси, были остав-

---

[1]) А. С. С. 1838 г. № 276. л. 6. [2]) Ibid. л. 1—6, 8, 10, 12.
[3]) Ibid. л. 7. [4]) А. С. С. 1838 г. № 276, л. 7, 8, 10, 12.

лены на мѣстахъ подъ строгимъ надзоромъ полиціи. Кромѣ того, духовенству вмѣнялось въ обязанность „стараться благоразумными внушеніями утверждать ихъ (скопцовъ) въ истинныхъ догматахъ вѣры и раскрыть имъ всю нелѣпость скопческой и хлыстовщинской секты". Самъ Григорій увѣщавалъ скопцовъ къ раскаянію особымъ секретнымъ указомъ изъ Консисторіи [1]).

Во время архипастырства въ Твери преосвященному Григорію пришлось имѣть дѣло съ доживавшими свои дни отголосками мистицизма, противъ котораго онъ выступалъ въ оффиціальной роли въ 1825 г. 21 мая 1837 г. въ Тверскую губернію была сослана Екатерина Филипповна Татаринова. Мѣстожительствомъ ея былъ Кашинскій Срѣтенскій женскій монастырь. Здѣсь она жила на самыхъ льготныхъ условіяхъ, занимая три отдѣльныхъ комнаты въ квартирѣ настоятельницы Назареты. Удобная жизнь очевидно не побуждала Татаринову къ раскаянію. Сохраняя наружную покорность православной церкви, она упорно держалась того мнѣнія, что „духовныя занятія" не противорѣчатъ ученію православной церкви и ясно указаны въ XIV главѣ 1-го посланія къ Коринѳянамъ. Преосвященный Григорій, какъ епархіальный архіерей, не могъ быть равнодушнымъ къ проповѣди уже извѣстной ему мистики, и сначала письменно, а потомъ устно, въ личной бесѣдѣ, убѣждалъ Татаринову оставить старыя ошибки, ссылаясь на того же апостола и на ту же главу, гдѣ говорится, что „жены въ церквахъ да молчатъ", что „срамно есть женѣ въ церкви глаголати" (ст. 34 и 35) [2]).

Послѣ Твери мѣстомъ службы преосвященнаго Григорія была Казань. Здѣсь Григорій встрѣтилъ самое широкое миссіонерское поприще. Казань была татарскимъ царствомъ, полнымъ кромѣ того разныхъ инородцевъ. Къ расколу, который Григорій встрѣтилъ и въ Казани, здѣсь присоединялось мусульманство и языческія вѣрованія Чувашей, Черемисовъ и Вотяковъ. Къ чести Григорія своимъ архипастырскимъ вниманіемъ онъ не обходилъ ни раскола, ни мусульманства, ни язычества.

Соотвѣтственно тремъ видамъ религіозныхъ отклоненій Казанской паствы, миссіонерская дѣятельность преосвящен-

---

[1]) Ibid. л. 15.

[2]) Бартеневъ „XIX вѣкъ". Москва. 1872: Юрій Толстой. „О духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой", стр. 232—233.

наго Григорія имѣла три направленія. Для Григорія было вполнѣ естественнымъ оказать больше всего вниманія внутреннему врагу православной церкви—расколу, на которомъ онъ спеціализировался раньше. Къ этому его побуждали и внѣшнія обстоятельства: вызовъ въ Св. Синодъ и назначеніе въ Секретный Комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ и отступникахъ отъ православія [1]). И дѣйствительно, противъ раскола Григорій сдѣлалъ въ Казани больше всего. Занимаясь борьбою съ нимъ внутри своей епархіи, онъ сообщилъ этой борьбѣ общецерковный интересъ и государственное значеніе, когда призналъ необходимымъ для миссіонеровъ спеціальнаго и систематическаго образованія и ввелъ это образованіе въ высшей и средней духовной школѣ. Много вниманія преосвященный Григорій удѣлилъ и мусульманству, съ которымъ столкнулся въ первый разъ. Григорій пытался строго организовать операціи противотатарской миссіи и оживилъ дѣятельность Переводническаго Комитета, который съ него началъ свою внутреннюю жизнь. Достаточно вниманія преосвященный Григорій удѣлилъ и языческимъ вѣрованіямъ казанскихъ инородцевъ, неоднократно касаясь ихъ въ своихъ бесѣдахъ съ духовенствомъ и заботясь о нихъ при открытіи миссіонерскихъ отдѣленій въ казанскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Переплетаясь между собой впослѣдствіи, эти три направленія миссіонерской дѣятельности Григорія въ Казани въ исторической послѣдовательности располагаются такъ: татары, инородцы, раскольники.

23 мая 1830 г. Высочайшимъ указомъ въ Казанской епархіи была учреждена миссія для утвержденія въ православіи новокрещенныхъ татаръ [2]). Преосвященный Григорій былъ назначенъ въ Казань какъ разъ въ то время, когда церковная власть, испытавъ безрезультатно для достиженія цѣлей миссіи различныя средства, занялась устройствомъ походной церкви съ особымъ причтомъ. Объ этомъ Синодъ писалъ Григорію отъ 12 іюля 1848 г. Григорій со свойственной ему энергіей взялся за осуществленіе новой мѣры. Онъ заботился объ обезпеченіи причта и комплектовалъ самый причтъ.

---

[1]) А. С. С. 1850 г. № 621.

[2]) Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Росс. при Москов. унив. 1880 г. I, стр. 1—256. Можарскій „Изложеніе хода миссіонерскаго дѣла по просвѣщенію казан. инородцевъ съ 1552 г.—1867 г. стр. 210.

Послѣднее было дѣломъ далеко нелегкимъ, такъ какъ требовался человѣкъ со всѣми качествами апостола: съ безкорыстною привязанностью къ дѣлу просвѣщенія, съ свободою отъ семейства, съ готовностью на лишенія и оскорбленія и даже съ даромъ языковъ, такъ какъ было необходимо знаніе разговорнаго (собственно татарскаго) и литературнаго (арабскаго) языка татаръ. Намъ извѣстно четыре вызова кандидатовъ на мѣсто священника-миссіонера къ походной церкви. Было намѣчено десять человѣкъ, которые вызывались въ Казань для испытанія въ Комиссіи, состоявшей изъ двухъ членовъ: ректора академіи, архимандрита Григорія (Миткевича) и баккалавра Н. М. Ильминскаго. Случилось такъ, что добрая половина намѣченныхъ кандидатовъ совсѣмъ не явилась, отказавшись то болѣзнію, то незнаніемъ языка, то семейными обстоятельствами; а явившіеся спѣшили подъ тѣми же предлогами отказаться отъ испытанія. Лишь двое согласились экзаменоваться, обнаруживъ на экзаменѣ очень ограниченное знаніе татарскаго языка. Перваго изъ нихъ священника Ѳ. М. (изъ состава перваго вызова—19 октября 1848 г.) Комиссія было пропустила, объявивъ, что онъ „довольно образованъ для сельскаго священника, къ дѣлу обращенія способенъ; хотя не въ высокой степени, свѣдущь и въ татарскомъ языкѣ, но ограниченно—именно знаетъ языкъ только разговорный, народный, на которомъ можетъ свободно объясняться и понимать другихъ, но въ филологіи языка и даже въ грамматикѣ онаго недалекъ.., и кромѣ перевода Новаго Завѣта никакихъ книгъ татарскихъ не читалъ; съ арабскимъ же языкомъ и вовсе незнакомъ“ [1]). Кромѣ того, Комиссія подтвердила безкорыстное желаніе его посвятить себя дѣлу миссіонерства и обѣщаніе основательно заняться изученіемъ татарскаго языка. Однако преосвященный Григорій счелъ недостаточнымъ заключеніе Комиссіи и устроилъ претенденту второй экзаменъ, предложивъ написать отвѣтъ на вопросъ: „Какъ должно увѣщать къ обращенію отпавшихъ татаръ?“ и затѣмъ „Чинъ исповѣди“, употребляемый при исповѣданіи татаръ-прихожанъ. Обѣ эти работы разсматривалъ самъ Григорій и нашелъ ихъ „неосновательными“, „весьма не сильными“, такъ какъ „почти сего же требуетъ и Магометъ въ Коранѣ“ [2]). Относительно языка „Исповѣди“

[1]) Ibid. стр. 218—219. [2]) Ibid. стр. 220—221.

далъ заключеніе спеціалистъ Ильминскій. „Татарскій языкъ, заявилъ онъ: отличается большею неправильностью. Этимологическія перемѣны, расположеніе и конструкція часто совсѣмъ противны татарскому языку“ [1]). Всего этого было достаточно для того, чтобы преосвященный Григорій совершенно забраковалъ кандидатуру Ѳ. М. Однако нелегко было найти новаго кандидата. Второй (13 декабря 1848 г.) и третій (26 января 1849 г.) вызовы подтвердили это. Тогда Григорій съ упрекомъ обходя Консисторію, самъ вызвалъ трехъ кандидатовъ. Но двое изъ вызванныхъ отказались экзаменоваться, а третій—священникъ Іоаннъ Ляпидевскій—поспѣшилъ заявить о себѣ, что онъ „знаетъ только разговорный татарскій языкъ, употребляемый между старо-крещенцами, но этотъ языкъ недостаточенъ для изъясненія высокихъ истинъ христіанской вѣры, и потому (онъ, Ляпидевскій,) находитъ себя не вполнѣ способнымъ объясняться съ христіанами изъ магометанъ и тоже просилъ уволить его отъ должности священника-миссіонера“ [2]). Но преосвященный Григорій послѣ личной бесѣды съ о. Ляпидевскимъ нашелъ его, „хотя и не совершенно благонадежнымъ, однакоже болѣе другихъ способнымъ занять должность священника-миссіонера“, и убѣдилъ его согласиться. Вскорѣ (10 августа 1849 г.) Консисторія опредѣлила мѣсто жительства священника-миссіонера, его обязанности, способъ дѣйствованія, контроль надъ нимъ и т. п. Такимъ образомъ, несмотря на то, что дѣло велось въ четыре пріема, что Консисторія оказалась совершенно безсильною, преосвященный Григорій самъ въ одинъ годъ (9 авг. 1848 г.—10 авг. 1849 г.) сдѣлалъ все, за чѣмъ должно было послѣдовать устройство самой церкви. Однако труды Григорія оказались тщетными: походной церкви не суждено было начать свою жизнь de facto. Самъ Григорій разочаровался въ своемъ кандидатѣ и въ представленіи Синоду (отъ 14 дек. 1849 г.) высказалъ большія сомнѣнія относительно пользы походной церкви при наличныхъ условіяхъ. Священника о. Ляпидевскаго онъ предлагалъ перевести въ татарскій приходъ села Шешмы, Чистопольскаго уѣзда, а построеніе походной церкви—отложить до изготовленія перевода христіанскихъ богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ. Такъ умерло, не родившись, дѣло о походной церкви.

[1]) Ibid. стр. 221. [2]) Ibid. стр. 223.

Священника о. Ляпидевскаго Григорій перемѣстилъ въ с. Шешму для цѣлей миссіонерскихъ. Но о. Ляпидевскій могъ охватить своимъ вліяніемъ сравнительно малый районъ, а отступничество происходило повсемѣстно. Поэтому Григорій призывалъ все духовенство къ великому дѣлу миссіонерства. Въ этомъ пунктѣ миссіонерскія мѣры Григорія противъ ислама сходятся съ таковыми же противъ раскола. Миссіонерство каждаго священника въ своемъ приходѣ было дѣломъ уже испытаннымъ, принесшимъ не малые плоды въ Калугѣ и Твери. Самый призывъ къ миссіонерству, а равно и изложеніе способовъ дѣйствованія, преосвященный Григорій изложилъ въ „Бесѣдахъ съ духовенствомъ Казанской епархіи".

Общее, что можно сказать о дѣлахъ противотатарской миссіи времени архипастырства Григорія будетъ далеко не отраднымъ. И церковная власть и гражданская—были совершенно безсильны возвратить въ нѣдра православной церкви отпавшихъ татаръ-крещенцевъ, а равно предупредить отпаденіе въ дальнѣйшемъ. Мы видимъ даже больше того: миссія совершенно не располагала духовными средствами къ успѣшному веденію дѣла. И какъ ни старался Григорій, самъ онъ безъ свѣдущихъ и опытныхъ помощниковъ ничего не могъ сдѣлать. Дѣла миссіи, какъ это ни печально, сводились къ полицейскому насилію гражданской власти, которая выселяла отступниковъ въ старорусскія мѣста, крестила младенцевъ противъ воли родителей, расторгала браки крещенныхъ татаръ съ некрещенными и привлекала къ отвѣтственности тѣхъ, которые погребали крещенныхъ по магометанскому обряду. Такія дѣйствія полиціи вызвали довольно серьезныя волненія среди татаръ-отступниковъ [1]).

Но если преосвященный Григорій не могъ прекратить отпаденія татаръ теперь, то онъ приготовлялъ вѣрнѣйшее средство къ тому на будущее время. Разумѣемъ дѣятельность Переводническаго Комитета. По волѣ императора Николая I, послѣдній былъ учрежденъ еще при предшественникѣ Григорія, преосвященномъ Владимірѣ (Ужинскомъ) въ 1847 г. Въ составъ его вошли профессора духовной академіи и, какъ знатокъ татарскаго языка, извѣстный оріента-

[1]) Исторія татарской миссіи писана по А. Можаровскому. Чт. въ И. О. И. и Д. Р. при Моск. унив. 1880 г. I, стр. 1—256. „Изложеніе хода миссіонерскаго дѣла по просвѣщ. Казан. инородц. съ 1552—1867 г.".

листъ, профессоръ университета Каземъ-Бекъ. Цѣлью Комитета былъ переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ православной церкви на татарскій языкъ. По различнымъ обстоятельствамъ этотъ Комитетъ не только ничего не сдѣлалъ, но даже не имѣлъ ни одного собранія до конца 1848 г., когда его взялъ въ свои руки преосвященный Григорій и побудилъ къ самымъ усиленнымъ занятіямъ (до 1856 г.). Этотъ періодъ многоплодной дѣятельности Комитета ознаменовался энергичнымъ сотрудничествомъ въ немъ ректора академіи архимандрита Григорія (Миткевича), который завѣдывалъ богословскою стороною дѣла. Вмѣстѣ съ профессорами академіи онъ дѣлалъ точный переводъ книгъ съ греческаго и славянскаго на русскій языкъ, а послѣ этого Каземъ-Бекъ переводилъ ихъ на татарскій языкъ [1]). Такъ велось дѣло до 1850 г., когда преосвященный Григорій былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ. Въ томъ же 1850 г., по прибытіи въ С.-Петербургъ, Григорій испросилъ разрѣшеніе на учрежденіе здѣсь другого комитета для пересмотра уже переведенныхъ и переводимыхъ книгъ. Новый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ самого Григорія, составили—профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, архимандритъ Іоаннъ (Соколовъ), профессоръ Каземъ-Бекъ, къ этому времени переведенный въ С.-Петербургскій университетъ, баккалавръ Казанской духовной академіи Ильминскій. Оживленный неослабнымъ вниманіемъ преосвященнаго Григорія, Комитетъ собирался еженедѣльно и дѣйствовалъ съ рѣдкой энергіей и отмѣнною добросовѣстностью, строго провѣряя и сличая съ подлинниками каждое слово присылаемыхъ изъ Казани переводовъ. Фактическимъ результатомъ дѣятельности двухъ комитетовъ было то, что уже въ 1852 г. были напечатаны—литургія св. Іоанна Златоуста и Часословъ, а въ 1853 г.—и Четвероевангеліе. Въ 1856 г. былъ готовъ переводъ еще Апокалипсиса. Но теперь преосвященный Григорій долженъ былъ принять на себя новыя сложныя обязанности, связанныя съ назначеніемъ его митрополитомъ с.-петербургскимъ, а дѣла комитетовъ передать своему преемнику по Казани. За восемь лѣтъ дѣятельности въ комитетахъ (1848—1856) Гри-

[1]) Подробно о дѣятельности архим. Григорія (Миткевича) см. у проф. П. В. Знаменскаго „Исторія Казанской Духовной Академіи". Каз. 1891 г стр. 63 и др.

горій побудилъ послѣдніе перевести и напечатать—литургію св. Іоанна Златоуста, Часословъ и Четвероевангеліе, и приготовить, къ изданію всѣ прочія книги Новаго Завѣта [1]).

Кромѣ татаръ, населеніе Казанской епархіи изобиловало инородцами-язычниками: чувашами, черемисами и вотяками. Послѣдніе также представляли богатый матеріалъ для миссіонерской дѣятельности. И преосвященный Григорій обнаружилъ не малую заботливость объ ихъ просвѣщеніи въ „Бесѣдахъ съ духовенствомъ Казанской епархіи“ и въ проектахъ миссіонерскаго образованія въ духовныхъ школахъ. Возможно, что по иниціативѣ Григорія и въ миссіонерскихъ цѣляхъ былъ сдѣланъ переводъ на черемисскій языкъ его сочиненія „День святой жизни“ [2]).

Въ первое время, по пріѣздѣ въ Казань, Григорій не разсчитывалъ здѣсь встрѣтиться съ расколомъ. Мы уже видѣли, что все это время онъ былъ занятъ противотатарской миссіей. Но уже въ 1851 г. въ письмѣ къ оберъ-прокурору графу Пратасову Григорій говоритъ о расколѣ, какъ о большомъ злѣ Казанской епархіи [3]). Ему то и посвятилъ Григорій остальные годы своей дѣятельности. Мы уже сказали о побочныхъ обстоятельствахъ, способствовавшихъ этой спеціализаціи, а потому теперь перейдемъ ко внутреннимъ причинамъ ея. Разумѣемъ состояніе раскольническаго дѣла въ Казани въ то время. Противъ раскола здѣсь дѣйствовали оффиціальные увѣщатели [4]). Въ большинствѣ случаевъ это были обратившіеся раскольники, не имѣвшіе ни систематическаго образованія, ни спеціальной подготовки. Часто они были грубы и лишь озлобляли раскольниковъ. Ихъ увѣщанія были чужды апостольскаго мира и миссіонерскаго самоотверженія [5]). Вся дѣятельность увѣщателей сводилась къ перепискѣ изъ года въ годъ стереотипныхъ отчетовъ и своевременному представленію ихъ епархіальной власти [6]). Ясно,

---

[1]) О комитетахъ см.: Знаменскій, „Исторія Казанской Духовной Академіи“. Каз. 1891 г. стр. 62—63; Церк. Лѣтоп. 1860 г. Іюль. Шавровъ, „Преосв. Григорій, м. Новгор. и СПБ.“ стр. 356—432. „Истор.-стат. свѣдѣнія о Спб. епархіи“ Спб. 1884 г. 7. VIII, стр. 66—67.

[2]) Казань 1858. См. у А. С. Родосскаго, „Біогр. Словарь“, стр. 120, прим. 3-е.

[3]) А. С. С. 1851 г. № 785.

[4]) Мисс. Обозр. 1910 г. №№ 7—8, стр. 1254.

[5]) Благовѣщенскій, „Исторія Каз. дух. семинаріи“. Каз. 1883 г. стр. 414.

[6]) Мисс. Обозр. 1910 г. №№ 7—8, стр. 1254.

что это было занятіе никому и ничему ненужное. Впрочемъ, то было время, когда о раскольникахъ всѣ такъ думали; всѣ считали ихъ „невѣжественными и глупыми, ничего не понимающими“ [1]); всѣ говорили, что они „совершенно ожесточены противъ православія и не приступны для вразумленія“ [2]). Такое безотрадное состояніе Казанской противораскольнической миссіи побудило Григорія къ дѣятельности съ не меньшею энергіей, чѣмъ въ Твери. Строго порицая нерадивость, дерзость и нетерпѣливость увѣщателей [3]), Григорій самъ посѣщалъ многіе уѣзды своей епархіи и нерѣдко обращался къ казанскому духовенству съ наставленіями о томъ, какъ нужно вести дѣло миссіонерства. Наставленія эти имѣютъ общій характеръ, когда Григорій обращался ко всему казанскому духовенству — разумѣемъ „Бесѣды“ его, —и частный, когда онъ по частнымъ поводамъ дѣлалъ предписанія отдѣльнымъ священникамъ [4]). Въ обоихъ случаяхъ Григорій былъ вѣренъ своимъ миссіонерскимъ принципамъ: всеобщее и постоянное миссіонерство [5]) посредствомъ мирнаго убѣжденія [6]) и добраго примѣра [7]). Не довольствуясь наставленіями, преосвященный Григорій входилъ во внутреннюю жизнь раскола. Такъ въ 1851 г. ему пришлось имѣть дѣло съ толкомъ рябиновцевъ [8]). Въ 1854 г. онъ пытался выяснить общее количество раскольниковъ въ Казанской епархіи и опубликовалъ противъ раскольнической пропаганды спеціальныя мѣры [9]). Заботы преосвященнаго Григорія не замедлили принести плоды. Въ 1855 г. онъ рапортовалъ Синоду объ обращеніи двухъ мужчинъ изъ спасова согласія и 17 душъ мужскаго пола и 18—женскаго изъ поповщинской секты [10]).

Мы уже неоднократно упоминали о „Бесѣдахъ“ преосвященнаго Григорія съ духовенствомъ Казанской епархіи. Временемъ ихъ былъ 1852-й г., а мѣстомъ—центральные пункты второго обзора Григоріемъ своей епархіи [11]). Съ истинно-апостольскою ревностью выступаетъ въ этихъ бесѣдахъ

[1]) „Бесѣды съ дух. Каз. епархіи“, стр. 14. [2]) Ibid., стр. 25.
[3]) Благовѣщенскій „Ист. Каз. дух. сем.“ стр. 416—417.
[4]) А. С. С. 1852 г. № 1754 и 1756.
[5]) „Бесѣды съ дух. Каз. епархіи“, стр. 9.
[6]) Ibid. стр. 29; 34—35; 38—39 и др. [7]) Ibid. стр. 65—68.
[8]) А. С. С. 1851 г. № 394.
[9]) А. С. С. 1852 г. №№ 1754 и 1756; 1854 г. № 89.
[10]) А. С. С. 1855 г. № 247. [11]) А. С. С. 1852 г. № 892.

преосвященный Григорій обнаруживая и отеческую любовь, и совершенное знаніе дѣла и рѣдкую силу убѣжденія... Если всмотрѣться въ прошлое архипастырской дѣятельности преосвященнаго Григорія, то эти бесѣды, какъ миссіонерская мѣра, не представляютъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что дѣлалъ Григорій еще въ Твери. Разница лишь въ количествѣ адресатовъ: въ Твери Григорій обращался къ отдѣльнымъ лицамъ, а здѣсь ко всему епархіальному духовенству.

Намъ извѣстно девять бесѣдъ преосвященнаго Григорія. Въ нихъ онъ обращается отдѣльно къ священникамъ (I—V), діаконамъ (VI), причетникамъ (VII), благочиннымъ (IX) и ко всему духовенству (VIII). Пять первыхъ, направленныхъ спеціально къ священникамъ, составляютъ существенную часть содержанія всѣхъ бесѣдъ. Въ своемъ краткомъ анализѣ послѣднихъ мы будемъ держаться этихъ пяти бесѣдъ по преимуществу. Мы отмѣтимъ въ нихъ тѣ принципы, которые преосвященный Григорій рекомендовалъ духовенству въ руководство, и тѣ качества, которыя онъ считалъ необходимымъ для священника-миссіонера.

Призывая духовенство къ сотрудничеству „въ назиданіи церкви Божіей“ [1]), преосвящ. Григорій прежде всего устанавливаетъ необходимость для каждаго священника быть миссіонеромъ. „Самая первая ваша обязанность, говоритъ онъ священникамъ: учить всѣхъ ввѣренныхъ вамъ людей... христіанской вѣрѣ и располагать ихъ жить по правиламъ вѣры. А къ числу ввѣренныхъ вамъ людей принадлежатъ не только люди православные, составляющіе вашъ приходъ, но и всѣ неправославные, живущіе въ кругу или близъ ввѣреннаго вамъ прихода, не принадлежащіе ни къ какому иному православному или единовѣрческому приходу“ [2])... „Вамъ непрестанно должно учить всѣхъ ихъ, и учить не въ какіе-нибудь часы и дни, или какимъ-нибудь только неяснымъ истинамъ, но учить постоянно и всему, нужному для спасенія, всему ученію Христову“ [3]). Преосвящ. Григорій былъ крайне опечаленъ ходячимъ взглядомъ на татаръ, язычниковъ, а равно и раскольниковъ, который клеймилъ ихъ, какъ людей „невѣжественныхъ, глупыхъ, ничего не понимающихъ“ и совершенно не способныхъ ко вразумленію въ

[1]) „Бесѣды съ духовенствомъ Казанской епархіи“ стр. 2.
[2]) Ibid. стр. 7. [3]) Ibid., стр, 9.

истинахъ православной вѣры [1]). Онъ горячо отрицалъ это всеобщее заблужденіе и располагалъ духовенство къ сердечному отношенію ко всѣмъ иновѣрцамъ. „Всесильно располагаемъ и побуждаемъ всѣхъ васъ, говорилъ онъ: ко введенію чувашъ, черемисъ и вотяковъ въ истинное и сердечное принятіе православія“ [2]). Говоря далѣе о средствахъ этого введенія, Григорій категорически отрицаетъ методъ принужденія [3]) и зоветъ на легальную почву разумнаго убѣжденія и сердечнаго участія [4]). „Непрестанно располагаемъ васъ наставлять крестившихся татаръ въ истинахъ православной вѣры и возвращать въ православную вѣру совратившихся изъ нихъ въ магометанство, а также и обращать въ православное христіанство татаръ-магометанъ“ [5]). Такъ какъ немалымъ препятствіемъ для укрѣпленія татаръ въ христіанской вѣрѣ были недоступные человѣческому разуму догматы о Троицѣ, о Сынѣ Божіемъ и др., то преосвященный архипастырь рекомендуетъ „непремѣнно произвести въ нихъ глубокое сознаніе великой слабости человѣческаго разума, потомъ потребностей духовной человѣческой природы, ея великой грѣховности, необходимости для нея покаянія и исправленія, а для исправленія небесной помощи, и такимъ образомъ прояснить и доказать истину вѣры православной“ [6]). Для достиженія этой цѣли преосвященный Григорій указываетъ на необходимость знанія татарскаго языка, совершенно корректнаго обращенія съ татарами, чуждаго всякаго принужденія, и на необходимость спокойнаго выясненія главныхъ истинъ, если можно, на основаніи книгъ, признаваемыхъ у татаръ за священныя [7]). „Мѣстами есть и раскольники и есть совращающіе въ расколъ. По сему и въ семъ отношеніи побуждаемъ васъ къ надлежащему дѣйствованію“ [8]). И по отношенію къ этимъ послѣднимъ Григорій предостерегалъ отъ принужденія [9]), рекомендуя прежде всего ознакомиться съ ученіемъ толка [10]), а потомъ уже вести бесѣды съ раскольниками, приводя доказательства, по возможности, изъ книгъ, уважаемыхъ ими самими [11])... Такимъ образомъ основательность въ доказательствахъ, спокойствіе въ тонѣ и общее миролюбивое настроеніе являются элементар-

[1]) Ibid., стр. 14. [2]) Ibid., стр. 15. [3]) Ibid., стр. 17—18.
[4]) Ibid., стр. 18. [5]) Ibid., стр. 21. [6]) Ibid.. стр. 23—24.
[7]) Ibid., стр. 24—25. [8]) Ibid., стр. 25. [9]) Ibid., стр. 29.
[10]) Ibid., стр, 30. [11]) Ibid., стр. 31.

ными и необходимыми условіями всякой миссіи, желающей имѣть какой-либо положительный успѣхъ. „Если нѣкоторые раскольники, магометане и язычники, въ своемъ упорствѣ съ грубостью будутъ говорить, что не хотятъ слушать вашихъ внушеній, то всевозможно старайтесь удержать себя въ спокойствіи, продолжайте говорить съ благоразумною кротостью и назидательнымъ вразумленіемъ. Берегитесь сказать даже одно слово, могущее огорчить вразумляемыхъ вами, иначе вы будете дѣйствовать противъ своей цѣли, потому что огорченный не способенъ къ вразумленію и наученію“ [1]). Въ случаяхъ сопротивленія и упорства Григорій рекомендуетъ и другое средство—„прекратить на нѣсколько времени дѣйствованіе“ [2]). А такъ какъ упорство и сопротивленіе часто бываетъ слѣдствіемъ пропаганды руководителей, то преосвященный Григорій рекомендуетъ—„обращать этихъ препятствующихъ“, но опять „не дѣлая никакихъ угрозъ“ [3]). Всѣмъ этимъ преосвященный Григорій выдвигаетъ новое условіе успѣшности миссіи, — благоразумную осмотрительность въ дѣйствіяхъ. „Приготовленія магометанъ и язычниковъ къ крещенію никогда не дѣлайте слишкомъ поспѣшно“ [4]), но предварительно наставивъ въ главныхъ истинахъ вѣры, которыя должны быть представлены ясно, кратко и съ краткимъ опроверженіемъ прежнихъ заблужденій крестившихся [5]). Преосвященный архипастырь ни въ коемъ случаѣ не совѣтуетъ прекращать наставленія послѣ крещенія, но непрестанно продолжать ихъ по возможности въ простыхъ домашнихъ бесѣдахъ [6]). Отсюда вытекаетъ одно и самое главное условіе успѣшности миссіонерскаго дѣла—постоянный духовный надзоръ за пасомыми и постоянное наставленіе ихъ въ истинахъ православной вѣры и христіанской нравственности. „Священники, какъ пастыри словесныхъ ввѣренныхъ имъ овецъ, обязаны отыскивать и доставлять имъ лучшую, самую здоровую, вполнѣ достаточную пищу, и охранять ихъ отъ звѣрей, т. е. отъ различныхъ соблазновъ, соблазнителей, лжеучителей и развратителей всякаго рода“ [7]). Показавъ, какъ долженъ дѣйствовать священникъ миссіонеръ, далѣе преосвященный Григорій говоритъ о

---

[1]) „Бесѣды съ духов. Казан. епарх.“, стр. 34.
[2]) Ibid., стр. 35. [3]) Ibid., стр. 38.
[4]) „Бесѣды съ духов. Казан. епархіей“, стр. 40.
[5]) Ibid., сстр. 41. [6]) Ibip., стр. 44. [7]) Ibid., стр. 54.

качествахъ, необходимыхъ для священника-миссіонера, жежающаго дѣйствовать съ успѣхомъ. Первое изъ нихъ—постоянное упражненіе въ словѣ Божіемъ; „всякому изъ васъ, говоритъ преосвященный архипастырь: непремѣнно должно имѣть Священное Писаніе и читать его какъ можно чаще и внимательнѣе, дабы о всѣхъ его изреченіяхъ получить понятіе вѣрное“ [1]). Второе — постоянная проповѣдь, относительно которой не нужно заботиться, чтобы она была красна [2]), значительна по размѣру [3]) и непремѣнно давала что-либо новое [4]); главное, что требуется отъ проповѣди это—простота [5]), краткость [6]) и ясность [7]). Третье—образцовая нравственная жизнь. „Примѣрная святость жизни всѣмъ вамъ, священники, необходима, потому что вы пастыри, т. е. руководители къ святой жизни и ко спасенію душъ, какъ ввѣреннаго вамъ прихода, такъ и вашего причта“ [8]). Въ противномъ случаѣ священника ожидаетъ презрѣніе отъ пасомыхъ [9]), ибо такимъ священникомъ разстраивается дѣло спасенія многихъ [10]). Развивая мысль о примѣрной жизни духовенства, преосвященный Григорій заканчиваетъ свою бесѣду съ священниками указаніемъ частныхъ сторонъ примѣрной нравственной жизни [11]).

А. Можаровскій говоритъ, что бесѣды преосвященнаго Григорія „были сочувственно приняты духовенствомъ, и въ дальнѣйшемъ служили для него руководствомъ въ его пастырской практикѣ при исполненіи важнѣйшей обязанности научения вѣрѣ Христовой“ [12]). Если же мы не видимъ особенно ощутительныхъ фактическихъ результатовъ возбужденной миссіонерской дѣятельности, если не видимъ массоваго перехода въ православіе татаръ, язычниковъ и раскольниковъ, то во всякомъ случаѣ мы имѣемъ полную возможность убѣдиться, что священники теперь дѣйствуютъ болѣе энергично и осмысленно. Епархіальному начальству они представляли уже не стереотипные отчеты, а обстоятельное изложеніе всего хода миссіонерства и всей сути

---

[1]) „Бесѣды съ духов. Казан. епарх.“, стр. 48. [2]) Ibid., стр. 55.
[3]) Ibid., стр. 56. [4]) Ibid., стр. 58. [5]) Ibid., стр. 56.
[6]) Ibid., стр. 57. [7]) Ibid., стр. 58.
[8]) „Бесѣды съ духов. Казан. епарх.“, стр. 65.
[9]) Ibid., стр. 66. [10]) Ibid., стр. 67. [11]) Ibid., стр. 69—116.
[12]) Чт. въ И. О. И. Д. Р., 1880 г., I. Можаровскій „Изложеніе хода миссіонерскаго дѣла по просвѣщ. Казан. инородцевъ“, стр. 242.

своихъ бесѣдъ, хотя въ концѣ ихъ обычно сознаются въ слабыхъ успѣхахъ. Но это послѣднее обстоятельство имѣетъ уже совершенно другое объясненіе, именно: не нерадивость духовенства, а его неподготовленность.

Преосвященный Григорій еще до бесѣдъ обращалъ вниманіе на неподготовленность священниковъ къ ихъ высокому служенію и еще въ 1851 г. представилъ въ Синодъ проектъ миссіонерскаго образованія и дѣйствованія. Общее содержаніе этого проекта таково. Преосвященный авторъ констатируетъ, что въ Казани много магометанъ, раскольниковъ и язычниковъ, а средства, употребляемыя для ихъ обращенія,—крайне недостаточны. Является полная необходимость въ образованныхъ, преданныхъ дѣлу и опытныхъ людяхъ, которые вѣдали бы исключительно дѣло миссіонерства. Миссіонеры должны быть двухъ родовъ: одни по мѣрѣ надобности должны переходить съ мѣста на мѣсто (иноки, по преимуществу), а другіе постоянно жить въ приходѣ. Тѣ и другіе должны дѣйствовать посредствомъ словеснаго убѣжденія и добраго примѣра, имѣя цѣлью показать заблудившимъ истину и вѣрное средство къ вѣчному спасенію. Но гдѣ взять миссіонеровъ? Единственная возможность получить ихъ представляется духовною школою, если образованіе ея частію усилить, частью измѣнить и дополнить. Преосвященный Григорій проектировалъ часть миссіонерскихъ предметовъ ввести въ общеобязательный курсъ уѣздныхъ училищъ, семинарій и академій и затѣмъ устроить особыя миссіонерскія отдѣленія съ двухлѣтнимъ курсомъ при семинаріяхъ и академіяхъ. На миссіонерскія отдѣленія предполагалось принимать „надежнѣйшихъ“ воспитанниковъ и студентовъ, которые изъявятъ согласіе служить послѣ дѣлу миссіи. Преподаваніе миссіонерскихъ предметовъ въ возможно полномъ составѣ поручалось двумъ спеціальнымъ профессорамъ. Въ концѣ проекта преосвященный авторъ говоритъ о средствахъ содержанія миссіонеровъ (оклады, жалованье и пенсія) и объ управленіи (миссіонерское правленіе) [1]. Вскорѣ послѣ этого общаго проекта явилось четыре частныхъ (до 1853 г.), именно: а) частный „проектъ миссіонерскаго образованія для спасительнаго дѣйствованія на раскольниковъ—поповщину и безпоповщи-

[1]) Рукопись Спб. духов. академіи, № А I/229.

ну—въ Казанской епархіи", b) „проектъ миссіонерскаго образованія для спасительнаго дѣйствованія на татаръ въ Казанской епархіи", c) проектъ миссіонерскаго образованія для спасительнаго дѣйствія на чувашъ и черемисъ Казанской епархіи" и d) „проектъ миссіонерскаго образованія для спасительнаго дѣйствованія на монгольское племя". Проектъ о раскольникахъ значительно отличается отъ трехъ другихъ проектовъ и содержитъ въ себѣ планъ организаціи противораскольническаго миссіонерскаго образованія, намѣчаетъ предметы, которые должны составить миссіонерскій курсъ, подробно указываетъ литературу раскола и, въ заключеніе, предлагаетъ практическія наставленія будущимъ миссіонерамъ противъ раскола [1]). Что касается остальныхъ трехъ проектовъ, то они болѣе или менѣе стереотипны. Общее содержаніе ихъ сводится къ слѣдующему. Сначала они даютъ общія свѣдѣнія о той или иной народности и вводятъ въ ихъ вѣрованія; затѣмъ указываютъ главныя затрудненія къ обращенію ихъ въ православіе, мѣры къ успѣшному дѣйствованію, необходимость образованія миссіонеровъ, мѣсто данныхъ миссіонерскихъ предметовъ въ духовной школѣ и, наконецъ, практическія наставленія. Къ каждому изъ этихъ трехъ проектовъ приложенъ проектъ устройства соотвѣтствующей миссіи [2]).

21 декабря 1851 г. оберъ-прокуроръ графъ Пратасовъ представилъ первый общій проектъ Св. Синоду [3]). Однако послѣдній не торопился разсмотрѣніемъ его и вынесъ свое постановленіе лишь 21 іюля 1853 г. Это постановленіе гласило: „образовать при духовныхъ академіяхъ изъ наличнаго состава студентовъ и изъ священнослужителей, кои изъявятъ на то желаніе, по небольшому отдѣленію для приготовленія ихъ на дѣло борьба съ раскольниками какъ въ видѣ прямыхъ миссіонеровъ, такъ и въ видѣ священниковъ при церквахъ единовѣрческихъ и православныхъ, гдѣ есть раскольники" [4]). Въ видѣ опыта въ томъ же году были открыты миссіонерскія отдѣленія при С.-Петербургской духовной академіи и семинаріи [5]). Въ слѣдующемъ году (1854) они были открыты

---

[1]) Рукоп. СПБ. духов. Академіи, № А 1/229; ср. Благовѣщенскій. „Исторія Казан. дух. семинаріи", стр. 399—405.

[2]) Рукоп. СПБ. духовн. Акад., № А 1/231.

[3]) А. С. С. 1851 г. № 785. [4]) Д. У. У. 1853 г. № 196.

[5]) Д. У. У. 1853 г. № 196; А. С. С. 1853 г. № 1529, л. 11.

при Кіевской [1]) и Московской академіяхъ [2]), также при нѣкоторыхъ семинаріяхъ Кіевскаго округа [3]). Что же касается Казанской академіи и семинаріи, то здѣсь также миссіонерскія отдѣленія были открыты въ 1854 г. самимъ Григоріемъ, который составилъ ихъ изъ надежнѣйшихъ студентовъ [4]). Въ періодъ времени (1854 и 1855 г.г.) при дѣятельномъ участіи преосвященнаго Григорія были открыты миссіонерскія отдѣленія во всѣхъ семинаріяхъ Казанскаго округа, гдѣ по мѣстнымъ нуждамъ, кромѣ раскола, воспитанники знакомились съ мусульманствомъ и язычествомъ [5]). Раньше мы уже говорили, какъ относился преосвященный Григорій къ миссіонерскому отдѣленію въ Казанской академіи, а потому теперь добавимъ только то, что, благодаря его энергичнымъ стараніямъ, въ самое короткое время это отдѣленіе стало образцовымъ и служило примѣромъ для другихъ академій и семинарій.

Однако, если миссіонерскія отдѣленія и были открыты, то сами миссіонеры были еще дѣломъ будущаго. А между тѣмъ, по сознанію Синода, по епархіямъ „настояла крайняя надобность въ просвѣщенныхъ миссіонерахъ“ [6]). Поэтому Синодъ предпринялъ экстраординарную мѣру. Указомъ отъ 22 октября 1853 года онъ вызывалъ изъ 14 наиболѣе зараженныхъ расколомъ епархій по одному и по два человѣка изъ чернаго и бѣлаго духовенства для экстренной подготовки къ миссіонерству. Вызывались такіе, „коимъ уже извѣстны заблужденія раскольниковъ и мѣстныя обстоятельства, до нихъ касающіяся, и кои по усердію, благочестію и безкорыстью способны, достойны и готовы посвятить себя великому дѣлу обращенія заблуждающихъ“ [7]). Вызванные начали съѣзжаться съ 16 ноября 1853 г. и помѣщались большею частью въ зданіяхъ академіи и семинаріи [8]). Къ 23 февраля 1854 г. они были всѣ въ сборѣ и съ этого дня начались самыя занятія. Всѣ прибывшіе священники и монахи были поручены назиданію преосвященнаго архіепископа Казанскаго

[1]) Д. У. У. 1853 г. № 196.
[2]) Д. У. У. 1853 г. № 196, л. 119—120.
[3]) Д. У. У. 1853 г. № 196. [4]) Д. У. У. 1853 г. № 196.
[5]) Благовѣщенскій. „Исторія Казан. духовн. семинаріи“, стр. 399—427.
[6]) А. С. С. 1853 г. № 883, лл. 33—36.
[7]) А. С. С. 1853 г. № 889, лл. 33—36.
[8]) А. С. С. 1853 г. № 889, л. 58.

Григорія „съ тѣмъ, чтобы онъ отобралъ отъ нихъ свѣдѣнія о положеніи раскола въ тѣхъ епархіяхъ, къ коимъ они принадлежатъ, и, по архипастырскомъ испытаніи способностей ихъ, образа мыслей и готовности на всякое самоотверженіе, преподалъ имъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ исторію раскола въ главныхъ его чертахъ, понятіе о всѣхъ сектахъ и наставленія къ разсѣянію ихъ заблужденія въ духѣ кротости и смиренія, съ самоотверженіемъ и упованіемъ на милость Божію“ [1]). Кромѣ того, Синодъ рекомендовалъ занять вызванныхъ пересмотромъ книгъ и рукописей, находящихся въ Синодѣ и для этого въ помощь Григорію назначилъ ректора С.-Петербургской академіи, епископа Макарія (Булгакова) [2]). Самъ Григорій читалъ курсистамъ исторію раскола, полемику противъ него и миссіонерскую педагогику [3]). Къ 10 іюня 1854 г. Григорій закончилъ чтеніе лекцій и вмѣстѣ съ этимъ исполнилъ порученіе Синода. Отпуская своихъ слушателей въ распоряженіе мѣстныхъ преосвященныхъ, онъ рекомендовалъ ихъ съ лучшей стороны [4]), и въ постоянное руководство подарилъ каждому изъ нихъ „Исторію раскола“ и „Миссіонерскую педагогику“ въ рукописяхъ, а „Наставленіе къ разъясненію заблужденій“ („Истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь“)—въ печатныхъ листахъ [5]). Не беремся судить, къ чему привела эта мѣра, насколько слушатели Григорія могли быть миссіонерами... Но если и не имѣть въ виду краснорѣчивыхъ фактовъ въ миссіонерской дѣятельности отдѣльныхъ слушателей Григорія (священникъ о. Цвыневъ) [6]), если имѣть въ виду и скептичное замѣчаніе по поводу оригинальныхъ курсовъ архіепископа Иннокентія (Борисова) [7]) и епископа Макарія (Булгакова) [8]), то во всякомъ случаѣ священники-курсисты много пріобрѣли отъ Григорія, отъ знакомства съ раскольническими первоисточниками и отъ взаимнаго обмѣна мыслей по различнымъ вопросамъ миссіонерской практики. Самъ Григорій вѣрилъ въ безусловную пользу устроенныхъ имъ курсовъ и

---

[1]) А. С. С. 1853 г. № 889, лл. 33—36.
[2]) А. С. С. 1853 г. № 889, лл. 33—36.
[3]) Псков. Епарх. Вѣд. 1896 г. № 9, стр. 170.
[4]) А. С. С. 1853 г. № 889, л. 179. [5]) А. А. С. 1853 г. № 889, л. 179.
[6]) Псков. Епарх. Вѣд. 1896 г. № 10, стр. 187.
[7]) Церк. Вѣстн. 1883 г. № 26, стр. 9.
[8]) Христ. Чт. 1884 г. Май—Іюнь, стр. 812 и 815.

нѣчто подобное устроилъ уже по собственной иниціативѣ, когда былъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ.

Преосвященному Григорію суждено было до конца жизни не прекращать миссіонерской дѣятельности. Перейдя въ центръ культурной жизни Россіи, въ столицу, онъ какъ въ ней самой, такъ и въ епархіи ея, встрѣтилъ самыя разнообразныя религіозныя отклоненія. И, несмотря на свое высокое и сложное административное положеніе по званію первенствующаго члена Св. Синода и по управленію двумя обширными епархіями, онъ не упускалъ изъ виду миссіи. Мы уже говорили, какъ онъ боролся словомъ и дѣломъ съ модньмъ тогда нерелигіознымъ вольнодумствомъ. Теперь намъ остается сказать о мѣрахъ его противъ раскола.

Въ виду значительнаго количества раскольниковъ въ митрополіи, преосвященный Григорій призналъ необходимымъ принять особыя мѣры противъ совращенія въ расколъ православныхъ и для обращенія раскольниковъ. 12 іюня 1857 г. онъ предложилъ консисторіи къ исполненію цѣлый рядъ мѣръ въ этомъ родѣ. Сущность ихъ сводится къ тому, чтобы приходскій священникъ имѣлъ неослабный надзоръ за исполненіемъ прихожанами христіанскихъ обязанностей (хожденіе въ церковь и говѣніе), чтобы онъ всегда наставлялъ ихъ, чтобы по возможности располагалъ къ себѣ мѣрами любви и кротости раскольниковъ, чтобы обучалъ раскольническихъ дѣтей и возможно чаще совершалъ богослуженіе [1]). Дѣйствуя въ направленіи мѣръ митрополита, С.-Петербургская консисторія (20 сентября 1857 г.) повсемѣстно разослала въ руководство священникамъ сочиненіе владыки „Истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь“ [2]).

Спустя два года преосвященный Григорій въ тѣхъ же цѣляхъ улучшенія миссіонерскаго дѣла въ епархіи составилъ новую форму отчетной вѣдомости о раскольникахъ. Новая вѣдомость требовала точныхъ свѣдѣній о числѣ раскольниковъ, объ обстоятельствахъ ихъ прироста и уменьшенія, о моленныхъ, о наставникахъ и о средствахъ, употребляемыхъ раскольниками за расколъ и православными противъ него. Преосвященный Григорій строго наблюдалъ за выполненіемъ всѣхъ, изданныхъ имъ правилъ, и въ слу-

---

[1]) А. СПБ. Д. К. 1857 г. № 26070; 30227; 1859 г. № 25627.

[2]) А. СПБ. Д. К. 1858 г. № 29964.

чаѣ замѣченной имъ оплошности не стѣснялся выговоромъ [1]). Въ случаяхъ настоятельной нужды, въ виду „особаго нерадѣнія къ церкви и ея обычаямъ и обрядамъ“ онъ посылалъ на мѣсто особаго священника, который, не будучи занятъ отправленіемъ приходскихъ обязанностей, имѣлъ бы полную возможность дѣйствовать исключительно на раскольниковъ и тѣхъ изъ православныхъ, кои колеблются въ вѣрѣ“ [2]).

Для приготовленія нужныхъ часто „особыхъ священниковъ“ преосвященный Григорій хотѣлъ устроить нѣчто въ родѣ постоянныхъ противораскольническихъ курсовъ. Въ 1858 г. на этихъ курсахъ обучалось четыре вдовыхъ священника, которые слушали наставленія самого Григорія и лекціи на миссіонерскомъ отдѣленіи при академіи. Жили они въ лаврской киновіи на полномъ содержаніи и были въ непосредственномъ распоряженіи самого митрополита. Иногда миссіонеры съ этихъ курсовъ попадали на службу въ другую епархію [3]).

Но скромный масштабъ миссіонерскаго образованія въ духовной школѣ и на курсахъ у Григорія далеко не удовлетворялъ миссіонерскихъ чаяній преосвященнаго митрополита. Онъ мечталъ объ учрежденіи особаго миссіонерскаго института, гдѣ бы приготовлялись спеціалисты—миссіонеры по разнымъ видамъ религіозныхъ отклоненій россійскаго государства, готовились основательно подъ опытнымъ руководствомъ. Въ рапортѣ отъ 12 декабря 1858 г. онъ представилъ въ Сунодъ первый общій проектъ миссіонерскаго или апостольскаго института [4]). 25 декабря государь утвердилъ его проектъ и представилъ въ распоряженіе Сунода мызу (Аракчеевскія зданія) въ с. Грузинѣ, Новгородской губерніи, гдѣ Григорій предполагалъ помѣстить институтъ [5]). Проектировалось въ институтъ принимать способнѣйшихъ молодыхъ людей изъ всѣхъ семинарій и занять ихъ а) общими для всѣхъ богословскими и историческими науками и b) изученіемъ языковъ, употребляющихся въ тѣхъ мѣстахъ, куда они по предположенію должны быть посылаемы. Учебный курсъ преосвященный Григорій предполагалъ въ семь лѣтъ [6]). Мечта преосвященнаго Григорія была непривѣтливо встрѣ-

---

[1]) А. СПБ. Д. К. 1859 г. № 29964. [2]) А. С. С. 1859 г. № 1644.
[3]) А. С. С. 1859 г. № 1644. [4]) А. С. С. 1858 г. № 2329, л. 1—2.
[5]) А. С. С. 1858 г. № 2330, л. 20.
[6]) А. С. С. 1858 г. № 2329, л. 1—2.

чена даже другомъ его, митрополитомъ Филаретомъ (Дроздовымъ), который писалъ въ Сунодъ (отъ 17 мая 1860 г.), что „во всякомъ случаѣ отъ перваго опыта трудно ожидать совершенства... Трудно устроить въ самомъ миссіонерскомъ учрежденіи обученіе разнымъ нехристіанскимъ языкамъ, изъ которыхъ нѣкоторые не получили еще научнаго обработанія не представляютъ способныхъ учителей. Безъ сомнѣнія, неудобно было бы поставить сіе учрежденіе въ шумномъ городѣ; но будутъ неудобства со стороны и слишкомъ пустого мѣста, гдѣ нѣтъ въ близости ни учебныхъ пособій, ни обществъ людей ученыхъ и образованныхъ, тогда какъ въ миссіонерахъ образовать должно не застѣнчивость одиночества, а свободное присутствіе духа для обращенія съ людьми даже при необыкновенныхъ встрѣчахъ“ [1]). Съ своей стороны митрополитъ Филаретъ предлагалъ устроить вѣроироповѣдническій монастырь или вѣро-проповѣдническое братство, хотя не отказалъ въ нѣкоторыхъ указаніяхъ для института [2]). 15 іюня 1860 г. эти указанія были препровождены къ преосвященному митрополиту Григорію „для соображенія“. Но Григорій тогда уже лежалъ на смертномъ одрѣ, а 17 іюня онъ скончался. Смерть Григорія была началомъ медленнаго умиранія мысли объ институтѣ. 15 февраля 1861 г. послѣдовалъ вызовъ слушателей для института, которые скоро начали съѣзжаться [3]). Начальникомъ института былъ назначенъ законоучитель Тифлисской Губернской гимназіи, протоіерей Іоакимъ Романовъ [4]), который къ 28 ноября 1863 г. представилъ въ Сунодъ подробный уставъ миссіонерскаго института [5]). Но дѣло шло вяло. Занятія въ институтѣ не открывались. Слушатели, не желая оставаться въ неопредѣленномъ положеніи, разъѣзжались, а скоро (17 сентября 1864 г.) начальникъ предполагаемаго института былъ опредѣленъ на священническую и законоучительскую должность въ первую С.-Петербургскую военную гимназію [6]). 10 августа 1866 г. мыза была передана обратно въ Министерство Государственныхъ Имуществъ [7]),

[1]) А. С. С. 1858 г. № 2330, л. 42.
[2]) А. С. С. 1858 г. № 2330, л. 44.
[3]) А. С. С. 1858 г. № 2330, л. 55—57.
[4]) А. С. С. 1858 г. № 2330, л. 61.
[5]) А. С. С. 1858 г. № 2330, л.л. 322—328.
[6]) А. С. С. 1858 г. № 2330, л. 333.
[7]) А. С. С. 1858 г. № 2330, л. 348.

а проектъ объ открытіи миссіонерскаго института былъ оставленъ при дѣлѣ на случай возбужденія вопроса объ открытіи института въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ [1]). 17 февраля 1867 г. былъ переданъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и капиталъ, принадлежащій мызѣ въ 53,250 руб. [2]). Итакъ, умерла великая мысль преосвященнаго митрополита Григорія.

При митрополитѣ Григоріи значительно подвинулось впередъ дѣло перевода богослужебныхъ книгъ на финскій языкъ. Еще въ 1828 году при С.-Петербургской семинаріи былъ открытъ классъ финскаго языка [3]). Въ томъ же году учителемъ его Григоріемъ Окуловымъ былъ переведенъ на финскій языкъ катихизисъ [4]). Но дальше дѣло перевода остановилось до самаго 1849 г., когда уже другой преподаватель этого языка, Ѳома Фриманъ, снова взялся за переводъ богослужебныхъ книгъ. До митрополита Григорія дѣло подвигалось очень медленно. Фриманъ отсылалъ свои переводы на исправленіе финляндскимъ священникамъ и потомъ снова самъ считался съ ихъ поправками и замѣтками [5]). Въ 1858 г. митрополитъ Григорій узналъ, что многіе православные финны, за неимѣніемъ богослужебныхъ книгъ, употребляютъ лютеранскіе молитвенники и ходятъ для молитвы въ лютеранскія кирки. Черезъ митрополита это печальное обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ Синоду, который 17 іюня 1858 г. издалъ указъ объ учрежденіи Комитета для перевода богослужебныхъ книгъ на финскій языкъ. Членами комитета были: архимандритъ Павелъ (Лебедевъ) и Ѳома Фриманъ. Въ 1859 г. Комитетъ представилъ преосвященному Григорію вечерню, утреню и литургію св. Іоанна Златоуста. А въ февралѣ 1860 г. были уже готовы и представлены: литургія Василія Великаго, преждеосвященныхъ даровъ, чинъ благословенія колива, чинъ надъ кутіею въ память усопшихъ и чинъ литіи объ усопшихъ. Въ концѣ представленія было добавлено, что подготовленъ уже переводъ и остальной части служебника [6]).

---

[1]) Внутр. Правл. 1859 г. № 1. [2]) А. С. С. 1858 г. № 2330, л. 348.
[3]) А. С. С. 1858 г. № 2330, л.л. 359—360.
[4]) Внѣш. Правл. 1828 г. № 148.
[5]) Внѣш. Правл. 1828 г. № 148.
[6]) Церк. Лѣтоп. 1860 г. стр. 400; „Истор.-стат. свѣдѣнія о СПБ. еп.“ ч. VIII, стр. 59.

Судя по изложенной исторіи миссіонерской дѣятельности Григорія, мы получаемъ полное право сказать, что миссіонерство было самымъ любимымъ занятіемъ его, которому онъ отдалъ много силъ и энергіи и которое принесло желанные плоды. Мы видимъ, что, благодаря преосвященному Григорію, это никого раньше не интересовавшее дѣло пріобрѣло общецерковный интересъ и государственное значеніе. Мы видимъ миссіонерскія отдѣленія въ академіяхъ и семинаріяхъ, откуда выходили просвѣщенные миссіонеры, одушевляемые высокою идеею общаго мира и братства во Христѣ. Если миссіонерскія намѣренія преосвященнаго Григорія практически и не были осуществлены, такъ какъ миссіонерскій институтъ умеръ, не родившись, такъ какъ курсы для священниковъ больше не повторялись, и самъ „Православный Собесѣдникъ“ изъ спеціально-миссіонерскаго сдѣлался ученымъ органомъ академіи,—то главный пунктъ ихъ былъ достигнутъ: миссіонерскіе предметы, сдѣлавшись общеобязательными въ академіяхъ и семинаріяхъ, дѣлали и дѣлаютъ то, что въ каждомъ приходѣ теперь можно надѣяться встрѣтить священника, знакомаго съ расколомъ, его исторіей и опроверженіемъ. А этимъ въ достаточной степени осуществляется девизъ преосвященнаго Григорія: каждый священникъ-миссіонеръ.

Общая характеристика митрополита Григорія, какъ дѣятеля въ области духовнаго просвѣщенія.

Разносторонность и самостоятельность просвѣтительной дѣятельности митрополита Григорія. Самоотверженность и высота служенія его дѣлу духовнаго просвѣщенія.

> „Академія сохранитъ въ своей памяти дорогое имя этого достойнѣйшаго архипастыря, всегда съ горячимъ участіемъ относившагося къ дѣлу духовнаго просвѣщенія“ [1]).

Если принято отводить людямъ мѣсто въ исторіи лишь за то, что они занимали въ жизни высокое положеніе, то тѣмъ большее право на это мѣсто принадлежитъ тѣмъ, кто

---

[1]) Проф. Чистовичъ. „СПБ. дух. академія за послѣднія 30 лѣтъ“ (1858—1888 гг.). СПБ. 1889 г., стр. 17.

зарекомендовалъ себя какою-либо полезною дѣятельностью. Митрополитъ Григорій по праву занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи духовнаго просвѣщенія на Руси въ XIX столѣтіи. Его просвѣтительная дѣятельность не только была снабжена высокимъ церковно-государственнымъ авторитетомъ, но и, продолжаясь около сорока шести лѣтъ (1814—1860 г.), заявила себя многими положительными качествами и разнообразною пользою. Прежде всего она была разностороннею. Духовная школа, церковная проповѣдь и миссія были предметомъ живѣйшаго интереса для Григорія. Духовной школѣ онъ посвятилъ свои молодые годы и отдалъ, быть можетъ, лучшія силы, когда служилъ въ родной академіи сначала профессоромъ и библіотекаремъ, а потомъ инспекторомъ и, наконецъ, ректоромъ. Проповѣди Григорій произносилъ отчасти въ академіи, но съ большею продуктивностью—въ дальнѣйшій періодъ своей епархіальной службы, когда не упускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы не сказать своимъ пасомымъ приличнаго наставленія. Что же касается миссіи, то она, не уменьшая интереса преосвященнаго Григорія къ духовной школѣ и проповѣди, но стоя въ тѣсной связи съ тою и другою, занимаетъ доминирующее положеніе въ его дѣятельности во вторую половину его долголѣтняго служенія русской церкви.

Личность митрополита Григорія становится тѣмъ почтеннѣе, что во многомъ изъ того, что онъ дѣлалъ, ему самому принадлежитъ инициатива, теоретическая разработка и первая и примѣрная практика. Въ годы академической службы онъ первый началъ преподавать богословіе на русскомъ языкѣ, въ К. Д. У. онъ горячо и основательно отстаивалъ права гражданства русскаго языка и, несмотря на открытые протесты всѣхъ членовъ ея, продолжалъ читать лекціи на русскомъ языкѣ въ теченіе всей дальнѣйшей своей профессорской службы. Въ дѣлѣ проповѣди онъ открыто боролся съ царившею тогда схоластическою вычурностью выраженія и діалектическими тонкостями построенія. Самъ онъ проповѣдывалъ просто и ясно и того же требовалъ отъ другихъ. Но всего болѣе митрополитъ Григорій зарекомендовалъ себя самостоятельностью и плодотворностью въ дѣлѣ реформы противораскольнической миссіи и введенія миссіонерскаго образованія въ духовной школѣ. Его можно назвать отцомъ обновленной миссіи въ Россіи. Онъ не только первымъ по-

далъ мысль объ улучшеніи миссіонерскаго дѣла, но и писалъ одинъ за другимъ самые проекты миссіонерскаго образованія и устройства миссій. Въ своемъ (Казанскомъ) округѣ онъ самъ открывалъ и организовалъ миссіонерскія отдѣленія. Нужно замѣтить, что открытое, а потомъ непосредственно руководимое и поощряемое Григоріемъ миссіонерское отдѣленіе Казанской духовной академіи образцовою постановкою дѣла скоро стало примѣромъ для всѣхъ другихъ и продолжаетъ свое существованіе и теперь, когда въ другихъ академіяхъ о миссіонерскихъ отдѣленіяхъ не осталось и воспоминаній.

Далѣе, преосвященный Григорій въ своей дѣятельности былъ самоотверженнымъ труженикомъ, открытымъ борцомъ за то, что считалъ справедливымъ и необходимымъ, и щедрымъ покровителемъ духовнаго образованія. Сразу же, по окончаніи академіи, ему пришлось преподавать семь отдѣльныхъ богословскихъ наукъ, что было тѣмъ труднѣе, что по нѣкоторымъ изъ нихъ совсѣмъ не было еще руководствъ и пособій. Григорію по необходимости приходилось составлять лекціи, которыя требовали большой усидчивости и непрерывнаго самообразованія. Самообразованіе преосвященный Григорій считалъ для себя необходимымъ и въ дальнѣйшемъ. Въ теченіе всей своей жизни Григорій „имѣлъ охоту заниматься чтеніемъ книгъ“ [1]). Занимаясь всю жизнь то профессорскимъ преподаваніемъ, то учено-богословскими трудами... говоритъ проф. Чистовичъ: митрополитъ Григорій сохранилъ эту склонность... до старости; но въ послѣдніе годы жизни онъ занимался ими съ особенною настойчивостью, какъ бы считая ихъ существеннѣйшею обязанностью пастырства. Начальству духовной академіи онъ приказалъ представлять ему всѣ статьи прежде напечатанія ихъ, а основанную имъ „Духовную Бесѣду особенно въ два первые года, можно сказать, наполнялъ статьями собственнаго сочиненія“ [2]). Не говоримъ уже объ „Истинно-древней и истинно-православной Христовой Церкви“, которая стоила автору колоссальной усидчивости и кропотливаго труда—выписывать цѣлыя страницы изъ старопечатныхъ и рукописныхъ раскольническихъ книгъ и систематизировать ихъ по вопросамъ полемики съ раско-

---

[1]) А. С. С. 1861 г. № 1001.

[2]) Проф. Чистовичъ. „Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія“, стр. 361.

ломъ. Самыя проповѣди митрополита Григорія носятъ на себѣ печать мысленнаго напряженія и долгой кабинетной подготовки. При среднихъ способностяхъ митрополиту все давалось съ трудомъ. Но зато, къ чему разъ привели его постоянныя занятія и продолжительныя думы, отъ того онъ не отказывался въ теченіе всей дальнѣйшей своей жизни, несмотря ни на какія обстоятельства. Краснорѣчивой иллюстраціей къ этому является дѣятельность митрополита Григорія въ К. Д. У... [1]). Раздѣляя гуманныя стремленія вѣка, митрополитъ Григорій не боялся перешагнуть порогъ обычая и ходячихъ понятій тамъ, гдѣ видѣлъ явную пользу. Думается, что и теперь многіе были бы удивлены, если бы кто-нибудь предложилъ разрѣшить лицамъ всякаго званія и пола присутствовать при чтеніи лекцій въ духовной академіи [2]). А тогда это предложеніе, конечно, забаллотированное, внесъ самъ митрополитъ. Преосвященный Григорій любилъ духовную школу и не жалѣлъ для нея не только своихъ трудовъ. Онъ давалъ изъ собственныхъ средствъ преміи за лучшія сочиненія по миссіонерскимъ предметамъ въ Казанской академіи. Онъ положилъ на преміи за богословско-полемическое сочиненіе цѣлый капиталъ при С.-Петербургской академіи. Преосвященный Григорій не жалѣлъ для духовной школы и своего любимаго имущества—книгъ, щедро жертвуя ихъ при жизни и отдавъ всѣ по смерти. Все это тѣмъ цѣннѣе, что направлялось къ идеальной цѣли. Своимъ капиталомъ (3,500) и, главное, условіями пользованія имъ, Преосвященный Григорій показалъ, что онъ не только могъ нести бремя повседневнаго труда, но и былъ способенъ подняться на ту высоту христіанскаго прогресса, до которой дѣйствительность не доросла еще и теперь и дорастетъ, кажется, лишь тогда, когда наступитъ царство Божіе на землѣ.

В. Никифоровъ.

Старый—Осколъ.
19 февраля 1914 года.

[1]) Львовъ. «Письма къ Филарету», стр. 81—83.
[2]) А. С. С. 1859 г. № 1181, л. 1.